ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ.

ЧАСТЬ XV.

МОСКВА, 1804.

Въ Университетской Типографіи,

у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1804.

№ 9.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Россіянинъ въ Лондонѣ, или письма къ друзьямъ моимъ.

(Продолженіе напечатаннаго въ первой книжкѣ Московскаго Меркурія.)

5 Сентября.

„Молодая, прекрасная женщина ѣхала за „городомъ въ каретѣ — парою — безъ „лакея. Скачетъ къ ней верхомъ человѣкъ порядочно одѣтой, и въ нѣкоторомъ еще разстояніи кричитъ: *Лор* „(обыкновенное слово Англійскихъ воровъ)! „Кучеръ остановился. Дама вынимаетъ „кошелекъ — съ тремя гинеями. *И болѣе „нѣтъ?* — *Ни одного шилинга.* — *А пер-*

„*стенъ на прекрасномъ вашемъ пальцѣ?* — „*Этотъ перстень стоитъ можетъ быть* „*тридцать, или сорокъ фунтовъ стерлин-* „*говъ. . . но я получила его отъ любимаго* „*человѣка!* — — Воръ задумался. *Мило-* „*стивая Государыня!* сказалъ онъ нако- „нецъ: *люди моего ремесла не охотно раз-* „*стаются съ добычею: уступаю вамъ по-* „*дарокъ любимаго человѣка; но вы, надѣюсь,* „*не откажете мнѣ въ томъ, что я цѣню* „*гораздо выше.* — — Красавица поблѣднѣ- „ла. Учтивой кавалеръ поцѣловалъ ея „руку, оборотилъ свою лошадь, и скрыл- „ся изъ виду.“

Какїе любезные воры!

„Въ прошедшую ночь поднята на „Чаръ-стритѣ женщина, раненная въ „трехъ мѣстахъ ножемъ: сомнительно „чтобы она осталась жива.“

„Въ прошедшую ночь найденъ подлѣ „Вестминстерскаго Аббатства человѣкъ „не извѣстно кѣмъ застрѣленной.“

Какїе злые воры!

Я читалъ это севодни поутру въ газетахъ — сидя за чайнымъ столикомъ съ любезною хозяйкою. „И вы не боитесь ходить по городу?“ — „Къ чему не льзя привыкнуть!“ отвѣчала она. Впрочемъ, рѣдко убиваютъ; болѣе грабятъ.“ — „Не забавно быть и ограблену. . . Но или газе-

шы ваши лгутъ, или не проходитъ недѣли безъ убійства." — „Представьте себѣ, что жребій падаетъ на одного изъ 20 тысячь человѣкъ! . ." — —

Англія наполнена ворами. Путешественники часто бываютъ принуждены выдерживать на большихъ дорогахъ настоящія сраженія. Въ Лондонѣ, на главныхъ улицахъ, въ десять и одиннадцать часовъ вечера, при свѣтѣ фонарей, при толпѣ многочисленнаго народа отнимаютъ вещи и деньги такъ свободно, какъ въ лѣсу! Флегматики идутъ мимо, видятъ и холоднокровно продолжаютъ путь, не остановясь. Грабежи такого рода происходятъ всегда подъ видомъ драки. За простое воровство ссылаютъ въ Ботаниби, за насильственное вѣшаютъ — и ничто не удерживаетъ!

Однакожь хозяйка моя права: *къ чему не льзя привыкнуть!* Я всякой день возвращаюсь изъ города пѣшкомъ въ одиннадцать часовъ вечера. — —

Здѣсь теперь двѣ особы достойныя любопытства: славная *Кавалеръ д'Эонъ* — старуха, которая въ женскомъ платьѣ учитъ фехтовать — и еще болѣе славная *Дю-Те.* Эта обернулась нѣсколько разъ на колесѣ Фортуны: прожила милїоны; угощала Принцовъ, Министровъ, Уче-

ныхъ первой степени, величайшихъ полководцевъ, знатнѣйшее духовенство; раздавала повелѣнія съ великолѣпнаго ложа своего, дѣлала щастіе однимъ взглядомъ, и лежала въ больницѣ на соломѣ. Нынѣ она имѣетъ дружескую связь съ однимъ Лордомъ, только не за деньги, потому что сама довольно богата.

Здѣсь также и нещастная, интересная Ла-Мотъ. Сказываютъ, что когда она шла съ эшафота, имѣя одну сторону груди и спины обнаженную для показанія клейма, необыкновенная красота нѣжнаго ея тѣла плѣнила Англичанина, заставила его презрѣть все и увезти ее въ Лондонъ. Думайте, какъ хотите; а я почитаю Англичанина за щастливаго, что она согласилась ѣхать съ нимъ:

„Le crime fait la honte, et non pas l'échaffaud."

Я слышалъ объ ней очень смѣшной анекдотъ: бывшій Французской Министръ К*, играя съ нею въ пикетъ, сказалъ: *Madame, vous êtes marquée!* — и Ла-Мотъ имѣла неосторожность разсердиться. —

Восемь часовъ! . . . пора въ театръ.

4 *Сентября.*

Гдѣ я былъ?... Не во дворцѣ ли Амаѳонтской Царицы? — не на островѣ ли Калипсы или Цирцеи? — не въ раю ли Магометовомъ? — не знаю. Дайте время опомниться.

Друзья мои! хотите ли видѣть образецъ красоты?... Поѣзжайте, поѣзжайте въ Лондонъ.

Здѣсь Натура представляетъ всѣ тѣ формы, которыми восхищаются, смотря на картины Тиціановы, или Корреджіевы. Здѣсь Натура представляетъ то, чего ни Тиціанъ, ни самъ Апеллесъ, ни одинъ смертный не могъ изобразить на холстѣ: *душу* въ каждой формѣ, *пружину* въ каждой фибрѣ.

Найдете и въ другихъ земляхъ прекрасное лицо, но вмѣстѣ съ безобразнымъ тѣломъ; найдете какой нибудь порокъ: здѣсь прекрасная женщина *вся* прекрасна.

Вообразите богиню любви, когда она вышла изъ Океана; представьте себѣ глаза небеснаго цвѣта, большіе, томные, сладострастные, губы маленькія, пунцовыя, плѣняющія милою улыбкою, два ряда зубовъ чистыхъ какъ перлы, волосы свѣтлорусые, мягкіе какъ шелкъ,

станъ прелестной, груди полныя, круглыя, члены образованные Купидонами, выпуклости отлитыя Роскошью, тѣло нѣжное и бѣлое какъ лилея, гладкое какъ атласъ, пышное какъ роза: однимъ словомъ, представьте себѣ земное существо, ближайшее къ наружному совершенству — и будете имѣть портретъ молодой Англичанки.

Кто дышалъ атмосферою пяти сотъ такихъ красавицъ, и нервы его не трепетали, какъ струны двигнутой арфы, тотъ — камень, а не человѣкъ! . . .

Теперь должно изпортить всю картину. Друзья мои! вздохните изъ глубины сердца: Туріи, которыхъ я описывалъ, торгуютъ своими прелестями. —

Онѣ составляютъ особливой классъ Лондонскихъ *дѣвокъ*, и ѣздятъ въ главные театры, а особливо въ Ковент-гарденской и Дрюри-ленской, *обязываться* на вечеръ (это ихъ Техническое слово). Одѣваются щегольски, обуваются также; но всего болѣе щеголяютъ тонкимъ и чистымъ бѣльемъ. Театры освѣщены великолѣпно; ложи построены въ нѣсколько ярусовъ; лѣстницы покойны. Въ партеръ ходятъ самые бѣдные люди. На билетахъ въ ложи номеровъ нѣтъ; можно

войти, въ которую хочешь. Изъ нѣсколькихъ тысячь зрителей не бываетъ, думаю, ста человѣкъ, пріѣхавшихъ для того, чтобы видѣть піесу: всѣ прочіе непрестанно бѣгаютъ по лѣстницамъ, по коридорамъ, и занимаются только женщинами. При каждомъ ярусѣ есть комната съ бюфетомъ, всегда наполненная людьми: это *зала собранія*, въ которой не рѣдко происходятъ удивительныя сцены.

Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ столько разпутства, какъ въ Лондонѣ. По ночамъ видишь множество Венериныхъ жрицъ на всѣхъ улицахъ. Вчера я возвращался домой очень поздо черезъ Сент-Джемесской паркъ: остановила меня прекрасная дѣвушка лѣтъ семнадцати. „Пойдемъ ко мнѣ.“ — Чего ты хочешь? — „Денегъ.“ — Сколько? — „Пол-кроны.“ — Вотъ цѣлая крона. Прощай. — Нимфа, обиженная такимъ равнодушіемъ, схватила меня за руку, и неотвязно требовала поцѣлуя. „Хочу платежа, а не милостыни,“ повторила она раза три. Я отдалъ ей гинею почти насильно, вырвался и ушелъ. Думаю, что она почла меня за сумасшедшаго. —

Пріятнѣе говорить о прелестницахъ Ковент-гарденскихъ и Дрюри-ленскихъ

Онѣ почти всѣ изъ хорошихъ семействъ, и довольно хорошо возпитаны; почти всѣ родились въ такомъ состоянїи, которое даетъ право на знакомство съ порядочными людьми. Обольщенныя Лордами въ то цвѣтущее время жизни, когда молодое, неопытное сердце съ удовольствїемъ вѣритъ честности; увезенныя изъ дому родительскаго, лишенныя невинности, потомъ оставленныя безъ утѣшенїя, безъ помощи, обремененныя проклятїями отца и матери, онѣ принуждены искать себѣ друга, покровителя. Но Англичане въ любви такого рода весьма непостоянны: ихъ связи, основанныя на прихоти, рѣдко продолжаются болѣе двухъ или трехъ мѣсяцовъ. Нещастныя красавицы, перемѣнивъ нѣсколько любовниковъ, терпѣвъ отъ нихъ самыя грубыя поступки и потерявъ цѣну свою въ глазахъ развратителей, прибѣгаютъ наконецъ (можетъ быть, изъ отчаянїя) къ послѣдней крайности порока и униженїя. Были примѣры, что такїя дѣвки, вышедъ за мужъ, сдѣлались вѣрными супругами и хорошими наставницами дѣтямъ. Справедливость требуетъ сказать, что онѣ и посреди самаго разврата любятъ еще благопристойность. Ихъ чрезвычайная опрятность, хорошїя комнаты, скромное обхожденїе,

разговоръ, иногда очень умной, безкорыстіе, совсѣмъ неожидаемое: все уловляетъ сердце, все обманываетъ воображеніе, и вмѣсто Лаисъ показываетъ невинныхъ жертвъ, кроткихъ и любезныхъ, достойныхъ сожалѣнія и нѣжнаго чувства.

Кромѣ обыкновенныхъ и вездѣ извѣстныхъ мѣстъ, въ Лондонѣ есть множество домовъ, въ которыя милостивая Венера принимаетъ любовниковъ, укрывающихся отъ глазъ ревности. Можно войти съ женщиною, потребовать особливую комнату, ужинъ; пробыть часъ, два часа, цѣлую ночь, сколько угодно, и быть увѣрену въ ненарушимой тайнѣ. За ночлегъ платятъ отъ одного шилинга до одной гинеи. Найдешь иногда комнаты великолѣпно убранныя — съ богатыми кроватями, съ дорогими паникадилами, съ большими зеркалами, съ благоуханными диванами на пружинахъ, со всѣми выдумками роскоши и сладострастія. Такіе домы весьма неблагопріятны важному Гимену и строгой Діанѣ, покровительницѣ невинности — а особливо тамъ, гдѣ молодыя дамы могутъ ходить пѣшкомъ и ѣздить въ фіакрахъ, то есть въ наемныхъ каретахъ, взятыхъ съ площади. —

„Хорошо ли это?“ спросите вы. — Нѣтъ, друзья мои. Но всѣ большія сто-

лицы подвержены одной участи; но въ городѣ столь обширномъ, столь многолюдномъ, какъ Лондонъ, отступленїе отъ благонравїя не избѣжно. Удивительно только, что люди богатые, знатные, ограничиваются такимъ удовольствїемъ, которое можетъ имѣть человѣкъ самаго низкаго состоянїя. Ковры и диваны не замѣнятъ любезности, а Лондонскїя женщины, которыхъ покупаютъ за двѣ гинеи, не стараются быть любезными: онѣ похожи на стыдливыхъ невѣстъ, обвѣнчанныхъ принужденно. —

Разточительные Англичане скупы для женщинъ: отъ того въ Англїи нѣтъ любовницы наемной, которая за 50, или 100 гиней не измѣнила бы вѣрности.

Хотѣлъ писать еще, но зовутъ обѣдать.

Найду ли я когда нибудь въ Лондонѣ хотя одну дурную вещь?....

Начиная отъ земледѣльческихъ инструментовъ до самыхъ дорогихъ часовъ, отъ собаки, барана и быка до верховой лошади, отъ сапоговъ, которые носитъ слуга, до металла, блистающаго на прелестной груди молодой Леди, отъ стола,

или стула бѣднаго мѣщанина до великолѣпныхъ комнатныхъ уборовъ богача — здѣсь все хорошо.

Но всего прекраснѣе женщины: не льзя смотрѣть безъ движенія, безъ удовольствія, на миловидную Англичанку съ Діаниным станомъ, когда она идетъ по улицѣ въ короткомъ Амазонскомъ платьѣ изъ темнаго, или чернаго казимира. Жаль, что такія красавицы имѣютъ мужей флегматиковъ, которые занимаются болѣе Политикою и торговлею, нежели ихъ прелестями!

Повѣрите ли, что Лондонское житье стоитъ мнѣ дешевле Петербургскаго и даже Московскаго? Трудно вообразить придуманное здѣсь для выгоды людей небогатыхъ. Имѣя въ карманѣ нѣсколько шилинговъ, находишь себѣ услужниковъ вездѣ: въ домѣ, на улицѣ, въ театрѣ...

Просыпаюсь — звоню въ колокольчикъ: является хозяйская дѣвка, разводитъ огонь въ каминѣ, грѣетъ воду. Нѣтъ сахару: та же дѣвка покупаетъ въ лавочкѣ фунтъ, два фунта, три фунта сахару изколотаго и завернутаго въ картузы. Кафтанъ не вычищенъ: приходитъ искусной камердинеръ, чиститъ кафтанъ,

одѣваетъ меня, и потомъ отправляется къ другому для такого же дѣла. Это стоитъ крону (менѣе двухъ рублей) въ мѣсяцъ. Хочу писать къ четверымъ изъ своихъ прїятелей, которые живутъ на четырехъ разныхъ концахъ города. Что дѣлать? кого послать? Идетъ маленькая почта: отдаю четыре свои письма и на другой день получаю отвѣтъ. Такая почта ходитъ два раза въ день. Надобно ѣхать; грязно: выхожу на улицу; стоятъ заложенныя кареты; извощикъ отворяетъ дверцы, и *долженъ* ѣхать, хотя бы не хотѣлъ; цѣна учреждена, разстоянїя опредѣлены; за каждую Англїйскую милю и за часъ ѣзды платятъ одинъ шилингъ (37 копѣекъ); но извощику оставляется на волю требовать платы за время, или разстоянїе, какъ для него выгоднѣе. Подъѣзжаю къ театру: неизвѣстной человѣкъ отворяетъ мнѣ дверцы кареты, и естьли надобно, обтираетъ мои сапоги; даю ему два пенса (копѣйки три). Хочу газетъ, Журналовъ: приносятъ ихъ ко мнѣ за совершенную бездѣлицу, и на другой день берутъ обратно. Люблю читать книги: сто библїотекъ къ моимъ услугамъ. Желаю прїятныхъ связей. . . . Не бойтесь, друзья мои! не оскорблю вашего благонравїя; замолчу. — — —

Прилагаю счетъ, сколько мнѣ потребно денегъ на годовой прожитокъ въ Лондонѣ. По нынѣшнему курсу нашъ рубль составляетъ 31 пенсъ.

Комната въ лучшемъ кварталѣ города — просторная, чистая, покойная, съ хорошимъ ковромъ на полу, съ полнымъ числомъ мёбелей изъ краснаго дерева — отдается обыкновенно за одну гинею въ мѣсяцъ. Двухъ комнатъ довольно. Это составитъ въ годъ - 185 р.

Угли для камина и свѣчи. 50 —

Слуги не надобно: хозяйская дѣвка замѣняетъ его. Но камердинеру, которой приходитъ одѣвать меня, плачу по 2 руб. въ мѣсяцъ. 24 —

Прачкѣ - - 60 —

Перукмахера и пудры не надобно.

Чай и сахаръ - 60 —

Я обѣдаю иногда у Французскаго ресторатёра; беру отъ четырехъ до пяти блюдъ, портеръ и кофе: плачу 80 копѣекъ. Еще полагаю на завтракъ и легкой ужинъ по 70 копѣекъ въ день - 540 —

По Лондонскимъ плитамъ охотно хожу пѣшкомъ — и тѣмъ охотнѣе, что богачи, Лорды и женщины

ходятъ пѣшкомъ — а въ дурную погоду нанимаю фїакръ. Весьма довольно будетъ на извощиковъ - 150 р.

Гардеробъ въ такой землѣ, гдѣ столько мануфактуръ и гдѣ не употребляютъ мѣховъ, долженъ стоить въ половину менѣе здѣшняго 250 —

На карманные разходы - 181 —

И того 1500 р.

Видѣвъ нѣсколько земель и много большихъ городовъ, я совершенно увѣрился, что издержки одинокого человѣка зависятъ не отъ цѣны съѣстныхъ припасовъ, но отъ порядка въ жизни.

Прощайте.

---

8 *Сентября.*

Здѣсь правительство гораздо учтивѣе частныхъ людей: оно принимаетъ всякаго иностранца *какъ гостя*, *какъ добраго человѣка*; не дѣлаетъ ему никакихъ допросовъ, не оскорбляетъ его никакимъ подозрѣнїемъ. Прїѣхавшїй въ Англїю долженъ явить свой пашпортъ одинъ разъ — въ Портовомъ городѣ, послѣ чего онъ можетъ объѣхать все Государство, и прожить въ немъ десять или двадцать лѣтъ

подъ именемъ, какимъ хочетъ. У воротъ Лондонскихъ никого не останавливаютъ, не спрашиваютъ; трактирщики и вообще хозяева отдаточныхъ комнатъ не любопытствуютъ знать, кто платитъ имъ за квартиру. Эта нѣжность правительства, и еще въ такое время, когда Государство должно остерегаться шпіонства и возмущеній, дѣлаетъ честь Лондонской Полиціи: боятся только *слабые.* — Отъ чего же воровство и драки на улицахъ?.. Можетъ быть, Политика Министровъ и гражданскія права народа не дозволяютъ употребить строгости (*).

Напротивъ того частные люди весьма неблагосклонны къ иностранцамъ. Родиться не Англичаниномъ и быть честнымъ человѣкомъ кажется имъ непонятнымъ противорѣчіемъ. Думая такимъ образомъ, они принимаютъ иностранца холодно, съ видомъ презрѣнія, съ явнымъ желаніемъ уклониться отъ его знакомства. Справедливость требуетъ сказать, что естьли какой нибудь особливой, чрез-

(*) Послѣ 1795 года многое перемѣнилось. Вольная Англія завела у себя почти Инквизицію государственную. Теперь ни въ одной Республикѣ не льзя жить такъ свободно, такъ безопасно, какъ въ Россіи.

вычайной случай подастъ объ иностранцѣ хорошее мнѣнїе, тогда Англичанинъ будетъ искреннимъ и вѣрнѣйшимъ его другомъ. Но можно прожить нѣсколько лѣтъ и не дождаться такого случая; а между тѣмъ сухой прїемъ отниметъ у человѣка самаго терпѣливаго желанїе искать дружескихъ связей.

Знакомства, сдѣланныя по обыкновеннымъ рекомендательнымъ письмамъ, вездѣ мало приносятъ удовольствїя, а въ Лондонѣ еще менѣе. Трудно здѣсь иностранцу войти въ прїятельское общество: зовутъ его только на пиры, на великолѣпные обѣды, на балы — и зовутъ очень рѣдко. Притомъ Англїйскїя собранїя довольно скучны; ихъ обѣды выдуманы, кажется, для испытанїя человѣческаго терпѣнїя: садятся за столъ въ пять часовъ; молчатъ и съ важностїю наполняютъ свой желудокъ. По окончанїи этой механической работы, отпускаютъ женщинъ въ другую комнату, остаются одни съ бутылками, и начинаютъ располагать судьбою мїра, повторять извѣстное всякому наизусть. Уже подъ вечеръ входятъ къ женщинамъ. Хозяйка разливаетъ чай; потомъ играютъ въ карты, и наконецъ разъѣзжаются. — „Можетъ „ли тутъ быть разговоръ, гдѣ чашки

„непрестанно гремятъ, гдѣ хозяйка бо-„лѣе занимается самоваромъ, нежели го-„стями?“ спрашиваетъ Жанлисъ. — Какая великая розница между обществами Англійскими и обществами Французскими!

Ѣхавъ изъ Базеля въ Цирихъ, на послѣдней почтѣ я познакомился съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, Графомъ де Б*, молодымъ человѣкомъ, сыномъ знаменитаго отца, извѣстнаго въ Республикѣ Литераторовъ по переводу Саллустія на Французской языкъ. Мы остановились въ одномъ трактирѣ, и оба имѣли намѣреніе отправиться черезъ нѣсколько дней въ Констанцъ. Б* поѣхалъ прежде: я хотѣлъ быть у Лафатера. По пріѣздѣ моемъ въ Констанцъ, любезной знакомецъ мой тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ, и повелъ меня къ сестрѣ своей, Маркизѣ де Ф*, которая тогда жила въ одномъ домѣ съ Епископомъ Н*, Епископомъ С. М* и Графомъ де Ш*, Генераломъ прежней Французской службы. Въ тотъ день была у нее вечеринка. Всѣ осыпали меня ласками; женщины дѣлали мнѣ вопросъ за вопросомъ; и черезъ недѣлю я уже имѣлъ множество знакомствъ. Прожилъ въ Констанцѣ болѣе мѣсяца, и оставилъ этотъ маленькой городъ, весьма сожалѣя, что не могъ прожить въ немъ гораздо долѣе.

Пріѣзжаю въ Лондонъ, являюсь съ рекомендательнымъ письмомъ къ человѣку богатому: послѣ обыкновенныхъ учтивостей, очень холодныхъ, онъ вмѣсто приглашенія сказалъ только, что я *въ случаѣ надобности* могу съ полною довѣренностію требовать его совѣтовъ и *услугъ*. Черезъ двѣ недѣли мы встрѣтились въ Сент-Жемесскомъ паркѣ. „Отъ чего такъ давно не видались?" спросилъ онъ, пожавъ мою руку: „на завтрашній день не дали слова?" — „Нѣтъ." — „Пріѣзжайте въ Таверну * * *; мы. . . человѣка три. . . условились тамъ обѣдать. Въ четыре часа." — „Хорошо" — Я пріѣхалъ, или, правду сказать, *пришелъ*. Знакомецъ мой имѣетъ доходу около пятидесяти тысячь рублевъ, изъ которыхъ тридцать издерживаетъ на загородной свой домъ, на книги, на картины и статуи, восемь проживаетъ въ Лондонѣ (въ четырехъ наемныхъ комнатахъ съ однимъ камердинеромъ), а двенадцать *бросаетъ*. Онъ и пріятели его спрашивали вина, пили много, шумѣли еще болѣе. Одинъ я ничего не спрашивалъ, и однакожь заплатилъ изъ своего кармана пять гиней. Этотъ вечеръ доставилъ мнѣ жестокую головную боль. За то я узналъ, что Фоксъ краснорѣчивѣе Питта, что

цвѣтущая торговля обогащаетъ всякое Государство, что въ Россіи холодно, а въ Италіи жарко, и проч. — —

Разскажу вамъ смѣшное приключеніе, которое, можетъ быть, отниметъ у меня охоту ѣздить въ здѣшніе театры:

Я знакомъ съ молодымъ В*, соотечественникомъ нашимъ. Онъ служитъ въ Гвардіи сержантомъ, и захотѣлъ увидѣть Лондонъ. Вчера мы поѣхали въ театръ съ однимъ изъ нашихъ морскихъ Офицеровъ и съ Французскимъ Эмигрантомъ. Лишь только В* успѣлъ пройти нѣсколько разъ по корридору, какъ одинъ пьяной Англичанинъ въ разстегнутомъ кафтанѣ, въ разстегнутомъ жилетѣ, въ сапогахъ забрызганныхъ грязью, въ шпорахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, началъ ходить мимо его, заглядывать ему въ лицо, и повторять: *Frenchmann! Frenchmann!* то есть: *Французъ! Французъ!* Надобно замѣтить, что въ Англіи люди нѣкотораго сорта почитаютъ всѣхъ иностранцевъ за Френчмановъ. Сперва В* думалъ отдѣлаться холоднокровіемъ, однакожь напослѣдокъ вышелъ изъ терпѣнія, и спросилъ наглеца, чего онъ хочетъ. Англичанинъ взялъ его за воротъ, потащилъ въ комнату, и требовалъ неотмѣнно кулачнаго поединка. Увидя насъ еще троихъ, онъ выбѣжалъ на

минуту и привелъ трехъ Англичанъ. Съ трудомъ мы прекратили эту непрїятную сцену; но впечатлѣнїе, которое она произвела во мнѣ, долго останется. На кулакахъ сражаться я не умѣю, а съ оружїемъ въ театръ не ѣздятъ: чтожь дѣлать? Своеволїе такого рода гораздо хуже воровства на улицахъ. И кто же былъ этотъ пьяной? — Лейтенантъ Королевской службы!

Вошелъ ко мнѣ хозяинъ. „Письмо ваше опоздаетъ.“ — „Оно готово. Прикажите дать огня и сургучу.“ — Между тѣмъ я прибавлю еще нѣсколько строкъ.

Посреди всѣхъ упражненїй, посреди всѣхъ забавъ, мысль, что я разлученъ съ вами, друзья мои, пространствомъ четырехъ тысячь верстъ, огорчительна душѣ моей. Нетерпѣливо ожидаю вашихъ писемъ. Будьте здоровы, веселы, щастливы!... и да избавитъ васъ Богъ отъ пьяныхъ Лейтенантовъ въ забрызганныхъ сапогахъ — а особливо отъ желанїя скитаться по чужимъ землямъ!

„Où peut - on être mieux qu'au sein de sa famille?“

(Продолженїе впредь.)

II.

Тюльпанное дерево, Восточная повѣсть.

(Изъ сочиненій Гжи. Жанлисъ.)

Въ прекраснѣйшемъ Королевствѣ изъ всей Азіи обиталъ любезный и блистательный народъ, столько же прославившійся военными подвигами, сколько склонностію своею къ Наукамъ и Художествамъ. Неподалеку отъ стѣнъ, ограждавшихъ чертоги и обширные сады Государя, была пальмовая роща, на концѣ которой находились два домика, отличающіеся миловидною своею простотою. Одинъ принадлежалъ старику Оглану, которой велъ въ немъ пустынническую жизнь въ продолженіе многихъ лѣтъ: садикъ его славился великолѣпнымъ тюльпаннымъ деревомъ (*), неизвѣстнымъ еще тогда въ Азіи. Оно имѣло десять саженъ вышины и, во время цвѣта, покрывалось болѣе, нежели двумя тысячами тюльпановъ красоты безподобной. Къ дереву сему была придѣлана круглая лѣстница въ 50 футовъ вышиною, и тамъ находилось мѣсто для отдохновенія, или родъ гнѣзда,

(*) Сіе дерево вывезено изъ Америки.

крѣпко утвержденнаго на двухъ толстыхъ вѣтвяхъ. Сїе гнѣздо было такъ велико, что въ немъ свободно помѣщались три или четыре человѣка, и ничто не могло быть такъ прїятно, какъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ видѣть себя на срединѣ дерева, котораго каждый сучокъ обремененъ прекраснѣйшими тюльпанами. Въ семъ таинственномъ убѣжищѣ, Поэтъ, увѣнчанный и со всѣхъ сторонъ окруженный прелестнѣйшими цвѣтами, изпускающими превосходный запахъ, подумалъ бы, что Флора перенесла его въ любимую свою рощицу.

Огланъ, убѣгая отъ общества, никого не пускалъ въ свое уединенное жилище, но не смѣлъ не принять Королевской фамилїи, которую любопытство, видѣть тюльпанникъ, привлекло однажды въ его садъ. Онъ умѣлъ найти предлогъ для недопущенїя Высокихъ своихъ посѣтителей къ лѣстницѣ, ведущей на дерево, и никто изъ нихъ не всходилъ на оное. Съ сего дня старикъ отказывалъ всѣмъ любопытнымъ безъ изключенїя. Поговорили нѣсколько времени о его нелюдимости; но какъ онъ твердо устоялъ въ характерѣ мизантропа, то объ немъ наконецъ забыли, такъ точно, какъ бы онъ жилъ за тысячу верстъ отъ Двора.

Другой домикъ принадлежалъ долго одному садовнику; наконецъ купилъ его Зеинебъ, молодой Царедворецъ, которой умѣлъ его украсить, не лиша его и сельскихъ красотъ. Зеинебъ поведенїемъ своимъ и милымъ нравомъ опровергалъ все, что обыкновенно говорятъ на щетъ Придворныхъ мрачные, недовольные Философы, которые никогда не бывали при Дворѣ и не имѣли ни случаевъ, ни возможности знать и разсматривать характеры Государей и Вельможъ.

Зеинебъ сохранилъ при Дворѣ невинныя свои склонности: веселость духа, откровенность, чрезвычайную умѣренность, и доброе, чувствительное сердце. Онъ не искалъ способовъ къ обогащенїю своему; достатокъ его былъ посредственный, но онъ соразмѣрялъ его съ своими желанїями. Наскучивъ пышнымъ зрѣлищемъ величїя и тягостнымъ этикетомъ, прїѣзжалъ онъ отдыхать въ свой маленькой домикъ, но не ополчался противъ Придворнаго великолѣпїя; ибо не чувствовалъ ни малѣйшаго негодованїя отъ того, что въ чертогахъ Царей и знатныхъ Господъ не находилъ умѣренности и сладкаго покоя пастушеской жизни.

Сдѣлавшись сосѣдомъ Оглану, юный Зеинебъ услышалъ съ удивленїемъ о

странностяхъ сего старика. Огланъ провождалъ большую часть времени въ тюльпанникѣ, въ цвѣточномъ своемъ гнѣздѣ; онъ никогда въ немъ не читалъ, но просиживалъ по цѣлому дню, одинъ и въ совершенной праздности. Не взирая на дикость и неприступность, старикъ былъ добръ и благотворителенъ; входъ къ нему, будучи запертъ для любопытныхъ, былъ всегда отворенъ для бѣдныхъ; онъ дѣлалъ добро безъ всякаго тщеславія, но съ такимъ благоразуміемъ и разсмотрительностію, которыя доказывали, что это было главное его упражненіе. Зеинебъ почувствовалъ непреодолимое желаніе узнать Огдана и его тюльпанное дерево, котораго никогда онъ не видывалъ; но всѣ его покушенія въ разсужденіи сего были тщетны. Стѣна раздѣляла сады двухъ сосѣдей. Въ одинъ день Зеинебъ, подчищая свои шпалеры, взошелъ на стѣну и увидѣлъ великолѣпный тюльпанникъ. Ахъ! какая прекрасная вещь! вскричалъ онъ. Случилось, что Огланъ не сидѣлъ тогда въ гнѣздѣ своемъ, но ходилъ по саду и, услышавъ сіе возклицаніе, увидѣлъ Зеинеба, въ одномъ камзолѣ, безъ шляпы, съ кривымъ ножемъ въ рукѣ, и почелъ его за садовника. Пріятная физіономія, на которой изображалась кроткая весе-

лость, ему понравилась. Онъ подумалъ, что человѣкъ сего состоянія не обезпокоитъ его и что онъ всегда легко можетъ отъ него отвязаться. Взглянувъ на него съ улыбкою, Огланъ сказалъ ему: „послушай, другъ мой! естьли хочешь посмотрѣть на это дерево вблизи, то обойди кругомъ; я отопру тебѣ ворота.“ Услышавъ сіе, восхищенный Зеинебъ, вмѣсто того чтобъ идти назначенною дорогою, спрыгнулъ со стѣны и въ одинъ мигъ очутился въ саду Оглана; онъ бросился обнимать старика, которой увидѣлъ тогда свою ошибку, и узналъ, что сей молодой человѣкъ былъ не садовникъ, а сосѣдъ его Зеинебъ; но любезность и веселонравіе юности скоро преклонили къ нему сердце старика, которой обошелся съ нимъ самымъ вѣжливымъ и ласковымъ образомъ. Подошедъ къ дереву, Зеинебъ хотѣлъ идти по круглой лѣстницѣ, но старикъ сильно тому противился; однакожъ Зеинебъ не послушался и взлетѣлъ, какъ птица, въ таинственное гнѣздо. Старикъ за нимъ послѣдовалъ, и они оба сѣли на одну изъ вѣтвей. Огланъ пристально смотрѣлъ на Зеинеба. „Ахъ! какъ здѣсь пріятно!“ вскричалъ сей послѣдній. Какъ! сказалъ Огланъ: не уже ли въ самомъ дѣлѣ не чувствуешь ты здѣсь

скуки и тягости? — „Скука такъ скоро не приходитъ, отвѣчалъ Зеинебъ, смѣючись: напротивъ я въ восхищеніи и желалъ бы провести здѣсь всю жизнь. Множество прелестныхъ воспоминаній представляются моему воображенію. Добрый старецъ! не говори со мною, не мѣшай мнѣ думать!“.... При сихъ словахъ почтенное лице Оглана оросилось слезами. Любезный, превосходный юноша! вскричалъ онъ, обнявъ его: съ сей минуты я ничего скрывать отъ тебя не буду; войдемъ со мною въ домъ мой; ты услышишь отъ меня вещи чудесныя.... Сіи слова такъ сильно возбудили любопытство въ Зеинебѣ, что, не взирая на неизъяснимую прелесть, влекущую его къ дереву, сошелъ онъ съ поспѣшностію и послѣдовалъ за старикомъ. Они вошли въ домъ. Огланъ сѣлъ съ нимъ на мягкія подушки и сказалъ ему: „Сынъ мой! я тебя такъ теперь знаю, какъ бы имѣлъ щастіе быть твоимъ отцемъ; знаю, что ты никогда не обманывалъ; обѣщай мнѣ хранить тайну, которую намѣренъ я тебѣ ввѣрить.“ Даю тебѣ въ томъ честное слово, отвѣчалъ Зеинебъ. — „Довольно! Выслушай же странную мою повѣсть:

„Я родился въ Персидской провинціи Сузіанѣ. Мегемеитъ, Владѣтель сей неболь-

ной области, сдѣлалъ меня Визиремъ своимъ; мнѣ было тогда около сорока лѣтъ. Исполняя возложенную на меня должность съ величайшимъ безпристрастіемъ, нажилъ я однако же, совсѣмъ не вѣдая того, множество враговъ; я думалъ, что для сохраненія мѣста моего довольно будетъ мнѣ справедливости, безкорыстія, неусыпнаго трудолюбія, старанія объ уменьшеніи налоговъ и о приведеніи земледѣлія въ цвѣтущее состояніе. Желая все видѣть и знать непосредственно самъ собою, что очень возможно въ небольшомъ владѣніи, часто ѣзжалъ я одинъ и подъ чужимъ именемъ въ разные краи Сузіаны. Однажды встрѣтился я на дорогѣ въ лѣсу со старухою, которая была одѣта въ самое бѣдное рубище и, сидя на древесномъ пнѣ, горько плакала. Я остановился, чтобъ спросить ее о причинѣ такой печали, и она трогательнѣйшимъ образомъ описала мнѣ свою бѣдность. Я посадилъ ее на свою лошадь позади себя и отвезъ ее въ ближнюю деревню, гдѣ объявилъ о себѣ и, сыскавъ для нее хижину, оставилъ ей нѣсколько денегъ и поѣхалъ, давъ слово навѣщать ее отъ времени до времени. Черезъ два или три мѣсяца я и дѣйствительно посѣтилъ ее: она была здорова и осыпала меня благословеніями.

Благородная ловкость съ обращенїи и прїятные разговоры Никсы — такъ ее звали — ясно показывали, что она была не простаго рода; но тщетно старался я узнать, кто она такова, и слышать ея приключенїя; отвѣты ея были такъ темны и замѣшательство такъ велико, что я пересталъ безпокоить ее вопросами. Никса была отмѣнно умна, и я не знаю женщины, подобной ей въ прїятности обхожденїя. Я почувствовалъ нѣжнѣйшую къ ней дружбу, предлагалъ ей перевезти ее къ себѣ въ домъ; но она непремѣнно хотѣла остаться въ своей хижинѣ, которую украсилъ я всѣмъ, что только могло ей нравиться; и какъ она мнѣ призналась, что была чрезвычайно лѣнива и не умѣла ни за что приняться, то я далъ ей двухъ расторопныхъ невольницъ и хорошаго садовника; тогда увѣрила она меня, что стала совершенно щастлива."

„Между тѣмъ тайные мои непрїятели, возпользуясь моею неосторожностїю, погубили меня совершенно въ умѣ Государя. Мегеметъ, лишивъ меня мѣста, велѣлъ однако же мнѣ сказать, что, въ награжденїе за мою службу, дозволяетъ онъ мнѣ просить у него одной милости, которую обѣщается непремѣнно исполнить. Я написалъ къ нему, что, остаа-

вляя Министерство въ такой точно бѣдности, въ какой былъ я при вступленіи въ оное, ничего не желаю, кромѣ небольшаго уголка необработанной земли, куда бы я могъ удалиться и питаться трудами рукъ своихъ. Владѣтель приказалъ дать мнѣ большую обработанную со тщаніемъ землю; но я не принялъ ее, сказавъ, что хочу имѣть удовольствіе обработывать самъ, и повторилъ мою прежнюю прозьбу. Мегеметъ повелѣлъ исполнить мое требованіе; но, послѣ долговременныхъ поисковъ, донесли ему, что во всемъ его Государствѣ не нашлось ни одного маленькаго клина необработанной земли. Возвратите же поскорѣе Оглана, вскричалъ Мегеметъ: какъ! не уже ли довелъ онъ земледѣліе въ областяхъ моихъ до такого цвѣтущаго состоянія? Возвратите его! пусть онъ опять вступитъ въ Министерство, и на всю жизнь. Мегеметъ и дѣйствительно возвратилъ мнѣ мое мѣсто, которое занималъ я до самой его кончины. Наслѣдникъ его, не знаю за что, ненавидѣлъ меня; онъ не только отнялъ у меня чинъ мой, но и все имѣніе. Я однакожь такъ много успѣлъ оказать услугъ разнымъ особамъ, что могъ съ основательностію надѣяться на утѣшенія дружбы; но въ такомъ бѣдствен-

комъ состоянїи, въ каксе былъ я низвержень, имѣя благородную гордость, не прибѣгають къ друзьямъ съ унизительными прозьбами, а ждутъ ихъ къ себѣ. Я ожидалъ безполезно: неблагодарные всѣ меня оставили! Пронзенный жесточайшею горестїю, пошелъ я въ деревню, гдѣ жила Никса; она приняла меня съ разпростертыми руками. Спѣши, Государь! сказала она мнѣ: спѣши войти въ эту бѣдную хижину; ты найдешь благодарность подъ соломеннымъ кровомъ. Я обнялъ Никсу съ неизъяснимою нѣжностїю. О! какъ злополучїе научаетъ насъ цѣнить сердце вѣрное и благодарное! какъ любезна показалась мнѣ тогда бѣдная Никса! . . . Добрая моя Никса! сказалъ я: ты въ молодости безъ сомнѣнїя была прелестна, я по всему это вижу; но не думай, чтобъ когда нибудь могла ты внушать чувствїя, подобныя тому, которое я къ тебѣ питаю; нѣтъ! самая сильнѣйшая любовь не стоитъ такой дружбы. Ахъ, Никса! чтобъ познать всю чувствительность души благодарной, надобно быть любиму нещастливцемъ, не имѣющимъ кромѣ насъ другаго утѣшенїя! — Такъ, отвѣчала Никса: я точно также думала, когда, будучи безъ пристанища и безъ всякой помощи, была призрѣна

тобою; добродѣтельный Огланъ! . . . Тогда схватилъ я у нее руку, и съ восхищеніемъ прижалъ ее къ груди моей; я былъ тронутъ до слезъ: какъ сладостно слышать напоминаніе добраго дѣла отъ предмета, насъ утѣшающаго! Такъ, сказалъ я, любезная Никса! я отдалъ бы жизнь свою, сдѣлавшуюся теперь безполезною, для возвращенія тебѣ юности; но не взирая на то, когда вздумаю, сколько я тебя люблю, нахожу неизъяснимую прелесть въ той мысли, что мы оба съ тобою давно уже вышли изъ блистательнаго и шумнаго возраста страстей; горжусь безпорочностію и великостію чувствій моихъ къ тебѣ, и наслаждаюсь дружбою, такъ какъ наслаждаются добродѣтелію."

„Я не принялъ на себя притворной твердости духа и не скрылъ отъ Никсы, какъ больно было мнѣ, что ближніе мои и ложные друзья меня оставили. Ты узналъ теперь, отвѣчала она, эту вѣроломную толпу и долженъ ее презирать: не уже ли трудно тебѣ забыть ее? — Ахъ, Никса! сказалъ я: въ числѣ сихъ неблагодарныхъ есть люди, которые такъ милы для меня были!.... есть много такихъ, которыхъ привыкъ я любить съ самаго ихъ младенчества; почиталъ ихъ

своими дѣтьми! . . . Не раскаеваюсь въ добрѣ, мною имъ сдѣланномъ; но нѣжныя мои о нихъ попеченія, заботы, безпокойства, труды, лишившіе меня здоровья — Никса! не уже ли могу я не жалѣть объ нихъ! Сколько претерпѣлъ я безплодныхъ страданій, которыя никогда не могли внушить даже благодарности! . . . Ахъ, Никса! раны отеческаго сердца никогда не затворяются; негодованіе, изцѣляющее всѣ прочія, еще больше разтравляетъ ихъ; ибо въ этомъ случаѣ негодованіе есть ничто иное, какъ горестное изумленіе, которое при каждомъ новомъ размышленіи, при каждомъ воспоминаніи, становится живѣе и огорчительнѣе! . . ."

„Никса соболѣзновала обо мнѣ искренно: состраданіе истинной дружбы укрѣпляетъ и возвышаетъ самую унылую душу. Ввечеру двѣ Никсины невольницы, накрывъ маленькой столикъ, поставили на него умѣренный нашъ ужинъ. Я сѣлъ противъ Никсы, которая выслала невольницъ, и печально смотрѣлъ на сельскія кушанья, ею мнѣ предлагаемыя; но ничего не ѣлъ, за что Никса дружески мнѣ пѣняла. Никса! сказалъ я: деревенская жизнь и уединеніе будутъ мнѣ всегда казаться съ тобою прелестными; но признаюсь тебѣ, что по нещастію не люблю

молока и орѣховъ, а отъ чернаго хлѣба болитъ у меня желудокъ. — Хорошо! отвѣчала она, улыбаясь: я дамъ тебѣ другой ужинъ; дружбѣ все возможно. Сказавъ сїе, прикоснулась она къ столу, и — вообрази мое удивленїе, когда увидѣлъ я, что глиняная посуда превратилась въ золотую, и столъ покрылся изящнѣйшими блюдами! Будучи недвижимъ отъ изумленїя, поднялъ я глаза, и, вмѣсто старой Никсы, увидѣлъ величественную женщину, ослѣпительной красоты, и великолѣпно одѣтую. Познавъ въ ней могущественную волшебницу, упалъ я къ ея ногамъ. Прекрасная и благодѣтельная Никса подняла меня, ободрила милостиво и принудила сѣсть опять за столъ, сказавъ, что не прежде будетъ отвѣчать на мои вопросы, какъ послѣ ужина, которой, какъ ты самъ можешь разсудить, былъ не продолжителенъ. Тогда Никса удовлетворила мое любопытство слѣдующимъ образомъ:

„Тебѣ извѣстно, любезный Огланъ, сказала она, что Феи не имѣютъ Королевъ, но подчинены Царю духовъ, которой управляетъ ими съ неограниченнымъ самовластїемъ. Я никогда не дѣлала зла и употребляла искуство свое только на добрыя дѣла; но я любила славу и, желая

отличиться блистательными дѣяніями, обратила на себя вниманіе, и слѣдовательно возбудила зависть. Всѣ прочія Феи на меня возстали; я претерпѣла несправедливость ихъ, но сдѣлалась жертвою оной. Меня оклеветали, и Царь духовъ, въ первомъ движеніи неодуманнаго гнѣва, произнесъ мнѣ слѣдующій приговоръ: *да будетъ гордая Никса превращена на шесть лѣтъ въ старуху, и да лишится на сіе время всѣхъ своихъ сокровищъ, волшебнаго жезла и власти!*"

„Едва изрекъ онъ это ужасное опредѣленіе, какъ я очутилась на площади неизвѣстнаго мнѣ города. Бѣдственное очарованіе, отнявшее у меня красоту, имѣніе и силу, не имѣло однако же ни малѣйшаго дѣйствія надъ умомъ моимъ и душею. Я вооружилась твердостію, но все была ничто иное, какъ бѣдная, безпомощная старуха и притомъ въ чужой, незнакомой землѣ. Сверхъ того я не умѣла ничего дѣлать; жезлъ намъ все замѣняетъ, и мы, творя съ помощію его величайшія чудеса, оставляемъ въ совершенномъ небреженіи наши природныя способности. Тогда-то узнала я, какъ несправедливо говорятъ: *искусна какъ Фея*; ибо, лишась жезла, сдѣлалась я ни къ чему неспособною. Мнѣ даже не можно

было наняться въ работницы: никто не хотѣлъ взять къ себѣ въ домъ бѣдную, слабосильную старуху, которая не умѣла ни шить, ни прясть. Такимъ образомъ я принуждена была скитаться по міру, и въ одинъ годъ испытала все, что нищета и сиротство имѣютъ ужаснѣйшаго; наконецъ встрѣтилась я съ тобою, любезный Огланъ, и нашла опять щастіе. Сего дня недѣля, какъ наказаніе мое кончилось. Царь духовъ, узнавъ мою невинность, предлагалъ мнѣ наказать моихъ враговъ; но я очень бы худо возпользовалась нещастіемъ, естьли бы захотѣла мстить. . . Наученная злополучіемъ, буду съ сего времени убѣгать всякаго блеска и пышности; стану творить добро въ тайнѣ, и жить въ неизвѣстности до тѣхъ поръ, какъ найду съ помощію моего искуства средство дѣлать славныя и великія дѣла, не возбуждая зависти."

„Окончивъ свою повѣсть, мудрая Никса спросила у меня, чего я желаю? Предложила сдѣлать меня Государемъ, но я немедленно отъ сего отказался. Могущественная Фея! сказалъ я: мнѣ болѣе шестидесяти лѣтъ; я служилъ сорокъ лѣтъ отечеству и за великіе мои труды и пожертвованія былъ заплаченъ одною только неблагодарностію; кажется,

что послѣ сего можно мнѣ дозволить желать спокойствія и независимости. Пышность и великолѣпіе мнѣ несносны: благоволи доставить мнѣ посредственное, мирное состояніе. Я буду жить въ уединеніи, далеко отъ своего отечества, которое долженъ оставить, для избѣжанія гоненій; но дай мнѣ способы облегчать бѣдность малаго числа нещастныхъ, которые могутъ со мною повстрѣчаться... А бѣдныхъ старухъ? прервала Никса, улыбаясь: справедливость требуетъ, чтобъ я снабдила тебя средствами для вспоможенія имъ. Возьми, Огланъ, продолжала Фея, подавая мнѣ кошелекъ: возьми этотъ кошелекъ; въ немъ пять золотыхъ монетъ, которыя ежедневно будутъ возобновляться, естьли ты, какъ я не сомнѣваюсь, говоришь правду. Тогда Фея взяла меня за руку: хижина, деревня — все изчезло, и мы очутились въ дикой степи, заросшей негодными травами. Ахъ! вскричалъ я: мы уже не въ Сузіанѣ! Нѣтъ, отвѣчала Фея: эта необработанная земля доказываетъ тебѣ, что ты не въ той уже землѣ, которую привелъ въ такое цвѣтущее состояніе. Но поди отсюда все прямо, и въ двухъ миляхъ найдешь очень пріятной городъ, котораго жители гостепріимны. Прости, любезный Огланъ! я

буду невидимо тебя покровительствовать, и мы еще увидимся. Сказавъ сіе, Фея изчезла: я остался одинъ и тяжело вздохнулъ. Не взирая на обѣщанія и дары волшебницы, я жалѣлъ о хижинѣ и доброй престарѣлой Никсѣ: покровитель не стоитъ друга."

„Я странствовалъ два года, и наконецъ вздумавъ основаться здѣсь, купилъ этотъ садъ: онъ тогда былъ ничто иное, какъ густая роща, составленная изъ иностранныхъ деревъ разнаго рода. Въ одно утро всталъ я очень рано, чтобъ велѣть прорубить нѣсколько дорогъ въ моемъ саду; зашедъ въ чащу, услышалъ я позади себя небольшой шорохъ, оглянулся и почувствовалъ несказанную радость, увидя благодѣтельную Никсу. Она спросила у меня, цѣлы ли пять золотыхъ монетъ, которыя были въ подаренномъ ею мнѣ кошелькѣ. Цѣлы, отвѣчалъ я: каждой вечеръ кошелекъ мой бываетъ пустъ; но по утру опять нахожу въ немъ то, что наканунѣ издержалъ. Это доказываетъ мнѣ, сказала Никса, что ты благоразуменъ и добродѣтеленъ. Кошелекъ этотъ неизтощимъ для человѣка мудраго и благотворительнаго, но въ рукахъ пышнаго расточителя, или скупца, не можетъ онъ возобновляться. Съ нынѣшня-

го дня, любезный Огланъ, продолжала Фея, будешь ты находить въ кошелькѣ по 200 золотыхъ монетъ. Нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ я: великія богатства способны вскружить голову и самому благоразумнѣйшему мужу, а я слишкомъ слабъ, чтобъ могъ почитать себя отъ этого безопаснымъ. Оставь меня въ щастливой моей посредственности: вотъ одно только состояніе, въ которомъ не такъ трудно сохранить умѣренность и добродѣтель: можно ли чего нибудь желать болѣе? . . . . И такъ ты совершенно щастливъ? спросила Фея. — Блаженство мое было бы безпредѣльно, естьли бы могъ я забыть неблагодарныхъ, которыхъ люблю еще противъ воли моей. Ночи мои покойны, сонъ мой кротокъ, не будучи возмущаемъ страстями и угрызеніями совѣсти; днемъ же, когда я занимаюсь бѣдными, о которыхъ пекусь, или когда упражняюсь въ ученіи, тогда могу назваться прямо щастливымъ; но въ минуты моихъ досуговъ и отдохновенія, печальныя воспоминанія меня терзаютъ: я тоскую объ отечествѣ моемъ и о неблагодарныхъ, которые меня оставили; крушусь о тѣхъ безцѣнныхъ и невозвратимыхъ минутахъ, въ которыя думалъ я быть любимымъ! . . . . Утѣшься! ска-

зала Никса: я сей часъ избавлю тебя отъ этихъ мученій. . . . Тогда простерла она золотой свой жезлъ на самое высокое дерево моего сада и превратила его въ этотъ тюльпанникъ, обремененный цвѣтами, и съ этимъ самымъ гнѣздомъ; словомъ, такъ какъ ты теперь его видишь. Дерево гордое! сказала она: будь изящнѣйшимъ произведеніемъ моего искуства; сотворенное благодарностію и дружбою, будь наградою добродѣтели! . . . . Одинъ только праведникъ да обрящетъ подъ сѣнію твоею сладостнѣйшее успокоеніе! да снищетъ онъ въ нѣдрахъ твоихъ забвеніе всѣхъ страданій своихъ и заботъ, и да воспоминаетъ только о томъ, что ему пріятно: о полученныхъ имъ доказательствахъ истинной дружбы, о благотвореніяхъ, которыхъ былъ онъ предметомъ, о добрыхъ дѣлахъ, имъ самимъ и другими учиненныхъ. Но отвергай далеко отъ себя порочныхъ, злыхъ, неблагодарныхъ, тщеславныхъ, лицемѣровъ и кокетокъ! Да не насладятся они никогда твоимъ ароматическимъ запахомъ (*), и да по неизбѣжному дѣйствію непреодолимаго волшебства не могутъ они свободно дышать на цвѣту-

(*) Дерево, кора и цвѣты тюльпанника имѣютъ разный, весьма пріятный запахъ.

щихъ твоихъ вѣтвяхъ! Да приводятъ себѣ на память однѣ только горестнѣйшія свои приключенія, обиды, имъ причиненныя, неудачи свои и успѣхи соперниковъ; наконецъ да лишатся они подъ тобою всей надежды и да будутъ удручаемы сильнѣйшими безпокойствами, грызеніемъ совѣсти! . . . . . Прости, мой любезный Огланъ! примолвила Фея: когда почувствуешь печаль, то взойди только на свое тюльпанное дерево."

„Съ этого достопамятнаго дня сдѣлался я щастливѣйшимъ изъ смертныхъ; я вырубилъ всѣ деревья, окружавшія мой тюльпанникъ; всѣ его увидѣли, и я увѣрилъ, что это чудесное дерево всегда тутъ находилось, но только было закрыто густотою деревьевъ. Въ продолженіе осьми лѣтъ дѣлалъ я опыты волшебнымъ тюльпанникомъ надо многими людьми, и ты еще первый, любезный Зеинебъ, которой въ немъ черезъ двѣ минуты не задохся. Всѣ прочіе чувствовали сначала нѣкоторое оцѣпенѣніе, непреодолимую скуку, сопровождаемую сильную зевотою; потомъ приходила къ нимъ такая дурнота, что они лишались чувствъ и, для спасенія ихъ отъ неминуемой смерти, надлежало, какъ можно скорѣе, изторгать ихъ изъ сего вреднаго

имъ дерева, но въ которомъ намъ съ тобою такъ пріятно."

Когда старикъ кончилъ свою повѣсть, Зеинебъ, пораженный слышанными чудесами, долго не могъ говорить. Наконецъ, пришедъ въ себя, началъ дѣлать многіе вопросы о волшебномъ деревѣ, и открылъ въ свою очередь мудрому Оглану, что онъ страстно влюбленъ въ Канзаду, молодую богатую вдову въ столичномъ городѣ Ипсарѣ (*), и что намѣренъ на ней жениться. „Ты очень достоинъ быть любимымъ, сказалъ Огланъ; но я знаю по слуху прекрасную Канзаду: говорятъ, что она вѣтрена, тщеславна; можетъ быть, только для того идетъ она за тебя, чтобъ блистать при Дворѣ. Послушай меня, сынъ мой! прежде заключенія брачнаго союза приведи ее въ мой садъ и заставь войти въ гнѣздо тюльпанника." Я ненавижу испытанія, отвѣчалъ Зеинебъ. „И я также, сказалъ Огланъ, и конечно не сдѣлалъ бы тебѣ этого предложенія въ разсужденіи друзей твоихъ. Естьли бы могъ я дать тебѣ всю мою опытность въ этомъ родѣ, то лишилъ бы тебя молодости, или по крайней мѣрѣ всего того, что имѣетъ она пріятнаго. Мудрость

(*) Ипсаръ *Ipsar*, анаграмма слова *Paris*.

спасительна во всякомъ возрастѣ; но совершенное познанїе людей въ твоихъ лѣтахъ никуда не годится. Наконецъ естьли бы Канзада была твоя жена, я никогда не пустилъ бы ее въ свой садъ; но она только еще твоя любовница, и союзъ, которой ты готовишься заключить, такъ важенъ, что тебѣ должно немедленно подвергнуть Канзаду опыту. Повѣрь мнѣ, что онъ кончится къ твоему удовольствїю, естьли поведенїе ея было всегда безпорочно, естьли она не тщеславна и не кокетка." — Но развѣ не можетъ быть, возразилъ Зеинебъ, что, при самомъ безпорочнѣйшемъ поведенїи, чувствовала она изрѣдка нѣкоторыя движенїя суетности? Не уже ли дерево твое не извиняетъ маловажныхъ, неизбѣжныхъ проступковъ? — „Конечно извиняетъ, отвѣчалъ Огланъ: его произвела женщина, слѣдовательно вѣрно не забыла нѣкоторыхъ изключенїй и оттѣнокъ... Естьли Канзада не сдѣлала никакого важнаго проступка; естьли не можетъ она себя упрекать ничѣмъ, кромѣ свойственной и очень простительной молодымъ людямъ вѣтрености и неосторожности, то почувствуетъ въ тюльпанникѣ только легкую неловкость, которая очень скоро пройдетъ и которую ты удобно извинишь." Хорошо!

сказалъ Зеинебъ. Я рѣшился, и завтра же приведу сюда Канзаду. Въ слѣдующій день прелестная вдова пришла съ Зеинебомъ погулять въ саду Оглановомъ. Долго любовалась она тюльпаннымъ деревомъ и, не дожидаясь приглашенія, взбѣжала на оное; Зеинебъ послѣдовалъ за нею. Боже мой! вскричала Канзада: какой сильной, противной запахъ! . . . . Послѣ сего восклицанія она зевнула раза три, или четыре сряду. Такое начало ужаснуло Зеинеба, которой сильно смутился, и это случилось еще въ первой разъ, что добродѣтельный человѣкъ почувствовалъ въ тюльпанникѣ огорченіе. „Ахъ! какъ мнѣ дурно! продолжала Канзада: я совсѣмъ почти задохлась; пойдемъ отсюда скорѣе.“ Сказавъ сіе, встала она съ поспѣшностію, и въ одинъ мигъ сбѣжала съ лѣстницы въ садъ. Зеинебъ, почти приведенный въ отчаяніе, увѣрилъ однакожь наконецъ самъ себя, что Канзада, по обыкновенію многихъ женщинъ, увеличила почувствованную ею дурноту, и что естьли бы она еще нѣсколько времени пробыла на деревѣ, то скоро бы успокоилась. Онъ подошелъ къ ней. Канзада была тронута перемѣною его лица, которую приписывала она безпокойству отъ приключившагося ей при-

падка. „Не бойся! сказала она ему, смѣючись: теперь я здорова; я почувствовала дурноту отъ запаха цвѣтовъ этого дерева, но это все прошло; однакожь мнѣ было очень тяжело, дыханїе такъ стѣснилось.“ . . . Нѣтъ! отвѣчалъ Зеинебъ: естьли бы ты имѣла поболѣе терпѣнїя, то конечно бы преодолѣла эту легкую неловкость. „Какъ! *легкую неловкость!* вскричала Канзада: не думаешь ли ты, что я притворилась больною, для того, чтобъ показаться *интересною*? Не уже ли можешь подозрѣвать меня въ лукавствѣ? развѣ мало извѣстно тебѣ мое чистосердечїе? Я часто тебѣ хвалилась щастїемъ своимъ, что во всю жизнь свою не сдѣлала ни одного важнаго проступка и не имѣю такихъ пороковъ, за которые могла бы упрекать себя; въ противномъ случаѣ не могла бы я никакъ отъ тебя ихъ скрыть.“ . . . Вѣрю, перервалъ Зеинебъ, очень вѣрю, но возвратимся опять въ тюльпанникъ. — „За чѣмъ?“ — Прошу тебя усерднѣйше, даже требую этого отъ любви твоей ко мнѣ! — „Вотъ странное желанїе!“ — Канзада! естьли ты любишь меня, постарайся преодолѣть свое нехотѣнїе, пожертвуй мнѣ имъ! . . . — „Какая чудная прихоть!“ — Конечно, это прихоть, капризъ, все, что ты хо-

чешь; но естьли я тебѣ милъ, послушайся меня. Сказавъ сїе, взялъ онъ Канзаду за руку и, подведя ее къ дереву, уговорилъ взойти еще разъ на оное. Старикъ, желая быть свидѣтелемъ сей послѣдней сцены, пошелъ за ними. Едва Канзада дошла до цвѣточнаго гнѣзда, какъ начала зевать такъ сильно и часто, что Зеинебу должно бы потерять всю надежду; однакожь онъ продолжалъ льстить самъ себѣ. Мудрено ли? онъ былъ страстно влюбленъ! „Божусь тебѣ, любезный Зеинебъ! сказала Канзада, что я чувствую нестерпимое мученїе.“ . . . Успокойся, милая, отвѣчалъ Зеинебъ, возьми нѣсколько терпѣнїя, и это все въ минуту пройдетъ. „Напротивъ, продолжала Канзада, мнѣ отчасу дѣлается хуже. . . несносная тоска меня терзаетъ. . . такїя мрачныя мысли! . . . О Зеинебъ! выведи меня скорѣе отсюда. . . я умираю. . . .“ При сихъ словахъ смертная блѣдность покрыла лицо Канзады; но Зеинебъ продолжалъ повторять: *потерли еще немного.* Развѣ ты хочешь, чтобъ она умерла? вскричалъ старикъ. . . Канзада дѣйствительно лишилась чувствъ. Огланъ взялъ ее на руки и вынесъ въ садъ, гдѣ положилъ ее на скамью; она вскорѣ открыла глаза и, обратя ихъ на Зеинеба, сказала

ему: „Не уже ли ты и теперь станешь еще сомнѣваться въ моей искренности?... Увѣряю тебя, что я чувствовала ни съ чѣмъ несравненное мученіе. . . . цвѣты этаго дерева вредны мнѣ, какъ ядъ. . . . Зеинебъ! надѣюсь, что впредь будешь ты мнѣ вѣрить. . . но ты молчишь? Развѣ я не заслуживаю по крайней мѣрѣ хотя благодарности? Мнѣ кажется, ты долженъ быть мною доволенъ. . . .“ Зеинебъ затрепеталъ; глаза его наполнились слезами, и, будучи не въ состояніи скрыть своего смятенія, удалился съ поспѣшностію, не отвѣчавъ ни слова.

Канзада чрезвычайно обидѣлась симъ, по видимому, страннымъ поступкомъ, требовала объясненія, но, не получивъ онаго, поссорилась навсегда съ Зеинебомъ. Сей послѣдній долго бы не утѣшился безъ помощи тюльпанника; но подъ сѣнію дерева сего забывалъ онъ всѣ свои горести и провождалъ тамъ большую часть времени, что продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Огланъ любилъ Зеинеба, какъ сына, и чувствуя близость своей кончины, объявилъ, что намѣренъ отказать ему свой садъ, дабы тюльпанникъ навсегда у него остался. Доброй старикъ и дѣйствительно прожилъ послѣ сего не болѣе трехъ мѣсяцовъ. За нѣсколько часовъ до смерти

велѣлъ онъ перенесть себя въ любезное свое дерево, въ которомъ праведникъ приводилъ себѣ на память всѣ добрыя свои дѣла. При такихъ возпоминаніяхъ его послѣднія минуты были изполнены сладости; онъ изпустилъ духъ въ объятіяхъ Зеинеба, которой оплакивалъ его, какъ нѣжнѣйшій и признательнѣйшій сынъ.

Между тѣмъ Зеинебъ, изцѣлясь совершенно отъ страсти своей къ Канзадѣ, влюбился въ юную Зельфиру и внушилъ ей взаимную склонность. Осмнадцатилѣтняя Зельфира была жива и прелестна: все возвѣщало въ ней откровенный, благородный и великодушный характеръ, но она была очень вѣтрена, что весьма тревожило Зеинеба, которой, ставъ недовѣрчивымъ, подвергнулъ ее опыту тюльпанника. Лишь только успѣла она въ него войти, какъ онъ съ торопливостію спросилъ, каково ей тутъ? — „Хотя ты мнѣ чрезвычайно выхвалялъ этотъ цвѣтничекъ, однакожъ право онъ меня не возхищаетъ.“ . . — Какъ! не уже ли тебѣ дѣлается дурно? — „Нѣтъ, этова не могу сказать. . .“ — Что же ты чувствуешь? — „Сама не знаю. . . какую то неловкость, которой изъяснить не умѣю. . .“ Зельфира, сказавъ сіи послѣднія слова, зевнула. . . Мнѣ кажется, что

тебѣ скучно? сказалъ Зеинебъ печальнымъ голосомъ. „Съ тобою! отвѣчала Зельфира: это не возможно; но думаю, что запахъ этихъ цвѣтовъ слишкомъ силенъ; однакожъ мнѣ теперь легче.“ Милая Зельфира! вскричалъ обрадованный Зеинебъ: какъ это дерево стало мнѣ теперь драгоцѣнно! . . . — „Оно и дѣйствительно не дурно.“ — Мы проведемъ въ немъ всю жизнь; гдѣ можетъ быть лучше? — „На свободномъ воздухѣ: здѣсь такъ тѣсно!“ . . . — Однакожъ тебѣ здѣсь не противно? — „Это правда, но я предпочитаю твой садъ.“ Зеиневъ болѣе не требовалъ: онъ былъ доволенъ и рѣшился жениться на Зельфирѣ; но за мѣсяцъ до назначеннаго къ свадьбѣ дня, страшная революція свергла Короля съ Престола и разсѣяла Придворныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ были принуждены оставить отечество; другіе, гонимые лютыми извергами, погибли на эшафотахъ, или томились въ темницахъ. Зеинебъ, разлученный съ Зельфирою, былъ пять лѣтъ лишенъ свободы; наконецъ возвратился онъ въ свой домикъ. Прикосновенный къ оному Дворецъ былъ пустъ и почти совсѣмъ разрушенъ; но тюльпанникъ его остался невредимымъ, и онъ съ умиленіемъ увидѣлъ въ немъ гнѣздо горлицы: для любовника

это служило щастливымъ предзнаменованіемъ. Ожидая возвращенія Зельфиры, провождалъ онъ всѣ дни и часть ночей въ этомъ блаженномъ мѣстѣ, гдѣ забываются всѣ злодѣянія. Зельфира была такъ привязана къ Зеинебу, что не выѣзжала изъ Государства. Она жила въ хижинѣ, но имѣла щастіе сохранить все свое богатство и споспѣшествовать освобожденію своего любовника. Ей было извѣстно, что Зеинебъ совершенно разорился; но будучи столько же великодушна, сколько вѣрна, предложила она ему свою руку. Зеинебъ, изполненный благодарности, положилъ къ ея ногамъ гнѣздо съ юными горлицами; открылъ ей свою важнѣйшую тайну и, не прося ее взойти въ тюльпанникъ, объявилъ о свойствахъ сего чудеснаго дерева. Такая довѣренность повергла Зельфиру въ задумчивость; однакожъ, послѣ нѣкоторыхъ размышленій, она сказала: „Пойдемъ, Зеинебъ, пойдемъ въ тюльпанникъ; тамъ кончимъ нашъ разговоръ!“ Пятилѣтняя разлука придавала великую цѣну такому предложенію. Возхищенный Зеинебъ бросается къ ногамъ Зельфиры, которая поднимаетъ его, и взявъ его подъ руку, идетъ, вздыхая, къ тюльпаннику. Рѣзвая Зельфира ходила обыкновенно очень скоро, но въ этотъ

разъ шла она съ удивительною медленностію, особливо когда ступила на лѣстницу. . . Когда же сѣла она въ тюльпанникъ, Зеинебъ не могъ безъ страха видѣть, что живой цвѣтъ ея лица началъ изчезать и блѣдность заступала его мѣсто. . . Они оба нѣсколько времени молчали; наконецъ Зельфира сказала робкимъ голосомъ: „Я увѣрена, Зеинебъ, что никогда не задохнусь въ этомъ деревѣ . . . но. . . чистая совѣсть не препятствуетъ чувствовать нѣкоторое безпокойство человѣку, сидящему на ломкой вѣтви. . . . этотъ родъ сидѣнья опасенъ и непріятенъ. Наконецъ примолвила она, смѣючись: я безпрестанно буду здѣсь бояться. . . .“ Напрасно! вскричалъ Зеинебъ, обрадованный до крайности, что румянецъ началъ опять появляться на щекахъ ея. „Нѣтъ, нѣтъ! прервала Зельфира: это дерево *въ супружествѣ* никуда не годится. Срубимъ его и на этомъ мѣстѣ воздвигнемъ храмъ искренности и довѣренности.“ — Срубить это дерево, изящнѣйшее произведеніе искуства могущественной волшебницы! . . — „Она посадила его для старика, а не для молодыхъ супруговъ. . .“ — Какъ стало оно драгоцѣнно послѣ революціи! на немъ забываютъ всѣ видѣнные ужасы! . . . — „Огорчительнымъ своимъ возпоминаніямъ

можешь ты противуположить постоянство Зельфиры.“ — Съ тобою, безъ сомнѣнія, забуду я всѣ свои горести; но не требуй отъ меня такой жестокой жертвы. Не уже ли будущее тебя устрашаетъ? — „Нѣтъ! я ни мало не страшусь этого дерева; но что-то не люблю его.“ — Скажи мнѣ истинную причину такого отвращенія. — „На что тебѣ? довольно, что оно мнѣ не нравится. Я ненавижу Магію.“ — Да! черную Магію. . . — „И эта не такъ бѣла, какъ тебѣ кажется. . . я ссылаюсь на всѣхъ женщинъ. . . .“ — Женщины, подобныя Канзадѣ, безъ сомнѣнія такъ думаютъ; но ты! . . . ты, моя Зельфира, добродѣтельная, великодушная! . . . — „Ахъ, Зеинебъ! взгляни на этотъ полуразрушенной и опустѣлой Дворецъ, которой видѣли мы въ такомъ цвѣтущемъ состояніи!“ . . . — Ты обижаешь себя, Зельфира! но я умѣю отдавать тебѣ справедливость, и будущее ни сколько меня не тревожитъ. . . — „Такъ сожжемъ же тюльпанникъ!“ — Я не для испытыванія тебя хочу сохранить его. Обѣщаюсь, клянусь никогда не водить тебя въ него! — „Но естьли я всякой день, или по крайней мѣрѣ изрѣдка, не стану сюда ходить, будешь ли ты совершенно поко-

енъ?" — Надѣюсь. — „Это не возможно; и какъ мнѣ несравненно пріятнѣе разговаривать, или мечтательствовать на дерновой скамьѣ, или на креслахъ: то я не отступлю отъ своего требованія." — Отвращеніе твое мнѣ не понятно. Это прекрасное дерево не дѣлаетъ тебѣ ни малѣйшаго вреда? . . . — „Это правда; но я не меньше думаю о вредѣ, который можетъ оно сдѣлать." — Оно строго къ однимъ порочнымъ. — „*Строго*? оно задушаетъ ихъ, и ты называешь это только строгостію? Но послушай: естьли ты не рѣшишься срубить это дерево, то не женись; одинъ только холостой человѣкъ можетъ безъ неудобства имѣть его въ своемъ саду." — Я далъ слово почтенному Оглану беречь его. — „Прости же!" . . — Сказавъ сіе, Зельфира стремглавъ побѣжала съ лѣстницы; Зеинебъ остался одинъ и, по чудесному дѣйствію тюльпанника, не будучи развлекаемъ присутствіемъ Зельфиры, впалъ въ сладкую задумчивость и скоро забылъ сію непріятную сцену. На другой день хотѣлъ онъ помириться съ Зельфирою, но тщетно; боязливая и предусмотрительная Зельфира пребыла неумолима, и Зеинебъ послѣдовалъ ея совѣтамъ: онъ отрекся отъ брака, чтобъ соблюсти дерево, которымъ

не захотѣлъ пожертвовать любви. Онъ провелъ еще нѣсколько лѣтъ въ цвѣтошномъ своемъ гнѣздѣ, и по сїе время былъ бы еще тамъ, естьли бы чудеса, гораздо блистательнѣйшїя Никсиныхъ, не изторгли его наконецъ изъ сладкой его задумчивости. Благодѣтельный Генїй (*) пролїялъ вдругъ на Ипсаръ щастливое очарованїе, которое заставило жителей онаго забыть всѣ минувшїя напасти, потушило враждебную ненависть и соединило всѣ желанїя, чтобъ возвращенный покой и щастїе вѣчно продолжались. Теперь Зеинебъ можетъ выходить изъ своего дерева, не дѣлаясь отъ сего нещастливымъ; когда же онъ возвращается въ него, то его сопровождаютъ великїя, благородныя возпоминанїя, которыя придаютъ еще болѣе прелести уединенїю его и размышленїямъ.

(*) Не нужно, кажется, присовокуплять, что Сочинительница повѣсти дѣлаетъ сїе отношенїе къ Бонапартїю.

III.

Нѣчто о Графѣ Беньйовскомъ и Аглинскомъ Историкѣ Джиббонѣ.

(Изъ записокъ Гжи. Жанлисъ.)

На сихъ дняхъ обѣдали у меня двое славныхъ людей, которыхъ я прежде лично не знала. Первый, Графъ Беньйовскій, извѣстенъ по заточенію своему въ Сибирь, а болѣе по странному освобожденію оттуда. Онъ очень малъ ростомъ, хромъ, не дуренъ лицемъ и находитъ секретъ разсказывать удивительныя свои приключенія самымъ скучнымъ и почти несноснымъ образомъ. Повѣсть его была бы очень занимательна въ устахъ другаго; но самая даже услужливость героя показалась мнѣ подозрительною. Едва успѣлъ онъ сѣсть, какъ, при первомъ моемъ вопросѣ, началъ свою исторію и разсказывалъ ее съ методою человѣка, повторяющаго что нибудь въ *тысячный* разъ. Признаюсь, что я не повѣрила ни одной подробности сей длинной повѣсти. Удивительнѣе всего показалось мнѣ, что онъ вѣрилъ тайну свою осмнадцати человѣкамъ, изъ которыхъ ни одинъ его не предалъ, и всякой изъ заговорщиковъ думалъ, что никто, кромѣ его, ничего объ

этомъ не знаетъ. Они чрезвычайно удивились, когда въ минуту изполненія увидѣли, что ихъ такъ много.

Другая особа, у меня обѣдавшая, былъ Англичанинъ Джиббонъ, очень хорошій Писатель, какъ говорятъ его соотечественники, но, по моему мнѣнію, весьма худой Историкъ, болтливый и скучный вольнодумецъ, не имѣющій ничего оригинальнаго и повторяющій всѣ общія мѣста *философическія*. По сему-то, безъ сомнѣнія, написавъ только одну толстую книгу въ четвертую долю листа, которая еще не переведена, и которую никто читать не будетъ, естьли она и переведется, Авторъ такъ у насъ прославился и такъ хорошо всѣми принимается. Философы превозносятъ его до небесъ, и надобно признаться, что они совершенно обладаютъ искуствомъ вводить въ самое короткое время, и кого захотятъ, въ блистательнѣйшую славу. Говорятъ, что все то не прочно, что скоро сдѣлано; увидимъ, справедливо ли это, естьли доживемъ до старости!

Возвратимся къ Гну Джиббону: это малорослый, но притомъ чрезвычайно толстый человѣкъ; лицо у него удивительное: не льзя въ немъ различить ни одной черты. Носу и глазъ почти со-

всѣмъ не видно, также и рта; двѣ толстыя скулы поглощаютъ все; онѣ такъ широки, одутловаты и такъ далеко отошли отъ приличной щекамъ соразмѣрности, что всякой изумится, увидя ихъ на этомъ мѣстѣ... Я описала бы однимъ словомъ лицо Гна. Джиббона, естьли бы дозволено было говорить прямо, безъ *фигуръ*... Но о произношенїи его не возможно никакъ дать понятїя. Онъ говоритъ такъ протяжно, такъ часто и странно измѣняетъ голосъ, что кажется, будто онъ поетъ. Онъ никогда не ведетъ связнаго разговора, но всегда говоритъ *тирадами*, либо дѣлаетъ *дефинициїи* и *диссертациїи*; не льзя дѣлать ему отвѣтовъ, потому что онъ все договариваетъ. Онъ знаетъ множество анекдотовъ о всѣхъ славныхъ людяхъ своего отечества; но разсказываетъ ихъ очень подробно и романическимъ, свойственнымъ ему языкомъ. Онъ другъ Гаррику, первому трагическому и комическому Актору въ Англїи и которой самъ сочинялъ многїя уважаемыя Драмы. Г. Джиббонъ разсказывалъ многїя его приключенїя Вотъ одно изъ нихъ, которое я очень сократила: Одна молодая, прекрасная и очень богатая вдова, прїѣхавъ изъ Провинцїи въ Лондонъ, увидѣла въ первой разъ

Гаррика въ Комедїи: *Прекрасная Покаянница*, въ которой онъ игралъ блистательную роль Лотарїя. Вдова такъ плѣнилась Актёромъ, что вздумала выдти за него за-мужъ. Она позвала его къ себѣ и, въ жару энтузїазма, открылась ему въ своей склонности и обѣщала свою руку. На другой день поѣхала она опять въ Театръ; играли Комедїю, подъ названїемъ: *Виндзорскїя кумы.* Гаррикъ представлялъ шутовское лице Фальстафа. Молодая вдова увидѣла, что онъ такъ натурально представлялъ труса и глупаго подлеца, что Гаррикъ вдругъ ей опротивѣлъ и потерялъ отъ самаго разнообразїя таланта своего прелестную и богатую невѣсту.

Говоря о Джиббонѣ, вспомнила я одинъ очень забавный объ немъ анекдотъ, слышанный мною отъ Гна. Лозёна, которой увѣрялъ меня въ справедливости онаго, и мнѣ очень бы хотѣлось въ этомъ не сомнѣваться. Чтобъ лучше понять сей анекдотъ, прошу Читателя вспомнить описанїе, которое сдѣлала я о наружномъ видѣ Гна Джиббона. —

Г. Лозёнъ, будучи коротко знакомъ съ Гм. Джиббономъ, привезъ его однажды къ Гжѣ. дю Дефанъ, которая тогда была уже слѣпа и имѣла обыкно-

веніе ощупывать руками лица славныхъ людей, ей представляемыхъ, для того, чтобъ получить понятіе о чертахъ ихъ. Она не преминула оказать и Гну. Джиббону сей родъ лестнаго любопытства. Г. Джиббонъ протянулъ къ ней лицо со всевозможнымъ добродушіемъ. Гжа. дю Дефанъ, водя тихонько руками по сему широкому лицу, тщетно искала на немъ какой нибудь черты и не находила ничего, кромѣ двухъ уродливыхъ скулъ.... Въ продолженіе сего *экзамена* на лицѣ Гжи. дю Дефанъ изображалось крайнее изумленіе, и наконецъ съ сильнымъ негодованіемъ отнявъ поспѣшно руки, она вскричала: вотъ самая гадкая шутка!!!...

IV.

Отрывокъ изъ сочиненій Гжи. Жанлисъ.

Когда мы пускаемся въ дорогу на пять часовъ, то обыкновенно нетерпѣніе овладѣетъ нами не прежде, какъ по прошествіи четырехъ часовъ; естьли же путешествіе наше должно продолжиться шесть, или семь дней, мы начинаемъ скучать въ пятой, либо въ шестой. Естьли же на примѣръ отправимся въ

Китай, то нетерпѣнїе появляется черезъ два, или три мѣсяца, и проч. Отдаленная или близкая надежда рѣшитъ всегда степень нашего терпѣнїя и душевныхъ силъ. Сколько жизнь человѣческая бываетъ волнуема суетными и быстротекущими одна за другою надеждами! . . . . Напрасно такъ хвалятъ способность, которую имѣетъ человѣкъ льстить самому себѣ. Не гораздо ли лучше умѣть ограничивать свои желанїя и довольствоваться настоящимъ, извлекая изъ онаго всѣ возможныя для себя выгоды? Не должно забывать, что нетерпѣливое и страстное ожиданїе будущаго представляетъ настоящее несноснымъ, и что обольщающїя насъ химеры дѣлаютъ ненавистною истину, къ которой однакожъ всегда необходимо надобно опять возвратиться и почувствовать ее, сколько бы мы ни старались отгонять ее отъ себя. Кто безпрестанно ждетъ какой нибудь вещи, тотъ теряетъ время и ни чѣмъ не можетъ наслаждаться. Сїи пылкїе и страстные люди суть самыя пустыя и праздныя существа. Нѣтъ ничего хуже, какъ ждать всегда завтрашняго дня. Сїи люди подобны тѣмъ, которые никогда не бываютъ довольны своимъ жилищемъ, и во весь свой вѣкъ пере-

ѣзжаютъ съ одной квартиры на другую. Однакожъ надежда есть утѣшенїе, необходимое въ сей горестной жизни. Надежда конечно нужна; но для предохраненїя насъ отъ снѣдающихъ заботъ и безпокойствъ, отъ неудачныхъ и худыхъ вычетовъ, которые лишаютъ насъ часто всей твердости духа и ввергаютъ въ отчаянїе, для сего, говорю я, потребна надежда отдаленная, великая, основательная и такая, чтобъ эпоха обѣщаемаго ею наслажденїя и безпримѣснаго блаженства была намъ неизвѣстна: такую надежду можетъ въ насъ родить одна только Религїя!

V.

Нѣчто о воспитанїи.

Одинъ содержатель пансїона въ *Парижѣ* получилъ недавно слѣдующее письмо:

„Милостивый Государь! Я имѣю одного только сына, котораго люблю до безумїя. Ему пошелъ шестой годъ, и я находилъ въ немъ только одинъ недостатокъ, то есть непослушанїе; но сей недостатокъ простирался до такой степени, что онъ во всѣ пять лѣтъ своей

жизни едва ли хотя разъ кого нибудь послушался. Всѣ обыкновенныя средства къ его изправленїю остались безплодными, и наконецъ рѣшился я прибѣгнуть къ слѣдующему, о которомъ прошу васъ покорно сообщить мнѣ ваше мнѣнїе:

„Я пошелъ съ сыномъ моимъ въ поле, куда прежде велѣлъ придти моему егерю. — Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ я у сего послѣдняго. — Хочу, сударь, заставить эту упрямую собаку слушаться. — Но удастся ли это тебѣ? — Черезъ три дня непремѣнно... Егерь началъ учить собаку и поступалъ съ нею, какъ обыкновенно, очень грубо и жестоко. Сынъ мой, видя сїю чрезвычайную строгость, оробѣлъ и повторялъ собакѣ: *не упрямься, слушайся*! Черезъ четверть часа возвратились мы домой: онъ разсказывалъ всѣмъ домашнимъ видѣнное имъ и во все утро былъ послушливъ."

„Въ слѣдующїй день повелъ я его на второй урокъ. Егерь мучилъ собаку еще болѣе прежняго. О! вскричалъ онъ наконецъ: естьли не удастся мнѣ переупрямить эту собаку, я застрѣлю ее!"

„Мы пошли домой. Слова: *я застрѣлю ее*, раздавались еще въ ушахъ моего сына. Съ ужасомъ повторялъ онъ ихъ

тихонько, и во весь день былъ очень уменъ."

„На третій день пошли мы за послѣднимъ урокомъ. Егерь нарочно приказывалъ бѣдной собакѣ дѣлать то, чего она никакъ не могла изполнить: онъ жестоко сѣкъ ее плетью, билъ палкою и наконецъ началъ бросать въ нее каменьями. Нѣтъ, сударь! сказалъ онъ мнѣ: видно мнѣ съ нею не сладить; она никогда не станетъ слушаться, и я сію же минуту застрѣлю ее. Сказавъ сіе, выстрѣлилъ онъ изъ ружья и убилъ нещастную собаку. Сынъ мой задрожалъ, поблѣднѣлъ и, бросясь ко мнѣ на руки, едва могъ выговорить: папинька! папинька! я всегда стану слушаться. Дѣйствительно съ того времени, какъ произошла сія сцена, чему уже двѣ недѣли, мой сынъ сдѣлался самымъ послушливымъ робенкомъ. Я прошу прощенія у собакъ; но пускай лучше уменьшится число собакъ, нежели добродѣтельныхъ людей. Я же назначаю сына своего въ военную службу, гдѣ, послѣ трусости, ослушаніе почитается величайшимъ преступленіемъ."

„Имѣю честь быть, и проч. А. Б."

Отвѣтъ.

„Не спорю, М. Г. о дѣйствительности употребленнаго вами способа: вы привели Мораль въ дѣйствіе; но поступокъ вашъ показался мнѣ слишкомъ жестокимъ. Не подумайте, чтобъ я отъ излишней, или притворной чувствительности придавалъ болѣе цѣны жизни собаки, нежели чего она въ самомъ дѣлѣ стоитъ; однакожъ естьли бы мнѣ случилось изправлять сына моего, я боялся бы, чтобъ такіе уроки не научили его скорѣе быть жестокосердымъ, нежели послушнымъ; тогда сравнилъ бы я себя съ такимъ Лѣкаремъ, который не иначе умѣетъ избавлять больныхъ отъ насморка, какъ ввергнувъ ихъ въ горячку.“

„Мнѣ кажется, что, принявшись за робенка поранѣе, можно возбудить въ немъ чувствительность; но твердо увѣренъ въ томъ, что ничего нѣтъ легче, какъ изтребить ее.“

„Есть такія ремесла, которыя ожесточаютъ сердце. Это не предразсудокъ и не клевета, но печальная истинна. Когда кто по состоянію привыкъ проливать кровь животныхъ, чей слухъ пересталъ оскорбляться стономъ страждущаго бытія, душа того меньше пора-

жается плачевнымъ зрѣлищемъ страданія и смерти. Нѣтъ ни одного молодаго Хирурга, которой бы взялся безъ трепета въ первой разъ за анатомическое орудіе; но вскорѣ будетъ онъ дѣйствовать имъ хладнокровно. Чувствительность мало по-малу изчезаетъ. Она слабѣетъ отъ привычки видѣть возбуждающіе ее предметы; наконецъ время совершенно ее изтребляетъ. Но естьли то правда, что и одно время дѣлаетъ насъ менѣе чувствительными, на чтожъ предупреждать его?"

„Положимъ, что и встрѣчаются случаи, въ которыхъ можно себѣ дозволить жестокое дѣяніе, но вѣрно это бываетъ не при воспитаніи дѣтей. Непослушаніе въ пятилѣтнемъ младенцѣ не есть еще порокъ неизправимый. Положивъ даже, что вашъ способъ изправленія имѣлъ желаемый успѣхъ, мнѣ все показались очень странными ваши слова: *лучшей лучше уменьшится число собакъ, нежели добродѣтельныхъ людей!* Не ужь ли думаете вы, что послушный робенокъ не можетъ сдѣлаться безчестнымъ человѣкомъ, и что послушный сынъ и добродѣтельный человѣкъ есть одно и тоже?"

„Вѣрю искренно честности вашихъ намѣреній; но скажу откровенно, что я

никогда не далъ бы вамъ своей собаки и, еще меньше, поручилъ бы вамъ изправленіе моего сына. Думаю, что курсъ Нравоученія въ этомъ вкусѣ былъ бы неспособенъ къ умягченію нравовъ. На вашемъ мѣстѣ, М. Г., вмѣсто того, чтобъ радоваться изправленію моего сына, сталъ бы я жестоко бояться, чтобъ, научась такимъ образомъ слушаться, не привыкъ онъ въ послѣдствіи заставлять также и другихъ себѣ повиноваться, и не сталъ бы поступать съ подчиненными, какъ егерь вашъ съ собаками; наконецъ я очень бы опасался, чтобъ ему не вздумалось выбросить котораго нибудь изъ своихъ служителей въ окно, для наученія его быть впредь внимательнѣе ко звону его колокольчика."

„Въ военной службѣ сколько повиновеніе нужно подчиненному, столько же кротость нужна Начальнику. Я окончу сіе увѣреніемъ, что лучше желаю видѣть сына своего разстрѣленнымъ за ослушаніе, нежели чтобъ онъ ломалъ головы другимъ, для пріученія ихъ къ повиновенію."

„Имѣю честь быть, и проч. Д. Д."

VI.

Парижскія Моды.

Мая 1 го.

Отличнѣйшіе щеголи наши носятъ по утрамъ фраки *фисталик оваго*, а по вечерамъ *бронзоваго* цвѣту съ серебреными пуговицами.

*

Щеголихи носятъ по утрамъ серьги а л'антикъ, а на шеѣ такъ называемые roquets (рокеты); ввечеру же въ ушахъ и на шеѣ носятъ онѣ жемчужныя, или золотыя съ эмалью чопки. Прибавьте къ симъ украшеніямъ бѣлую робу, вмѣсто шали длинный вуаль, висящій на плечахъ, и тогда вы будете имѣть понятіе о Модѣ, одѣваться à la Lavallière.

*

Для полу-наряда употребительнѣйшія робы суть бѣлыя перкалевыя, вышитыя бѣлою же хлопчатою бумагою: модные дессеины для шитья составлены изъ *снѣжинъ*, или *маковыхъ цвѣтовъ*. Дамы упражняются нынѣ наиболѣе въ шитьѣ, и весьма часто случается застать щеголиху въ будуарѣ, занимающуюся вышиваніемъ для себя робы.

*

Какіе глупцы суть самые любезнѣйшіе? — Ослѣпленный и постоянный обожатель Дамъ; невспыльчивый игрокъ и разточительный богачь.

*

Дамскія косынки съ 4мя складками вошли теперь во всеобщее употребленіе, также какъ и разутюженные крагены, называемые: pélerines, также о 4хъ складкахъ. Съ черною робою носятъ и пелерины черныя кружевныя. — На Елисейскихъ поляхъ, которыя представляли въ послѣдніе два мѣсяца самое модное гульбище для здѣшней Публики, Дамы, умѣющія со вкусомъ одѣваться, являлись въ перкалевыхъ робахъ à l'enfant, или въ мамелюкахъ изъ шитой кисеи, обложенныхъ кружевомъ, съ такою же юпкою; или же, наконецъ, въ робахъ изъ гладкой кисеи съ бордюрою во вкусѣ Кашемирскихъ платковъ. Цвѣтные мамелюки шьются изъ Турецкихъ кисей, или изъ ординарныхъ, цвѣту лиловаго, розоваго, голубаго, желтаго съ бѣлымъ. — Модныя тафтяныя робы суть цвѣту замшеваго. — Изо всѣхъ головныхъ уборовъ самые модные суть: шляпки изъ тонкой соломы, бѣлой, или желтой, съ большимъ бортомъ напереди, и безъ борту на шеѣ, убранныя весьма широкою одинакаго цвѣту

лентою и бѣлою мачтою (mat). Модныя ленты суть розовыя, лиловыя, нѣжно-зеленыя и васильковыя.

Мая 8го.

Стальныя шпаги вошли за нѣсколько времени предъ симъ опять въ Моду; а теперь дошла очередь и до стальныхъ цѣпочекъ къ часамъ, и петиметръ, для большаго этикета, прячетъ маленькую свою золотую цѣпочку съ большими агатовыми печатьми, чтобъ показать новомодную цѣпочку же, составленную изъ золота и стали, съ маленькими выпуклыми штучками и маленькою же печатью. Никто не носитъ болѣе однихъ часовъ; а ежели кто и носитъ двои часы, то показываетъ одну только цѣпочку, а другую прячетъ въ карманъ.

*

Для весенняго костюма - неглиже франты наши приняли: панталоны Нанкиновые, или бумажной матеріи, цвѣту свѣтлозеленаго, круглую шляпу, весьма короткой фракъ, а въ рукѣ маленькую черную тросточку изъ виноградника.

*

Модныя мужскія табакерки суть или золотыя, или серебреныя снаружи,

а вызолоченныя внутри, и притомъ не гладкія, но рѣшетчатыя, на-подобіе шахматной доски, или ромбовъ; фигура же ихъ есть на-подобіе дуги, чтобъ онѣ могли умѣститься въ жилетномъ карманѣ по соразмѣрности дородства своего хозяина, или круга, описываемаго карманомъ.

*

Для неглиже нѣкоторые отличнѣйшіе франты носятъ на шеѣ косынки, завязывая оныя маленькими бантами, отъ которыхъ концы простираются до послѣдней жилетной пуговицы.

*

Сидализа есть обожаемая въ Публикѣ женщина. Собственное ея имѣніе — имѣніе дѣтей ея, даже имѣніе кредиторовъ Сидализиныхъ, все принадлежитъ друзьямъ ея. Мужъ усугубляетъ трудъ дражайшей своей половины; а она, съ своей стороны, утрояетъ собственныя свои издержки. Ежели и достанется ей какое-либо наслѣдственное имѣніе: то не она, а вся Публика, будетъ владѣлицею онаго. Сколько правъ пріобрѣтаетъ она тѣмъ на всеобщее уваженіе!

Клеменція — женщина, занимающаяся всякими мѣлочами, которая разпола-

гаетъ своими разходами по доходамъ; которая, вмѣсто всякаго одобренія, имѣетъ у себя добродѣтельнаго мужа, двухъ, или трехъ друзей, всякое уваженіе заслуживающихъ, и нѣсколько должниковъ, изъявляющихъ ей всегда свою признательность; которая идетъ пѣшкомъ, ведя обѣими руками дѣтей своихъ, не опасаясь укрыться отъ взоровъ Учителей, которымъ она производила всегда изправно плату за труды ихъ: Клеменція! остановись съ ними на скользкой дорогѣ и дай проѣхать великолѣпной Сидализиной колесницѣ!

*

На одномъ изъ нашихъ Театровъ, называемомъ: Feydeau, представлено будетъ вскорѣ новѣйшее музыкальное произведеніе славнаго здѣшняго Капельмейстера, г-на *Мегюля*. Говорятъ, что къ оному сочинена необыкновенная увертюра, въ которой будутъ играть 12 арфъ, съ аккомпаньеманомъ толикаго же числа альтовъ и віолончелей. Въ ономъ будутъ также и хоры, совсѣмъ новаго рода. Сія въ Оссіановомъ вкусѣ сочиненная піеса играна будетъ подъ названіемъ: *Малвина*, и уповательно заслужитъ всеобщую похвалу отъ Парижскихъ Любителей Театра.

ПОЛИТИКА.

Перечень извѣстій изъ Лондона съ 8го по 22е Мая.

Бывшій доселѣ первый нашъ Министръ, Г. Аддингтонъ, взялъ 10го числа сего мѣсяца увольненіе отъ должности, оказавъ притомъ рѣдкое и примѣрное безкорыстіе, отклоненіемъ всѣхъ почестей и награжденій, каковыя ему отъ Короля предлагаемы были.

Тогожъ числа Г. Питтъ вступилъ въ отправленіе должности Канцлера Казначейства, а 14го Мая Лордъ Мелвилль пожалованъ первымъ Лордомъ Адмиралтейства; Лордъ Камденъ Статсъ-Секретаремъ военныхъ дѣлъ и колоній; Лордъ Гарровби Статсъ-Секретаремъ иностранныхъ дѣлъ; Лордъ Гакесбури Статсъ-Секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, и проч.

Такимъ образомъ составилось новое правленіе, которое, предводимо будучи Гм. Питтомъ, подаетъ причину ожидать, что оно приметъ весьма дѣятельныя во всѣхъ соотношеніяхъ мѣры!

Сожалѣнїе, которое изъявили многїя Особы изъ здѣшней Публики о томъ, что Г. Фоксъ не принятъ въ число Членовъ новаго Министерства, приписывается не столько великимъ его талантамъ, сколько мнѣнїямъ, обнаруженнымъ имъ въ самомъ Парламентѣ о возможности заключить честный и прочный миръ съ Францїею. Другїе же Политики напротивъ того утверждаютъ, что таковой миръ есть сущая невозможность, поелику употребленныя доселѣ непрїятелемъ усилїя и чинимыя имъ вооруженїя доказываютъ, что непрїятель дѣйствительно намѣревается покуситься на высадку своихъ войскъ на берега Англїи, въ каковомъ случаѣ сей послѣдней не остается дѣлать ничего болѣе, кромѣ какъ держаться всегдашней оборонительной системы.

„Теперь уже не о томъ идетъ рѣчь (такъ пишутъ въ однихъ Лондонскихъ публичныхъ листахъ), удержитъ ли Англїя за собою Мальту? Теперь нужно, чтобы всѣ канонерныя шлюпки, плоскодонныя суда и бригги, собравшїяся въ вырытыхъ въ Булони бассеинахъ въ томъ видѣ, чтобъ имѣть всегда флотъ, которой бы угрожалъ Англїи нападенїемъ, выведены были изъ Канала ла-Маша въ такїя гавани, откуда оныя не могли

бы пуститься въ Англію на веслахъ? И такъ вопрошаемъ: Въ состояніи ли Г. Фоксъ убѣдить Бонапартія, чтобъ онъ разсѣялъ флотиліи свои? — Не думаемъ, чтобъ сей послѣдній согласился на сіе; а съ другой стороны увѣрены, что и Г. Фоксъ въ такомъ случаѣ не разсудилъ бы за-благо, разоружить нашу морскую силу до того времени, пока у Франціи собрано въ Булони до 2000 судовъ, или канонерныхъ шлюпокъ. Мы смѣемъ сказать, что ни одинъ Министръ нашъ не можетъ думать, что онъ заключилъ прочный миръ, оставивъ Англію подверженною нашествію; а таково точно будетъ положеніе Великобританніи, ежели непріятель можетъ имѣть всегда въ Булони до 2000 мѣлкихъ вооруженныхъ судовъ. Посему всякіе переговоры о мирѣ, въ теперешнее время, дадутъ Франціи только случай, усугубить свои приготовленія, и заставятъ Французовъ думать, что экспедиція противъ Англіи возможна, поелику Британское правительство обнаруживаетъ боязнь свою по поводу оной."

Относительно до вторичнаго вступленія Гна. Питта въ Министерство, въ другихъ нашихъ Газетахъ пишутъ слѣдующее:

„Великобританнїя должна имѣть теперь въ виду своемъ два великїе предмета: развитїе своихъ способовъ и вспомогательныхъ источниковъ для защиты Королевства — и пособїе Державъ твердой земли, для ослабленїя усилїй Французскаго правительства. Г. Питтъ доказалъ уже, что ему извѣстны всѣ вспомогательные источники Великобританнїи, и что онъ умѣетъ пользоваться ими для утвержденїя независимости ея: ибо, въ Министерство Гна. Питта, Англїя соблюла свою независимость и уваженїе отъ Европы, посреди едва ли не всеобщихъ безпокойствъ и переворотовъ въ сей части Свѣта. Онъ пригласилъ теперь присудствовать въ Королевскомъ Совѣтѣ одну изъ такихъ Особъ (Лорда Мелвилля), которая споспѣшествовала ему въ прїобрѣтенїи славы, спасши Отечество въ продолженїе страшныхъ опустошенїй Французской революцїи. — — По нашему мнѣнїю, теперешнїя опасности, угрожающїя Англїи, суть далеко не такъ велики, каковы онѣ были въ первое управленїе Гна. Питта, и дарованїя, равно какъ и уразительная дѣятельность сего Министра, ни мало съ того времени не ослабли. Европа судитъ не такъ, какъ здѣсь въ Великобританнїи люди, приверженные къ той, или дру-

той сторонѣ; она опять увидитъ въ Гнѣ. Питтѣ человѣка, который умѣлъ употребить нещетные вспомогательные источники Англіи на предупрежденіе упадка твердой земли (!!) и утвержденіе Британскаго могущества. Въ такомъ случаѣ мы не видимъ причинъ, которыя моглибъ побудить Державъ твердой земли къ тому, чтобъ онѣ отреклись вспомоществовать съ своей стороны споспѣшествованію усилій Аглинскаго Министра, котораго Французское правительство боится болѣе всего на свѣтѣ!!!" —

Россійскій, Прускій и Неапольскій Министры имѣли 17го Мая, въ первый еще разъ, переговоръ съ Лордомъ Гарровбіемъ, новымъ нашимъ Министромъ иностранныхъ дѣлъ. Сія конференція продолжалась съ 10 часовъ утра до 3хъ часовъ по полудни.

Военныхъ дѣйствій не случилось въ послѣднія 2 недѣли никакихъ, изключая произходившаго 16го Мая, по близости Остенды, между эскадрою Сира Сиднея Шмита и вышедшею изъ Флиссингена дивизіею непріятельской флотиліи, изъ 59 вооруженныхъ судовъ состоящею, жестокаго сраженія, которое подкрѣпляемо было весьма сильною съ набережныхъ батарей пальбою. Нѣсколько Французскихъ

судовъ принужденными себя нашли спустить свои парусы; но мы не могли овладѣть оными за послѣдовавшимъ отливомъ, который заставилъ наши корабли искать глубочайшаго мѣста. Такимъ образомъ помянутая флотилія достигла до Остендской гавани, потерявъ однакожъ одну шюйту съ Порутчикомъ и 32 Французскими солдатами и 5ю Голландскими матросами, которая досталась намъ, да еще три шонера и одну же шюйту, которыя затоплены нашею артиллерїею. Нашъ уронъ состоитъ изъ 13 убитыхъ и 32 раненыхъ.

Въ публичныхъ нашихъ листахъ пишутъ, что Лудовикъ XVIII намѣренъ обнародовать, отъ имени всѣхъ Бурбоновъ, протестъ противъ введенїя новаго Императорскаго достоинства во Францїи. — По содержанїю же оныхъ Вѣдомостей, Императорская мантїя вышивается въ Лїонѣ, и станетъ съ алмазами въ 2 миллїона франковъ (500 тысячь рубл.).

Новопостроенная въ Дептфордѣ великолѣпная яхта назначена въ подарокъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, ИМПЕРАТОРУ Всероссїйскому.

Король нашъ освободился отъ своей болѣзни и проѣзжается ежедневно въ каретѣ. Въ скоромъ времени Его Величество

и Королевская Фамилїя отправится на 4 мѣсяца вЪ ВеймутЪ, чтобЪ пользоваться тамЪ купаньемЪ вЪ морской водѣ, которое признано весьма полезнымЪ для здравїя Его, и опытомЪ уже подтверждено.

Перечень извѣстїй изЪ Парижа сЪ 11го по 22 е Мая.

Множество адрессовЪ изо всѣхЪ знатнѣйшихЪ городовЪ Францїи и ото всѣхЪ почти воинскихЪ и гражданскихЪ Властей прислано кЪ первому Консулу, и вЪ оныхЪ изЪявляется желанїе подписавшихся, чтобЪ онЪ, для блага и будущаго спокойствїя Францїи, рѣшился принять на себя Императорское достоинство, которое пребудетЪ наслѣдственнымЪ вЪ фамилїи его.

СенатЪ, подЪ предсѣдательствомЪ Консула Камбасереса, учинилЪ вЪ произходившее 18 го Мая засѣданїе, на которомЪ присутствовалЪ также КонсулЪ Лебрюнь и всѣ Министры Французской Республики, органическое опредѣленїе (le Sénatus-consulte organique), которымЪ титулЪ Императора присволяется первому Консулу, и который постановляетЪ вЪ фамилїи его наслѣдственность Императорскаго достоинства. ОнЪ опредѣлилЪ ѣхать немедленно вЪ Ст-

Клу и поднести Императору сіе заключеніе. Въ слѣдствіе того Сенатъ окончилъ тотчасъ засѣданіе, и всѣмъ корпусомъ отправился въ помянутый Замокъ, въ провожаніи разныхъ отрядовъ войска. По прибытіи въ Ст. Клу, онъ тотчасъ допущенъ былъ на аудіенцію къ Императору. Консулъ Камбасересъ, какъ Президентъ Сената, поднесъ первому Консулу Сенатское опредѣленіе и говорилъ рѣчь, на которую Императоръ отвѣчалъ слѣдующее:

„Все то, что можетъ споспѣшествовать благу Отечества, соединено существенно съ моимъ благополучіемъ. Принимаю на себя титулъ, который вы почитаете полезнымъ для славы націи, и препоручаю на утвержденіе народа законъ о наслѣдственности. — Я надѣюсь, что Франція никогда не разкается въ томъ, что присвоила такія почести фамиліи моей. Во всякомъ случаѣ, духъ мой не будетъ уже съ потомствомъ моимъ въ тотъ день, въ который оно престанетъ заслуживать любовь и довѣренность великой націи.“

Послѣ сего Сенатъ допущенъ былъ на аудіенцію къ Е. В., Императрицѣ Іозефинѣ.

Мая 20 го обнародовано Сенатское опредѣленіе съ великимъ торжествомъ въ

разныхъ кварталахъ Парижа, и принято со всеобщими рукоплесканіями.

Помянутое Сенатское опредѣленіе состоитъ изъ 16 Отдѣленій и 142 статей. На первый случай сообщимъ мы важнѣйшее содержаніе онаго:

„Наполеонъ, Божіею милостію и по конституціямъ Республики, Императоръ Французовъ, всѣмъ и каждому наше почтеніе!“

„Правительство Республики ввѣряется Императору, который приметъ на себя титулъ *Императора Французовъ* (L' Empereur des Français) и именемъ котораго отправляемо будетъ правосудіе. Наполеонъ Бонапарте есть Императоръ Французовъ. Достоинство Императорское есть наслѣдственное въ прямомъ, натуральномъ и законномъ поколѣніи Наполеона Бонапартія мужескаго пола, по порядку первородства, и со всегдашнимъ изключеніемъ женщинъ и потомства ихъ. . . . Наполеонъ Бонапарте можетъ усыновить дѣтей, или внучатъ братьевъ своихъ, но не иначе, какъ когда совершится имъ 18 лѣтъ и когда у него самаго не будетъ въ сіе время дѣтей мужеска пола. Усыновленные имъ вступаютъ въ линію прямаго его поколѣнія.

Ежели, послѣ усыновленія, будутъ у него дѣти мужеска пола; то усыновленные не могутъ иначе возпріять на себя Императорскаго достоинства, какъ по кончинѣ прямыхъ и законныхъ его наслѣдниковъ. Усыновленіе возпрещается преемникамъ Наполеона Бонапартія и потомкамъ ихъ. Въ случаѣ недостатка натуральнаго и законнаго наслѣдника послѣ Наполеона Бонапартія, Императорское достоинство переходитъ къ Іосифу Бонапартію, а потомъ къ Лудовику Бонапартію и законнымъ ихъ наслѣдникамъ, съ изключеніемъ женщинъ. Ежели же и послѣ сихъ обоихъ братьевъ Наполеона Бонапартія не останется никакихъ законныхъ наслѣдниковъ мужеска пола: въ такомъ случаѣ Сенатъ, по предложенію Особъ, занимающихъ первыя Имперскія достоинства, изберетъ Императора, представитъ свой выборъ на утвержденіе народа и постановитъ порядокъ преемничества въ мужскомъ поколѣніи, со всегдашнимъ изключеніемъ женщинъ и ихъ потомства."

„Члены Императорской фамиліи имѣютъ, по порядку наслѣдства, титулъ *Французскихъ Принцовъ*, а старшій сынъ Императора долженъ именоваться *Императорскимъ Принцомъ* (Prince Impérial)."

Е. И. В. пожаловалъ въ Великїе Избиратели (Grand - Electeur) Его Императорское Высочество, Принца Іосифа Бонапартїя; въ Коннетабли Е. И. Высочество, Принца Лудовика Бонапартїя; въ Архиканцлеры Имперїи Консула Камбасереса; въ Архиказначеи Консула Лебрюня. — Архиканцлеръ Имперїи, Архиказначей и Коннетабль учинили уже присягу въ вѣрности самому Императору. — Архиканцлеръ Имперїи представилъ Министровъ и Статсъ - Секретаря, которые равномѣрно присягнули Императору. — Коннетабль представилъ къ присягѣ Генераловъ д' Аву, Бессьера, начальствующаго надо всею Императорскою Гвардїею, Мюрата, Губернатора Парижскаго, Дюрока, Губернатора надъ Императорскимъ Дворцомъ, и проч. — Войска, находящїяся теперь въ Парижѣ, присягнули на Марсовомъ полѣ также въ вѣрности Императору. — Братья и сестры Бонапартевы имѣютъ титулъ: *Императорскихъ Высочествъ*; Чиновники, занимающїе высокїя Имперскїя достоинства, именоваться должны: *Свѣтлѣйшими*; Министры: *Превосходительными*.

Письмо Е. И. В. къ Консуламъ Камбасересу и Лебрюню.

„*Г-нъ Консулъ Камбасересъ!* Титулъ вашъ перемѣняется; но ваша должность и моя къ вамъ довѣренность пребываютъ непремѣнны. Въ высокомъ званіи Архиканцлера Имперіи (въ письмѣ къ Лебрюню: Архиказначея), которое вы впредь носить имѣете, обнаружите вы, подобно какъ сіе учинено вами было въ Консульскомъ достоинствѣ, благоразуміе вашихъ совѣтовъ и отличныя дарованія, которыя пріобрѣли вамъ толь важное участіе во всемъ томъ, что я могъ сдѣлать хорошаго. И такъ я ничего болѣе не требую отъ васъ, кромѣ продолженія таковаго же вашего разположенія къ Государству и ко мнѣ. Дано въ Ст. Клудскомъ Дворцѣ, 18 го Мая, 1804.

Наполеонъ.“

Императорское опредѣленіе (Décret Imperial).

„Наполеонъ, Императоръ Французовъ, опредѣляетъ слѣдующее:

„Назначаются *Маршалами Имперіи* Генералы: Бертье, Мюратъ, Монсей, Журданъ, Массена, Ожеро, Бернадоттъ,

Сультъ, Брюнъ, Ланъ, Мортье, Ней, д' Аву и Бессье. Сверьхъ сихъ титулъ *Маршала Имперіи* получаютъ Сенаторы: Келлерманнъ, Лефебюръ, Периньйонъ и Серрюрье, которые имѣли нѣкогда главное надъ арміями начальство. Дано въ Ст. Клу, 19 го Мая, 1804.

Наполеонъ."

❋

Иностранные Министры, которымъ Министръ Талейранъ сообщилъ копію съ Сенатскаго органическаго опредѣленія, не могутъ теперь являться къ нашему Двору, не получивъ новыхъ кредитивныхъ грамотъ.

Сумма, назначаемая на содержаніе Двора новаго Императора Французовъ, простирается до 25 милїоновъ франковъ (6 милїоновъ и 250 тысячь рубл.).

Въ всѣхъ мѣстныхъ Начальствахъ (Municipalités) открыты будутъ на 12 дней регистры, въ которые вписываемы должны быть голоса всѣхъ гражданъ, относительно до наслѣдственности Императорскаго достоинства въ Бонапартевой фамилїи.

Желательно знать, которые Европейскїе Дворы признаютъ первые Императоромъ Бонапартїя, и какїя слѣдствїя отъ

того послѣдовать могутъ какъ для Франціи, такъ и вообще для всей Европы!

*

Относительно до сраженія, произходившаго 16го Мая при Остендѣ между Агличанами и Флиссингенскою нашею флотиліею (См. выше стран. 77 ю), въ Монитёрѣ помѣщено между прочимъ слѣдующее: „На нашей флотиліи находилось только 100, а на Аглинской эскадрѣ 410 пушекъ. Сраженіе продолжалось чрезъ цѣлые 7 часовъ, и Агличане наконецъ принуждены были отступить. Всѣ ихъ корабли разстрѣлены, и вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ послѣ утонули. Нашъ уронъ состоитъ въ 18 убитыхъ и 60 раненыхъ. Флиссингенская флотилія вошла послѣ сего сраженія въ Остенду, потерявъ одинъ только ботъ, который достался непріятелю. — Такимъ образомъ Адмиралъ Вергюэль провелъ благополучно во второй разъ изъ Флиссингена въ Остенду немалое число канонерскихъ шлюпокъ и ботовъ, и Агличанамъ не удалось вторично возпрепятствовать ему въ томъ!“ —

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ 1804.

№ 10.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Валерія.

(Повѣсть Гжи. Жанлисъ.)

Въ Государствованіе Французскаго Короля Іоанна, юный и храбрый Генрихъ Клермонъ, возвращаясь изъ дальняго путешествія, проѣзжалъ чрезъ Бретаньскую провинцію, сопровождаемый однимъ только оруженосцемъ. Онъ былъ родственникъ нещастнаго Роберта Клермона, любимца Дофинова, которой въ послѣдствіи, сдѣлавшись жертвою лютыхъ мятежниковъ, былъ умерщвленъ ими въ объятіяхъ сего Принца.

Въ одинъ вечеръ молодой Рыцарь, сбившись съ дороги, никакъ не могъ найти

оной: темная ночь и проливной дождь принудили его остановиться между Жоселенемъ и Плёрмелемъ, мѣстѣ, славномъ по такъ называемому *сраженію тридцати человѣкъ*, которое произошло тамъ за нѣсколько лѣтъ до того, и въ которомъ Французы одержали надъ Агличанами славную побѣду. Путешественники находились въ крайнемъ замѣшательствѣ и недоумѣніи, какъ вдругъ услышали они лай многихъ собакъ; сіе подало имъ основательную причину заключить, что селеніе было не далеко. Они повернули въ ту сторону, скоро увидѣли огонь и подъѣхали къ старому Замку. Первый мостъ былъ поднятъ; они позвонили, и тотчасъ прибѣжало нѣсколько служителей. Молодой Рыцарь объявилъ свое имя и просилъ ночлега. Его просили подождать не много, пока доложатъ Господину; знаменитое имя Клермона обнадеживало Генриха, что онъ будетъ принятъ съ честію; и дѣйствительно, служители поспѣшно возвратились съ фонарями, и повели юнаго Рыцаря въ Замокъ. Генрихъ, спросивъ у нихъ объ имени Господина, съ удовольствіемъ услышалъ, что деревня принадлежала Бомануару, котораго онъ хотя и никогда не видывалъ, но зналъ по слуху. Бомануаръ на сраженіи *тридцати* предводитель-

ствовалъ Французами, побѣдилъ грознаго Брембо и отличился еще многими другими подвигами. Генрихъ, проходя черезъ два пространные двора, примѣтилъ необыкновенное движенїе въ домѣ: великое множество пажей, оруженосцевъ, служителей и лошадей наполняло дворы. Генрихъ спросилъ у своихъ проводниковъ, не турниръ ли готовится дать Г. Боманоуаръ? — Нѣтъ! отвѣчали они: этотъ праздникъ будетъ гораздо лучше всякаго турнира — праздникъ, которой всѣхъ насъ сдѣлаетъ такъ щастливыми! . . . . . — Чтожъ это будетъ? — Чтобъ вамъ все подробно разсказать, надобно не меньше двухъ часовъ времени. — Но хотя одно слово. . . — Увольте насъ отъ этого, милостивый Государь! мы больше ничего не можемъ вамъ сказать. Праздникъ будетъ великолѣпенъ. . . . однакожь причина его такъ печальна! . . . Никто изъ насъ не былъ бы въ состоянїи пересказать вамъ эту повѣсть безъ слезъ. . . . но завтра всѣ служители здѣшняго Замка, крестьяне и сосѣдственные помѣщики будутъ такъ довольны! . . . У насъ будетъ иллюминацїя, сельской балъ. Съ какимъ удовольствїемъ станемъ мы плясать! . . . — Праздникъ кончится вѣрно Рыцарскими играми? — О! совсѣмъ нѣтъ;

тутъ ничего не должно быть и похожаго на сраженіе. . . это все бы изпортило. . . Генрихъ, не взирая на чрезмѣрное свое любопытство, пересталъ спрашивать и вошелъ въ Замокъ. Прошедъ множество комнатъ, вошелъ онъ въ пространную залу, наполненную одними мущинами. Бомануаръ принялъ его весьма учтиво, но съ гордою важностію. Бомануаръ былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, росту почти исполинскаго, хотя и очень стройнаго; всѣ его поступки и движенія означали кичливость; лицо имѣлъ онъ мрачное и суровое, былъ молчаливъ и холоденъ. Генрихъ замѣтилъ на всѣхъ лицахъ нѣкоторую оттѣнку меланхоліи, которая его поразила; сверхъ того, каждый показывалъ видъ таинственный: всѣ молчали, или шептали. Въ этой многочисленной бесѣдѣ, Генрихъ вдругъ съ удовольствіемъ увидѣлъ знакомаго ему Рыцаря, храбраго Монтобана. Онъ подошелъ къ нему и хотѣлъ начать разговоръ, какъ доложили, что ужинъ былъ готовъ. Генриху не удалось сѣсть за столомъ подлѣ Монтобана, какъ онъ того желалъ, потому что Бомануаръ, подозвавъ его, посадилъ возлѣ себя. Сорокъ Рыцарей, составлявшихъ собраніе, сѣли за столъ. Генрихъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что столъ

былъ несравненно больше, нежели сколько надлежало по числу гостей: самая широкая онаго сторона была совсѣмъ пуста, и на срединѣ оной находился одинъ только приборъ противъ самаго Бомануара; передъ симъ приборомъ поставили большую чашу для питья, которая обратила на себя все вниманіе юнаго путешественника. Сія чаша имѣла видъ надгробной урны; она была сдѣлана изъ темной глины и поддерживаема серебряною ножкою; съ боку была придѣлана къ ней вызолоченная рукоятка, съ костянымъ выпуклымъ изображеніемъ мертвой головы; подъ симъ печальнымъ украшеніемъ было изображено крупными золотыми буквами: *Адельмаръ*.

Тщетно Генрихъ старался проникнуть въ сію тайну, какъ вдругъ услышалъ, что отворяются двери. Онъ поднялъ глаза и пришелъ въ величайшее изумленіе, увидя представившійся ему предметъ. Это была женщина, въ черномъ платьѣ, которая шла медленно; лицо ея было совершенно закрыто большимъ покрываломъ изъ чернаго крепа; она подошла къ столу съ пустой стороны противъ Бомануара: потомъ, ставъ на колѣна, пребыла нѣсколько времени въ семъ положеніи. Глубокое молчаніе цар-

ствовало въ залѣ.... Наконецъ Бомануаръ сказалъ голосомъ торжественнымъ: „Валерія! встань и скинь покрывало.“ При семъ повелѣніи, Валерія изпустила болѣзненный вздохъ, сопровождаемый глухимъ стенаніемъ, но столь жалостнымъ, что юный Клермонъ содрогнулся. Валерія закинула покрывало свое на спину, и показала лицо прелестное, красоту возхитительную, которую молодость, блѣдность и выраженіе живѣйшей горести учиняли столько же трогательною, сколько была она правильна. Сядь за столъ, и подайте ей стулъ ея! продолжалъ Бомануаръ. Этотъ стулъ былъ ничто иное, какъ деревянная скамья, подобная тѣмъ, на которыхъ допрашиваютъ преступниковъ... Печальная Валерія, съ потупленными глазами, сѣла за приборъ, для нее приготовленный; роковая чаша стояла подлѣ нея съ правой стороны... Валерія развернула салфетку, но не ѣла. Тогда Бомануаръ, дѣлая видъ, что ни сколько ею не занимается, продолжалъ разговаривать съ гостями о постороннихъ предметахъ; но послѣ первой перемѣны сказалъ онъ ей голосомъ, подобнымъ выходящему изъ гроба: Валерія! *надобно лить*... Отъ сихъ словъ Валерія затрепетала. Пей! повторилъ Бомануаръ страшнымъ голосомъ;

въ то самое время всталъ онъ изъ-за стола и наполнилъ чашу, которую Валерія взяла дрожащею рукою и съ трепетомъ поднесла къ устамъ. . . . На длинныхъ черныхъ ея рѣсницахъ засверкали слезы и скоро смѣшались съ питьемъ ея. . . По окончанія ужина, Валерія встала, поклонилась низко и хотѣла выдти. „Постой, Валерія, сказалъ Бомануаръ, и обратись ко мнѣ.“ Валерія повиновалась. Бомануаръ простеръ руку и, съ видомъ надменности, взявъ ужасную чашу, отошелъ отъ стола, бросилъ ее изъ всей силы на помостъ, разбилъ въ мѣлкія части и вскричалъ громоподобнымъ голосомъ: *да погибнетъ навѣки память ея!* . . . . Валерія залилась слезами. Всѣ Рыцари и даже служители съ возторгомъ одобряли сей поступокъ. Валерія надѣла покрывало и вышла. Генрихъ, пораженный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, горѣлъ желаніемъ остаться наединѣ съ Монтобаномъ, чтобъ удовлетворить свое любопытство. Усталость отъ труднаго путешествія служила ему предлогомъ немедленно откланяться. Бомануаръ пригласилъ его на завтрашній день: Генрихъ согласился и вышелъ вмѣстѣ съ Монтобономъ. Пришедъ въ отведенную имъ комнату, Монтобанъ, предупредивъ его во-

просы, сказалъ ему: Вижу, что прежде никогда не бывалъ ты въ здѣшней Провинціи, и что съ тѣхъ поръ, какъ въ ней находишься, нигдѣ еще не останавливался, ежели не слыхалъ плачевной исторіи прелестной и нещастной Валеріи. — Такъ точно, отвѣчалъ Генрихъ: я всегда жилъ очень далеко отсюда и не иначе зналъ Бомануара, какъ по сраженію *тридцати*. Мнѣ извѣстно, любезный Монтобанъ, что и ты былъ въ числѣ героевъ, прославившихся въ этотъ незабвенный день; но какъ я тебя не видалъ съ того времени. . . Въ этотъ же самой день, прервалъ Монтобанъ, выдержалъ я другое сраженіе, хотя не такъ славное, но не меньше опасное. . . и никто, кромѣ меня, не можетъ удовлетворить твоего любопытства. Уже четыре года, какъ я живу въ этой Провинціи и женатъ на родственницѣ и сердечной подругѣ нещастной Валеріи; я былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ этой жертвы страннѣйшей лютости. . . Эта интересная Валерія не дочь ли грознаго Бомануара? спросилъ Генрихъ. — Увы! она жена его, отвѣчалъ Монтобанъ. Валерія безъ сомнѣнія была виновна; но ты услышишь, загладила ли она свой проступокъ. Сказавъ сіе, Монтобанъ сѣлъ подлѣ Ген-

риха, и подумавъ не много, началъ слѣдующее повѣствованіе:

Не льзя сказать, чтобъ Бомануаръ не былъ добродѣтеленъ и великодушенъ; но чрезмѣрная гордость затмѣваетъ похвальныя его качества: она, изсушивъ сердце, сдѣлала его мстительнымъ, непреклоннымъ и безжалостнымъ эгоистомъ. Онъ употребляетъ душевныя силы только на то, чтобъ скрывать первыя свои движенія, а не укрощать ихъ. Никто столько, какъ онъ, не способенъ къ вѣроломнѣйшему притворству, когда оно нужно для его намѣреній. Все, что блистательно, пышно и странно, ему нравится; но онъ никогда не имѣлъ понятія объ истинной славѣ; любитъ великость, не понимая, въ чемъ она состоитъ; самое даже злодѣйство можетъ показаться ему геройскимъ подвигомъ, естьли будетъ оно сопряжено съ необыкновенными и разительными обстоятельствами. Къ такому характеру присоединяетъ онъ самый ложный умъ и великую склонность или, лучше сказать, страсть къ оригинальности. Онъ странен и безчеловѣченъ по системѣ, и единственно отъ того показалъ столько варварства, что смѣшалъ звѣрство съ велико-

стїю души и безумнѣйшее упрямство съ твердостїю; однимъ словомъ, онъ превозносится своимъ жестокосердїемъ, думая, что оно можетъ производить только глубочайшее къ нему почтенїе и удивленїе. Впрочемъ, любезный Клермонъ, ты прїѣхалъ сюда въ самое благопрїятное время; ты будешь свидѣтелемъ развязки и конца трагедїи, которая столько лѣтъ продолжается. Благодаренїе Богу! послѣднїй актъ ея кончился сего дня ввечеру; завтра увидишь, что свирѣпый Бомануаръ возьметъ роль не толь мрачную, но еще страннѣйшую, естьли возможно; потому что онъ надѣется изумить своимъ милосердїемъ, устрашивъ прежде всѣхъ пятилѣтнимъ мщенїемъ.

Злополучная Валерїя, оставшись четырнадцати лѣтъ сиротою, имѣла красоту удивительную и, по нещастїю, привлекла вниманїе Бомануара. Онъ презиралъ женщинъ, не отъ того, чтобъ имѣлъ дурное мнѣнїе о ихъ нравахъ, но по тому, что ихъ природная робость и физическая слабость заставляютъ его почитать ихъ творенїями особливаго и гораздо низшаго насъ рода. По его мнѣнїю, должность покровительствовать ихъ не разлучна съ правомъ управлять ими

съ неограниченнымъ самовластїемъ. Красота могла возпламенить его, но отнюдь не покорить, или смягчить. Валерїя была недостаточна; но Бомануаръ, обладая великимъ имѣнїемъ и будучи притомъ щедръ, не желалъ богатства: ему была надобна не подруга, но прекрасная, весьма невинная и весьма покорная невольница. Юность Валерїи ручалась ему за ея непорочность: она едва смѣла глядѣть на своего грознаго любовника. Бомануаръ улыбался, видя ея боязливость, которая служила ему явнымъ признанїемъ подчиненности, а это одно только и могло льстить ему въ любви. Онъ женился на Валерїи. Деспотическая власть гордаго супруга не дѣлала ее нещастливою; она никогда съ нимъ не спорила, но, будучи простодушна и робка, повиновалась ему безъ всякаго насилїя. Бомануаръ не старался нравиться и не требовалъ любви; онъ былъ не ревнивъ, будучи увѣренъ, что честь, носить его имя, есть надежнѣйшая споручительница добродѣтели; онъ не полагался на нѣжность и благодарность своей супруги, но на душевную гордость, которой, думалъ онъ, не возможно не имѣть женѣ Бомануара, когда помыслитъ она о знатности и славныхъ подвигахъ своего мужа. Черезъ десять

мѣсяцовъ послѣ брака, Валерія сдѣлалась матерью, не имѣя еще пятнадцати лѣтъ отъ роду: она вкушала сіе щастіе со всею чувствительностію нѣжной матери и со всею невинною радостію младенца. Тогда могла бы она даже полюбить Боманнуара, естьли бы онъ хотя мало раздѣлялъ ея чувствованія; но ему показалось низко быть отцемъ, ибо онъ имѣлъ только дочь, которую Валерія боготворила. Малютка воспитывалась въ Замкѣ: нѣжная мать хотѣла безпрестанно ее видѣть, держать на рукахъ, гулять съ нею, и даже сажать съ собою за столъ. Вмѣсто нѣжныхъ выговоровъ за такое трогательное робячество, Боманнуаръ съ презрѣніемъ смѣялся надъ ея малодушіемъ, и наконецъ объявилъ съ грубостію, что онъ не можетъ терпѣть дѣтскаго крику, и отослалъ кормилицу на другой конецъ Замка. Сей суровый поступокъ показался звѣрскимъ молодой, страстной матери. Валерія сносила безъ роптанія и досады надменность властолюбиваго супруга, но почувствовала омерзѣніе къ нечувствительному отцу. Она не понимала, чтобъ можно было смотрѣть безъ удивленія на ея маленькую Эмму; и родитель Эммы, отказывающій сему обожаемому дитяти въ малѣйшихъ ласкахъ, былъ въ глазахъ

ея ничто иное, какъ самое лютое и ненавистное чудовище. Въ это время, послѣ трехлѣтняго отсутствія, возвратился въ здѣшнюю Провинцію молодой, двадцатиосми-лѣтній Адельмаръ. Онъ лишился отца, которой умеръ со славою на одномъ сраженіи съ Англичанами, и пріѣхалъ за полученіемъ небольшаго наслѣдства, оставшагося ему послѣ матери. Бомануаръ находился съ Адельмаромъ на многихъ сраженіяхъ, и однажды имѣлъ щастіе спасти жизнь сему юному рыцарю, котораго уважалъ онъ за храбрость; ибо одно только это качество въ мущинахъ удостоивалъ онъ своего одобренія. Со времени сего произшествія онъ всегда съ удовольствіемъ видалъ того, которой напоминалъ ему похвальное дѣяніе; онъ оказалъ ему еще другія услуги съ обыкновенною гордостію; наконецъ объявилъ, что онъ другъ Адельмару, въ чемъ, можетъ быть, и дѣйствительно не сомнѣвался, ибо онъ думалъ, что того только любитъ, кого можетъ съ пышностію покровительствовать. Милое простодушіе, тихость и красота Валеріи произвели въ сердцѣ Адельмара сильнѣйшую страсть. Онъ имѣлъ слабость уступить сему беззаконному чувствію и, забывъ должное уваженіе къ благотворителю своему, из-

гнавъ изъ сердца всю жалость къ трогательнѣйшей невинности, принялъ подлое намѣренїе развратить Валерїю, что тѣмъ легче было изполнить, чѣмъ неопытнѣе и чувствительнѣе она была. Адельмаръ не выхвалялъ ея прелестей — она не поняла бы сего вѣжливаго пустословїя; съ нею надлежало говорить языкомъ сердечнымъ, чтобы погубить ее. Адельмаръ началъ оказывать величайшее объ ней сожалѣнїе; вмѣстѣ съ нею огорчался грубыми поступками угрюмаго Бомануара, вмѣстѣ съ нею плакалъ; особливо же старался всячески ласкать маленькую Эмму, носилъ ее на рукахъ, возхищался ея красотою, когда она спала или сидѣла на колѣняхъ у матери. Такимъ образомъ довелъ онъ наконецъ Валерїю до того, что она начала раздѣлять преступную его любовь. Онъ писалъ къ ней: она отвѣчала; переписка ихъ продолжалась уже два мѣсяца, и Бомануаръ не имѣлъ никакого подозрѣнїя; ему и на мысль не приходило, чтобъ Валерїя могла чувствовать къ нему отвращенїе, которое не иначе оказывала она, какъ только усугубленїемъ торопливости и страха; но Бомануару казалось это единственно большимъ изъявленїемъ покорности, и онъ радовался, что умѣлъ внушить ей толь глубокое къ себѣ по-

чтенїе. Между тѣмъ Адельмаръ не могъ еще найти случая видѣться наединѣ съ Валерїею. Наконецъ онъ написалъ къ ней письмо, въ которомъ заклиналъ ее назначить ему свиданїе въ тотъ самой вечеръ, потому что Бомануаръ долженствовалъ послѣ обѣда отлучиться за однимъ важнымъ дѣломъ, и не прежде могъ возвратиться, какъ въ слѣдующїй день. Адельмаръ не преминулъ дать слово въ письмѣ своемъ не выходить изъ границъ почтенїя, и клялся, что естьли получитъ отказъ въ просимомъ снизхожденїи, то отчаянїе доведетъ его до бѣдственнѣйшей крайности. Всякая двадцатилѣтняя женщина знаетъ настоящую цѣну такихъ угрозъ и обѣщанїй; но надъ умомъ и сердцемъ неопытной, юной Валерїи произвели онѣ все то дѣйствїе, какого могъ только желать обольститель. Вмѣсто отвѣта требовалъ онъ отъ Валерїи только ключа отъ коридора, ведущаго въ ея спальню, и просилъ, чтобъ она зарыла этотъ ключь въ цвѣточной ящикъ, стоявшїй въ цвѣтникѣ, въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ Замка, при входѣ въ небольшую рощу. Бомануаръ не любилъ гулянья и цвѣтовъ: онъ никогда не хаживалъ въ этотъ цвѣтникъ, которой Валерїя сама съ великимъ удовольствїемъ обработывала.

Хотя она твердо полагалась на слово любовника своего, однакожь предложенїе его устрашило ее, и она не безъ угрызенїя совѣсти рѣшилась на оное согласиться. Долго колебалась она, плакала, и наконецъ сдѣлала больше, нежели сколько отъ нее требовали: написала записку, завернула въ нее ключь и, за часъ до обѣда, избравъ минуту, въ которую Бомануаръ былъ занятъ, украдась изъ Замка и полетѣла въ цвѣтникъ; дрожащими ногами приближалась она къ цвѣточному ящику, вырыла въ землѣ ножемъ широкую яму и положила въ нее свое письмо. Она не успѣла еще зарыть, или по крайней мѣрѣ получше заравнять сей бѣдоносной залогъ, какъ вдругъ Бомануаръ, вышедъ изъ рощи, явился передъ нею. Онъ получилъ извѣстїе о смерти дяди, которой оставилъ ему богатое наслѣдство: желая извѣстить Валерїю о семъ произшествїи, вздумалъ, противъ своего обыкновенїя, самъ идти къ ней. Письмо и ключь, едва прикрытые землею, были однакожь не видны. Естьли бы Валерїя, оробѣвъ до крайности, не смѣшалась: то Бомануаръ, знавъ ея охоту къ цвѣтамъ, не получилъ бы ни малѣйшаго подозрѣнїя, увидя ее подлѣ цвѣточнаго ящика съ ножемъ и съ вымаранными землею руками;

но неожидаемое присутствіе свирѣпаго Бомануара поразило какъ громомъ боязливую и виновную Валерію. „Боже мой! я погибла!“ вскричала она, поблѣднѣвъ, и упала безъ чувствъ на траву. Бомануаръ, не могши приписать толь чрезмѣрнаго ужаса почтенію, не спѣшилъ на помощь къ нещастной жертвѣ, которая, по простодушію, измѣнила сама себѣ и предавалась его мщенію. Онъ началъ внимательно разсматривать цвѣточный ящикъ и, опустивъ руку въ землю, съ содроганіемъ вынулъ письмо и ключь. Онъ развернулъ бѣдоносную записку и, узнавъ почеркъ Валеріи, прочиталъ слѣдующее: „Адельмаръ! ахъ! чего ты требуешь?... Но можно ли противиться твоему отчаянію? . . . Я увѣрена, что ты уважишь ненавистный узелъ, меня связующій: ты поклялся мнѣ въ этомъ. . . . Въ какое ужасное волненіе погрузило меня твое письмо! . . . Мнѣ безъ сомнѣнія очень сладостно быть съ тобою наединѣ и въ первый разъ говорить безъ свидѣтелей и принужденія . . . . . однакожъ я трепещу! . . . но ты желаешь и — довольно! . . . Любезный Адельмаръ! какъ нужно будетъ мнѣ твое ободреніе! Но когда тебя увижу, весь страхъ мой изчезнетъ; . . . приходи въ полночь.“

Безполезно было бы описывать гнѣвъ, или, лучше сказать, неистовство гордаго Бомануара: ты самъ о томъ разсудишь изъ послѣдствія этой повѣсти; однакожъ онъ отсрочилъ мщеніе свое, чтобъ учинить оное разительнѣйшимъ и ужаснѣйшимъ. Прочитавъ бѣгло роковое начертаніе, спѣшилъ онъ завернуть ключь опять по прежнему, положилъ все въ ящикъ и, засыпавъ слегка землею, пошелъ на помощь къ нещастной Валеріи, которая наконецъ опомнилась, и первое ея движеніе было то, чтобъ броситься къ ногамъ Бомануара, заливаясь слезами. Бомануаръ принялъ видъ чрезмѣрнаго удивленія. Вотъ еще новое робячество! сказалъ онъ, злобно улыбнувшись: что это значитъ, Валерія? Не уже ли думаешь, что я пришелъ сюда тебя бранить за то, что ты ушла въ садъ опѣ обѣда? не уже ли думаешь, что я не одобряю склонности твоей къ цвѣтамъ? Напротивъ я нахожу, что эта невинная забава очень прилична полу твоему и лѣтамъ. . . . . Непринужденный голосъ и совершенное спокойствіе, изображавшееся на его лицѣ, удостовѣрили трепещущую Валерію, что онъ ничего не видалъ и не зналъ. Она пролепетала нѣсколько непонятныхъ словъ; варваръ еще разъ улыбнулся, и тѣмъ довер-

шилъ ободрить ее; потомъ сообщилъ ей о смерти дяди своего, примолвивъ, что произшествїе сїе продлитъ его отсутствїе, и оставилъ ее съ поспѣшностїю, сказавъ, что вспомнилъ приказать нѣчто нужное, и что отложитъ обѣдъ еще на полчаса. Какъ скоро Валерїя потерялa его изъ виду, то осмотрѣла ящикъ и, нашедъ его въ томъ же положенїи, въ которомъ оставила, набросала еще земли на ключь и, совершенно избавясь отъ своего страха, возвратилась въ Замокъ. За столомъ Бомануаръ поступалъ какъ обыкновенно. Черезъ два или три часа послѣ обѣда сѣлъ онъ на лошадь. Адельмаръ, откланявшись при всѣхъ Валерїи, поѣхалъ съ нимъ же. Въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ Замка они разстались. Адельмаръ поворотилъ въ свою деревню, которая была въ трехъ миляхъ отъ Бомануаровой; а сей послѣднїй продолжалъ путь свой. Адельмаръ спрятался въ окрестностяхъ, чтобъ возвратиться въ Замокъ до полуночи; ибо онъ нашелъ уже записку и ключь въ цвѣточномъ ящикѣ; сверхъ сего, онъ еще гораздо прежде запасся ключемъ отъ садовой калитки, которая вела въ рощу, окружающую Замокъ. Бомануаръ, съ своей стороны, спрятался также до ночи и, по наступленїи оной, воз-

вратился украдкою домой, для приготовленія мести своей.

Между тѣмъ Валерія ожидала назначеннаго для свиданія часа съ великимъ волненіемъ и угрызеніемъ совѣсти. . . . Въ одиннадцать часовъ всѣ служители легли спать: глубокое молчаніе возвѣщало всеобщее спокойствіе, но любовь и ненависть бодрствовали . . . . Валерія сѣла подъ окномъ и, поднявъ къ Небу слезящіе глаза, затрепетала, увидя надъ собою черную тучу, разсѣкаемую почти безпрерывно ослѣпительною молніею. Увы! сказала она, сложивъ руки: громъ готовъ разить! . . . Въ сію минуту услышала она унылый вой дворныхъ собакъ и содрогнулась. . . . она затворила поспѣшно окно и бросилась на стулъ, чувствуя непреодолимый, смертельный страхъ, отъ котораго кровь въ жилахъ ея почти замерзла. Изъ сего тягостнаго состоянія извлекъ ее столь сильной громовой ударъ, какъ будто бы упалъ онъ на самый Замокъ. Первое ея движеніе было то, чтобъ бѣжать въ комнату къ дочери: она бросилась къ дверямъ; но вспомнивъ, что Адельмаръ скоро придетъ, остановилась и горько заплакала. Милая Эмма! сказала она: не уже ли должна я и передъ тобою быть виновна? . . . Ахъ! естьли

бы я это предвидѣла! . . . Рыданія пресѣкли слова ея. . . . Она чувствовала смѣшенно, что не льзя пренебречь одной должности, не преступивъ другихъ, и что невѣрная супруга не можетъ быть неукоризненною матерью. . . . Между тѣмъ Валерія заключила по глубокой тишинѣ, царствовавшей во всемъ домѣ, что не произошло никакого нещастія. Ахъ! вскричала она: чего опасалась я въ разсужденіи дочери моей? Богъ покровительствуетъ невинность! . . . . Она сѣла опять на стулъ. . . . Часы на башнѣ пробили двенадцать. . . . Часъ сей, ожидаемый съ утра, сдѣлалъ надъ нею живѣйшее впечатлѣніе; каждый ударъ колокола поражалъ, казалось, ея сердце съ возрастающею силою; она щитала ихъ съ содроганіемъ и, при двенадцатомъ ударенiи, дыханіе ея почти остановилось: она была недвижима, и однакожъ все слушала внимательно. . . . Собаки завыли вторично. . . . Валерія затрепетала. . . . Но въ то же самое время услышала, что нѣкто идетъ тихо по коридору. Боже мой! сказала она: это онъ! . . . Будучи почти не въ состояніи держаться на ногахъ, встала она и, отворивъ немного дверь, съ ужасомъ кинулась въ кресла, увидя Адельмара, которой былъ уже у ногъ ея. Валерія

закрыла лице и залилась слезами. Адельмаръ заклиналъ ее успокоиться, какъ вдругъ дверь съ великимъ стукомъ разтворилась: устрашенная Валерія испустила пронзительный вопль. Адельмаръ всталъ и, оглянувшись, увидѣлъ Бомануара съ обнаженною шпагою въ рукѣ; за нимъ слѣдовали два оруженосца и два пажа, также съ обнаженными шпагами и съ зажженными факелами. Адельмарово оружїе состояло въ палкѣ съ желѣзнымъ наконечникомъ, которую оставилъ онъ въ коридорѣ. . . . Бомануаръ остановился. Не бойся ничего, Адельмаръ! сказалъ онъ: я имѣлъ бы право умертвить подлаго обольстителя; могъ бы безъ зазрѣнїя совѣсти и не преступивъ уставовъ чести отнять у тебя недостойную жизнь, которою ты мнѣ обязанъ; но я хочу сражаться съ тобою, а не зарѣзать тебя. При сихъ словахъ Валерїя бросилась между Адельмара и Бомануара: отчаянїе придало ей сверхъ-естественную силу. Блѣдная, разтрепанная стояла она, простирая слабыя свои руки, какъ бы желая положить преграду между сими двумя гордыми врагами. Бомануаръ, схвативъ ее поперегъ, отнесъ на другой конецъ комнаты. Адельмаръ хотѣлъ изторгнуть ее изъ его рукъ, бросился къ

нему; но оруженосцы и пажи, окруживъ его, удержали, не взирая на всѣ его усилія. Въ это время безчеловѣчный Бомануаръ привязывалъ къ одному изъ столбовъ кровати нещастную Валерію. Справедливость требуетъ, говорилъ онъ ей, чтобъ ты была свидѣтельницею и судьею поединка, къ которому подала поводъ; здѣсь долженъ я погибнуть, или отмстить. . . . Ахъ! умертви меня, умертви! повторяла Валерія. Трогательный голосъ ея, разительная противоположность всѣхъ сильнѣйшихъ душевныхъ движеній съ юнымъ, плѣнительнымъ ея лицемъ; любовь, разкаяніе, ужасъ, отчаяніе, сопряженныя съ прелестями милаго простосердечія — ничто не могло смягчить неумолимаго Бомануара. Онъ видѣлъ, что устрашенные взоры Валеріи остановились на Адельмарѣ; видѣлъ, съ какимъ трепетомъ взирала она на его опасность, и ужасное состояніе, въ которомъ находилась она, вмѣсто того, чтобъ возбудить въ немъ жалость, служило единственно къ усугубленію его бѣшенства и лютости. Привязавъ жертву свою къ кровати, начертилъ онъ мѣломъ посреди сей пространной комнаты тѣсный кругъ, объявивъ, что не дозволено будетъ выходить изъ него до окон-

чанія поединка; потомъ, скинувъ съ себя кафтанъ, обнажилъ грудь, показывая, что на немъ не было латъ и никакой защиты. Тогда велѣлъ онъ вооружить соперника своего, которому немедленно подали шпагу. Естьли оружіе наше изломается, сказалъ Бомануаръ, намъ дадутъ другое: начнемъ скорѣе; одинъ изъ насъ не долженъ видѣть наступающаго дня....

Услышавъ сіи страшныя слова и видя, что Адельмаръ взялъ поданную ему шпагу, нещастная Валерія жалостно вскричала; но скоро ужасъ лишилъ ее совершенно голоса, такъ что она не могла произнесть ни одного слова, ниже изпустить малѣйшаго стенанія. Она была неподвижна: смертная блѣдность разлилась по всѣмъ ея чертамъ; вся горесть углубилась въ ея душу, а на лицѣ изображалось только глубочайшее изумленіе страха. . . . Оруженосцы и пажи, поставя факелы на геридоны, стали по угламъ комнаты, чтобъ быть зрителями поединка. Передъ вшествіемъ въ роковую ограду, начертанную Бомануаромъ, Адельмаръ хотѣлъ броситься еще разъ къ Валерія, чтобъ освободить ее, но былъ удержанъ прислужниками и самимъ Бомануаромъ, которой кричалъ ему, чтобъ онъ защищался. . . . Обороняйся! повто-

рилъ Бомануаръ, втащивъ его въ кругъ и напавъ на него съ бѣшенствомъ. Адельмаръ отбилъ первый ударъ, и сраженіе началось съ равною съ обѣихъ сторонъ храбростію. Тщетно старалась Валерія разорвать свои узы; она была погружена въ то разслабленіе, въ которомъ человѣкъ хотя сохраняетъ чувства и память, но лишенъ движенія и способности говорить. Она имѣла предъ глазами своими сражающихся и три большія зеркала, которыя повторяли и умножали сіе ужасное зрѣлище; убійство и мщеніе окружали ее со всѣхъ сторонъ. Она покушалась закрыть глаза; но невольное движеніе любопытства и страха понуждало ее открывать ихъ ежемгновенно. Каждый шагъ сихъ страшныхъ воиновъ, каждый ударъ мечей раздавался громко въ сводахъ храмины; полъ дрожалъ подъ ихъ стопами такъ, что многіе уборы попадали. Одно изъ сихъ сильныхъ потрясеній опрокинуло съ ужаснымъ стукомъ бронзовой геридонъ; стоявшій на немъ зажженный факелъ упалъ посреди сражающихся, которые, отталкивая его отъ себя, прикатили наконецъ къ кровати. Занавѣсъ загорѣлся. Адельмаръ съ ужасомъ вскричалъ, увидя Валерію окруженную пламенемъ; но зрители поединка неме-

денно утушили пожаръ. Адельмаръ, бросясь на помощь къ Валерїи, переломилъ свою шпагу объ упавшїй геридонъ. Во все время сего смятенїя Бомануаръ не сходилъ съ мѣста; онъ велѣлъ подать другую шпагу своему непрїятелю и кинулся на него съ бѣшенствомъ. Между тѣмъ, какъ они употребляли другъ противъ друга всѣ способы искуства, храбрости и силы, голубокъ, воспитываемый Валерїею, испугавшись, началъ летать по комнатѣ и, ударяясь нѣсколько разъ о стѣны и окна, поднялся наконецъ къ своду. Сїя робкая птица, символъ тихости и нѣжности, парила, воркуя, надъ грозными головами Рыцарей, и какъ будто стенала о готовящемся кровопролитїи.... потомъ прилетѣла къ госпожѣ своей, стараясь найти убѣжище на трепещущей груди ея; но не получивъ никакой ласки, не будучи, можетъ быть, и примѣчена, полетѣла прочь и, наткнувшись на шпаги сражающихся, упала въ углу комнаты... Соперники нападали одинъ на другаго съ неупомимою запальчивостїю, и Бомануаръ получилъ въ бокъ широкую рану. Увидя кровь мужа своего, Валерїя, объятая ужасомъ, вскричала прерывающимся голосомъ: „остановись, Адельмаръ! остановись!“... Нещастная не могла

болѣе продолжать и упала въ обморокъ. . . . Адельмаръ, повинуясь ей, выступилъ на нѣсколько шаговъ изъ круга, опустивъ шпагу. Ты преступаешь положенныя границы, сказалъ ему совмѣстникъ его: никто не повѣритъ, чтобъ Бомануаръ могъ внушить жалость; одна только трусость можетъ заставить отступить отъ него. — Слыша такія оскорбительныя слова, Адельмаръ бросился на него стремительно. Въ сію минуту ударило часъ. . . . Слушай! вскричалъ Бомануаръ: послѣдній часъ твой пробилъ. . . Сказавъ сіе, наступаетъ онъ на него съ сугубою лютостію, не даетъ ему ни малаго отдыха и утомляетъ до крайности. Адельмаръ, видя себя на самой чертѣ, которую преступать запрещала ему честь, остановляется въ самомъ невыгодномъ положеніи. Въ сію критическую минуту одинъ шагъ назадъ могъ бы спасти ему жизнь; но онъ ни на волосъ не подался съ мѣста. Бомануаръ вонзилъ ему въ грудь шпагу, которая поразила его въ самое сердце, и нещастный Адельмаръ упалъ мертвъ къ ногамъ его. Тогда Бомануаръ, извлекши изъ тѣла непріятеля своего дымящуюся шпагу, обмакнулъ конецъ ея въ кровь текущую изъ собственной своей раны, и начерталъ остріемъ убійствен-

наго желѣза на стѣнѣ противъ кровати крупными буквами слѣдующія ужасныя слова: *ты проведешь съ любовникомъ своимъ ночь, которую ему назначала.* . . . . Послѣ сего варваръ отвязалъ жертву свою, чтобъ предать ее новымъ мученіямъ. Она все еще была безъ памяти; онъ положилъ ее на постелю, велѣлъ погасить факелы, оставя одинъ только темный ночникъ подлѣ окровавленнаго тѣла нещастнаго Адельмара, лежащаго на полу.... Послѣ сихъ дѣяній неслыханнаго звѣрства, Бомануаръ со всею свитою вышелъ изъ комнаты и, заперевъ за собою двери, унесъ ключь....

(*Окончаніе впредь.*)

II.

Иванъ-озеро (*).

Давно хотѣлось мнѣ видѣть то знаменитое мѣсто въ Тульской Губерніи, которое даетъ начало рѣкѣ Дону, славному у Римлянъ подъ именемъ *Танаиса.* Рѣка сія, протекая великое пространство, напояетъ самыя щастливѣйшія Области

(*) Сія статья сообщена.

Россіи, и ея именемъ гордится одинъ корпусъ изъ храбрѣйшихъ войскъ Россійскихъ. Какъ давно мнѣ хотѣлось видѣть на Земномъ Шарѣ точку, чрезъ которую соединяются отдаленныя между собою моря, Каспійское и Черное, чрезъ великую цѣпь рѣкъ, вливающихъ свои воды одна въ другую! — Я желалъ видѣть Иванъ-озеро, гдѣ прозорливый, предпріимчивый духъ безсмертнаго въ Лѣтописяхъ нашего Императора ПЕТРА Великаго, стремившійся безпрерывно къ назиданію Россійскаго благоденствія, предпринималъ произвести то, что только Ему одному предпринимать можно было, то есть: судоходство между двухъ упомянутыхъ морей, сообщеніе между многочисленными странами и народами, которыхъ пользы, избытки и недостатки толь различны; слѣдовательно чрезъ сіи воды Онъ предпринималъ провесть толико драгоцѣнные потоки неизчерпаемой Россійской торговли.

Желаніе мое изполнилось. Я теперь хожу по берегамъ Иванъ-озера, и смотрю на тихія струи его, раздѣляющіяся на двѣ противуположенныя стороны, и за ними слѣдую въ воображеніи то до одного, то до другаго изъ упомянутыхъ морей; брожу по трясинѣ, укрѣпленной

земляною насыпью; по трясинѣ, укрѣпленной усилїемъ рукъ человѣческихъ — брожу на такой высотѣ, которая владычествуетъ надъ покатостїю, измѣряемою тысячами верстъ.

Сїе озеро лежитъ на границѣ Веневскаго уѣзда съ Епифанскимъ; окружено пространною трясиною или болотомъ, а на Южной и Сѣверной его сторонѣ находятся обширныя долины, по которымъ текутъ Донъ и Шатъ.

Чѣмъ болѣе отдаляюсь отъ онаго къ Востоку или Западу, тѣмъ земля становится выше. Я всхожу на самое высокое мѣсто подлѣ онаго, дабы осмотрѣть всю сїю страну въ прекраснѣйшемъ видѣ, и могу признаться, что сїе мелькающее озеро съ разсѣянными вокругъ онаго деревнями, которыя раздѣлены между собою только небольшими плодоносными полями, представляетъ такой прекрасной ландшафтъ, котораго я начерпать не въ силахъ.

Простирая взоръ далѣе къ Востоку по обширной долинѣ, верстахъ въ пяти отъ озера, на превысокой горѣ, видны огромныя каменныя еще неотстроенныя палаты, на подобїе Замка, принадлежащїя Графу Бобринскому, и стоящїя въ селѣ

его Бобрикахъ, отъ котораго вся волость сія получила свое названіе.

Около ста лѣтъ назадъ сіе озеро было разчищено, и болотистые, неприступные берега его осыпаны были земляною насыпью въ видѣ параллелограма. Но отъ времени въ нѣкоторыхъ его мѣстахъ затянуло иломъ, а въ другихъ сію насыпь размыло такъ, что она представляетъ теперь почти правильную овальную фигуру. И такъ ежели кто вообразитъ себѣ параллелограмъ, въ срединѣ коего начерченъ овалъ и по концамъ самаго большаго его діаметра представитъ изливающіяся рѣки: въ одну сторону Шанъ, а въ другую Донъ, то это будетъ точное изображеніе Иванъ-озера!

Я прежде имѣлъ высокія мысли о его величинѣ; но оно не болѣе имѣетъ длины какъ 100, а ширины около 60 саженъ, такъ что вся поверхность его содержитъ только двѣ десятины съ половиною, или еще и меньше. Оно имѣетъ иловатое дно, и чѣмъ далѣе отъ береговъ, тѣмъ становится глубже. Самую большую его глубину полагаютъ около 7 аршинъ. Можно сказать, что чрезъ сію-то горсть воды могущая Природа непрерывнымъ сообщеніемъ многихъ рѣкъ, одна въ другую впа-

дающихъ, соединила два толь отдаленныя между собою моря!

Сіе озеро, не знатное по своей величинѣ, весьма примѣчательно по выходящимъ изъ него рѣкамъ, Шапу и Дону. Первая, выходя изъ Сѣверной его части, впадаетъ въ Упу, сія въ Оку, которая вливается въ Волгу; сія же приноситъ всѣ сіи воды въ Каспійское море. Вторая, выходя изъ Южной онаго части, впадаетъ непосредственно въ Азовское море, соединяющееся съ Чернымъ чрезъ Таврическій проливъ.

Сіе-то непрерывное, естественное соединеніе водъ премудрому Императору ПЕТРУ Великому служило нѣкогда поводомъ къ тому, чтобы сдѣлать судовой ходъ между Дономъ и Волгою. Но прежде, нежели возможно было привесть сіе преднамѣреніе въ дѣйство, надлежало употребить много искуства и труда для преодолѣнія препятствій, которыя при семъ поставила Природа.

Озеро, какъ мы выше упомянули, маловодно; а выходящія изъ него рѣки въ источникахъ своихъ ничто иное представляютъ, какъ самые малые протоки. Какъ можно вообразить, естьли кто на нихъ посмотритъ, чтобъ тамъ могли плавать съ грузомъ большія суда,

гдѣ нынѣ и малѣйшій челнокъ пройти не можетъ! Всякой почелъ бы чудомъ сіе предпріятіе! Но скажите, что было невозможное для Великаго ПЕТРА?

Вдругъ принимаются тысячи рукъ за работу: озеро разчищено такъ, какъ выше сказано; вырыты каналы шириною саженъ 8 ми; около ихъ сдѣланы крѣпкія насыпи сажени въ 4 (нынѣ не льзя знать точную ихъ мѣру: поелику, натурально судя, края ихъ отъ толь давняго времени обвалил сь и осыпались), безъ сомнѣнія для удобности въ работѣ бечевникамъ, и укрѣплены сваями краснаго лѣсу, изъ коихъ нѣкоторыя и теперь еще видны. Также были сдѣланы и многія шлюзы.

Коль тягостна, коль трудна и коль неудобна была сія работа, о семъ судить надобно по тому, что почти протекло сто лѣтъ послѣ того; а по сіе время озеро и рѣки (особливо Шатъ) окружаетъ такая трясина, по которой среди сухаго лѣта едва сь великою трудностію можно пройти человѣку, когда она уже нѣсколько осушена каналами. Натурально, что въ то время она долженствовала быть неприступною или въ нѣсколько разъ зыбчѣе. Слѣдовательно люди

должны были работать въ водѣ, а землю для насыпей носили издалека.

Работники, или по тогдашнему и тамошнему выраженїю, лопатники, для сего употребляемые, были не токмо сосѣдственные жители, но даже наряженные изъ отдаленныхъ Областей Россїи; а нѣкоторые изъ тамошнихъ обывателей слыхали отъ отцовъ или дѣдовъ своихъ, что тутъ же употреблены были въ работу и плѣнные Шведы, вѣроятно послѣ славной Полтавской баталїи.

Сїи каналы ведены были не по направленїю рѣкъ, но прямою линїею. Долго я бродилъ около сихъ каналовъ, и могу смѣло сказать, что всякой, кто бы тутъ ни былъ, не можетъ довольно надивиться усилїю человѣческому противъ препятствїй, которыя ему вездѣ Природою противупоставляемы были.

По насыпи около канала, по которому течетъ Донъ, лежитъ дорога отъ Иванъ-озера до села Бобрикъ. Ничего не можетъ быть ея прямѣе. Она была бы еще прекраснѣе, ежелибъ обсадить ее какими нибудь деревьями. На семъ маленькомъ разстоянїи видны развалины трехъ шлюзовъ.

Не довольно еще тѣхъ трудностей и издержекъ, о которыхъ теперь упомя-

нуто: надобно къ тому прибавить нѣчто и о шлюзахъ.

Шлюзы суть такія строенія, которыя дѣлаются въ маловодныхъ каналахъ для накопленія воды до такой высоты, чтобъ суда спустить можно было. Сихъ шлюзовъ по Дону на 70 верстахъ сдѣлано было 19, а по Шату и Упѣ до самаго Губернскаго города 14. Я видѣлъ развалины многихъ изъ нихъ. Стѣны сихъ шлюзовъ построены изъ тесанаго большими четвероугольными пластами бѣлаго камня, которой кладенъ былъ въ три ряда, съ полосными желѣзными связьми, такъ прочно, что и теперь онѣ, оставленныя для сбереженія одному случаю, а для разрушенія всему, что только разрушить ихъ можетъ, въ иныхъ мѣстахъ остались цѣлы.

Онѣ построены на упомянутомъ каналѣ такъ, что оный суженъ ими почти въ половину, длиною на 65 шаговъ; при началѣ и концѣ ихъ сдѣланы были ворота, утвержденныя на мѣдныхъ пятахъ, между которыми дно усплано было досками.

Одинъ здѣшній почти столѣтній старикъ сказывалъ мнѣ, что по симъ каналамъ прошла только одна (безъ со-

мнѣнія для перваго опыта) нагруженная барка. —

Для чегожъ брошено сіе въ запустѣніи? для чего оставлено такое дѣло, которое стоило безщетно-великой суммы, великихъ трудовъ? — Это такой вопросъ, котораго я рѣшить не умѣю!

Правда, что упомянутыя рѣки здѣсь совсѣмъ маловодны, а притомъ Донъ и при всѣхъ шлюзахъ къ судоходству въ сей странѣ былъ бы мало способенъ: поелику онъ, имѣя песчаное дно, каждую весну перемѣняетъ свой фарватеръ, такъ, что гдѣ нынѣ была великая глубина, тамъ на слѣдующее лѣто уже сдѣлалась песчаная отмѣль.

Но невозможность сего судоходства какъ упомянутымъ опытомъ, такъ и еще двумя другими покушеніями, въ иныхъ Губерніяхъ произведенными (что однако не принадлежитъ къ нашему предмету), совершенно доказана.

Сколь бы важно было сіе судоходство для здѣшнихъ плодоносныхъ и многочисленныхъ странъ Россіи, и сколько бы оно облегчило внутреннюю и внѣшнюю торговлю, естьли бы могло быть произведено въ дѣйство!

Желать надобно, чтобъ соединеніе сихъ важныхъ рѣкъ, т. е. Дона и Волги,

произведено было гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Тогда множайшїе отдаленные краи пространной Россїи, какъ-то: при-Балтїйскїе, Черноморскїе и Каспїйскїе, толико различные качествами своего климата, съ величайшею удобностїю могли бы взаимно мѣнять свои произведенїя и товары.

Я не вилывалъ, чтобъ вода гдѣ нибудь текла по такой малой наклонности, какъ текутъ здѣсь Донъ и Шїатъ. Въ сихъ каналахъ вода кажется стоячею, ибо движенїе ея почти не примѣтно. Отъ того и произходятъ индѣ небольшїя, на подобїе озеръ, разширенїя (примѣта весьма ровныхъ мѣстъ, по которымъ текутъ рѣки). На пяти верстахъ или нѣсколько болѣе отъ Иванъ-озера (селенїя) до села Бобриковъ, рѣка Донъ не имѣетъ, кажется, болѣе наклонности, какъ на одну четверть аршина. Ниже послѣдне-упомянутаго села, онъ становится гораздо многоводнѣе отъ впаденїя въ него рѣчекъ.

Торфу здѣсь великое множество, и сїе озеро окружено ровнымъ пространнымъ торфянымъ болотомъ, содержащимъ въ себѣ около 50 десятинъ. Оный простирается въ глубину отъ 3 до 4 аршинъ, а въ иныхъ мѣстахъ болѣе. По каналамъ, гдѣ текутъ упомянутыя рѣки, онъ на-

ходится также во множествѣ. Сіе земное сокровище принадлежитъ къ дачамъ, съ одной стороны, Графа Бобринскаго, а съ другой разныхъ помѣщиковъ.

Подлѣ самаго озера лежитъ знатное торговое селеніе, подъ названіемъ Иванъ-озеро, которое населено купцами и мѣщанами изъ разныхъ окрестныхъ городовъ. Они производятъ великой торгъ *хлѣбомъ*, которой скупаютъ на бывающихъ еженедѣльно, а зимою почти всякой день торжищахъ; а изъ своихъ анбаровъ отпускаютъ оный купцамъ, нарочно пріѣзжающимъ сюда изъ разныхъ за-Московныхъ и под-Московныхъ мѣстъ.

III.

О причинѣ числа умирающихъ, превосходящаго раждающихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti. —
Si non, his utere mecum.

Horat.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе года число умирающихъ, превосходящее число

раждающимся, достойно вниманія и замѣчанія Ученыхъ Врачей, тѣмъ болѣе, ежели количество умирающихъ въ одномъ городѣ превосходнѣе, нежели въ другихъ. Хотя въ такомъ важномъ и таинственномъ дѣйствіи Природы и доднесь трудно еще найти вѣрную причину; но мы — по возможности человѣческой — должны стараться, по крайней мѣрѣ подходить къ нѣкоторой вѣроятности и изыскивать средства уменьшать такое превосходное число умирающихъ противъ раждающихся.

Въ столичномъ городѣ С. Петербургѣ бываетъ, что множество умирающихъ превосходитъ число родившихся. Въ 1800мъ году тамъ родилось 7087 душъ, а умерло 10,906, чего почти ни въ одномъ городѣ Россійскаго Государства не случается, какъ то видно изъ публичныхъ Вѣдомостей. Это достойно вниманія благомыслящаго друга человѣчества. — Во всякомъ скрытномъ изысканіи предлагается вѣроятное мнѣніе, особливо когда теорія согласна съ опытами въ Натурѣ; и потому можно надѣяться, что предлагаемое здѣсь мнѣніе будетъ принято благосклонно, возбудивъ притомъ большее любопытство доискиваться сокровеннѣйшей причины.

По испытанію новѣйшихъ Химиковъ, нашъ атмосферическій воздухъ состоитъ изъ двухъ веществъ, изъ которыхъ одно неспособно ни для дыханія животныхъ, ни для сожиганія вещей, и называется *газомъ азотическимъ* или *смертоноснымъ*, а другое *газомъ кислороднымъ* или *жизненнымъ*, который дѣлаетъ атмосферической воздухъ способнымъ для дыханія. Приспілей, первый изобрѣтатель сего кислороднаго газа, назвалъ его *обезгорюченнымъ воздухомъ*. Сей газъ способствуетъ къ сожиганію горючихъ веществъ, которыхъ горѣніе, равно какъ и дыханіе животныхъ, отнимаетъ у атмосферическаго воздуха часть кислороднаго газа и дѣлаетъ первый вреднымъ для дыханія. Сіе доказывается тѣмъ, что естьли много людей случится въ тѣсной комнатѣ, или въ такомъ мѣстѣ, куда не можетъ проходить свѣжій воздухъ; то отъ дыханія ихъ воздухъ становится тяжелѣе, и наконецъ естьли они пробудутъ долго въ такомъ душномъ мѣстѣ, то получаютъ болѣзни и умираютъ. — Такимъ образомъ и вещи, когда горятъ, уничтожаютъ жизненную часть воздуха; что очень ясно доказано химическими опытами славнаго Приспілея, Лавуазье и проч.

По испытаніямъ новѣйшихъ Химиковъ, воздухъ нашъ состоитъ изъ $\frac{73}{100}$ частей азотическаго газа и $\frac{27}{100}$ кислороднаго или жизненнаго. Сіе смѣшеніе дѣлаетъ воздухъ удобнымъ для дыханія людей и животныхъ. — Когда же количество азотическаго газа болѣе или менѣе превосходитъ помянутую пропорцію кислороднаго воздуха, тогда раждаются у людей болѣзни, называемыя эпидемическими или заразительными, каковы суть гнилыя горячки, и проч.

Новѣйшая Химическая система открыла намъ, что всѣ растенія получаютъ питаніе и ростъ отъ впиванія въ себя изъ атмосферическаго воздуха нѣкоторой части азотическаго газа, толь вреднаго для животныхъ. Чрезъ сіе дѣлаютъ они воздухъ способнѣйшимъ для дыханія; по чему и можно назвать растенія дѣйствительнѣйшимъ воздухочистительнымъ средствомъ; ибо доказано, что воздухъ бываетъ чище и слѣдовательно здоровѣе въ мѣстахъ, наполненныхъ растеніями, какъ то: въ садахъ, огородахъ, лугахъ и проч. (*). По сей самой причинѣ городскіе

(*) Сіе правило есть не общее, но требуетъ однако весьма важнаго изключенія. Не оспоримо, что растенія очищаютъ

жители, для пользы своего здоровья, переселяются въ лѣтнее время въ загородные домы. Это же самое подтверждается еще тѣмъ, что весенній воздухъ здоровѣе осенняго; ибо весною всякія свѣжія растенія, для своего питанія, принимаютъ въ себя много азотическаго газа.

Химія доказала намъ еще, что отъ мертвыхъ тѣлъ животныхъ и крови ихъ,

---

воздухъ, но только во время солнечнаго сіянія; ночью же, особливо въ запертыхъ и тѣсныхъ комнатахъ, онѣ такъ вредны, что цвѣты, имѣющіе сильный запахъ, и вообще всѣ душистыя растенія, часто причиняютъ тяжкіе нервическіе, истерическіе и другіе припадки, а не рѣдко и самую скоропостижную смерть. Правда, что привычка многихъ предохраняетъ по видимому отъ сихъ бѣдственныхъ послѣдствій; однакожь мы не меньше совѣтуемъ охотникамъ до цвѣтовъ выносить ихъ на ночь непремѣнно изъ своихъ спаленъ, для избѣжанія вреднаго вліянія ихъ, которое естьли и не оказываетъ ощутительнаго и быстраго дѣйствія надъ ихъ здоровьемъ, то всегда, подобно медленному яду, сокращаетъ жизнь, ослабляя нервы. — *Примѣч. Издат. Вѣстника.*

также отъ гнилыхъ растеній и проч., отдѣляется азотической газъ; по сему и болотистыя мѣста, гдѣ обыкновенно растенія гніютъ, не здоровы для живущихъ около нихъ; ибо когда произходящій отъ гнилости азотическій газъ наполняетъ воздухъ, которымъ люди дышатъ, то раждаются эпидемическія болѣзни. Сіи болѣзни въ таковыхъ низкихъ мѣстахъ бываютъ всегда гораздо опаснѣе и продолжительнѣе; ибо воздухъ, заразясь однажды вредными парами, не скоро можетъ очиститься за недостаткомъ вѣтра. На высокихъ же или гористыхъ мѣстахъ отъ перемѣняющихся вѣтровъ воздухъ несравненно свѣжѣе, и слѣдовательно люди здоровѣе. Поелику древніе опыты согласны съ новѣйшею ѳеоріею Химіи, то должно приписывать причину числа умирающихъ въ теченіи года, превосходящаго число родившихся, вредному вліянію азотическаго газа.

Сія ѳеорія показываетъ, что надежнѣйшія средства къ очищенію атмосферическаго воздуха должны быть слѣдующія:

1.) Стараться во всякомъ климатѣ о размноженіи растеній, для уменьшенія азотическаго газа.

2.) Отдалять немедленно мертвыя тѣла животныхъ, пока они не начали еще гнить, и зарывать ихъ съ известью глубоко въ землю.

3.) Вычищать и осушать болота, также непроточные каналы и пруды.

Сіи и другія подобныя средства уменьшаютъ дѣйствіе азотическаго газа, толь вреднаго для здоровья, и слѣдовательно могутъ предохранить отъ эпидемическихъ болѣзней; а отъ сего и число родящихся можетъ сдѣлаться превосходнѣе количества умирающихъ. Совершенство, до котораго въ наши времена доведены Химія и Физика, подаетъ надежду къ изобрѣтенію удобнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ способовъ для поправленія воздуха. Сіе въ особливости нужно въ большихъ городахъ, гдѣ отъ стеченія людей и животныхъ, отъ гніющихъ нечистотъ и дыму, воздухъ заражается азотическимъ газомъ болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Докторъ Гинтеръ.

IV.

ОТРЫВКИ,

Содержащїе нѣкоторыя любопытныя подробности о Турцїи и Египтѣ.

(Изъ *Wittmans Travels.*)

Турецкїя войска состоятъ изъ людей всякаго цвѣта, роста и вида: необходимое слѣдствїе смѣшенїя разныхъ народовъ! Южные Африканцы совершенно черны; Сѣверные чрезвычайно смуглы, и вмѣсто волосовъ имѣя на головѣ шерсть, неоспоримо доказываютъ, что они одинакаго произхожденїя съ Неграми, хотя прежде и думали, что Сѣверные Африканцы суть потомки Европейскихъ переселенцевъ. Египтяне, Сирїяне и Дїарбекцы также черны, или очень смуглы. Въ числѣ же Бѣлыхъ, служащихъ въ Турецкихъ армїяхъ, находятся Европейцы, жители Натолїи, Армяне, Грузины и Татары. Между Бедуинами встрѣчаются иногда люди совсѣмъ черные. Что касается до Грузиновъ, то они справедливо славятся пригожствомъ и отмѣнною живостїю цвѣту лица ихъ.

Въ двадцати-тысячной Турецкой армїи вѣрно найдешь цѣлую половину служителей, купцовъ, маркитантовъ и

другихъ разночинцевъ, которые не носятъ оружія и не отправляютъ никакой военной должности. Каждый Начальникъ, или Паша, окруженъ всегда многочисленною толпою прислужниковъ, которые не спускаютъ съ него глазъ, для исполненія приказаній по малѣйшему мановенію его. Чѣмъ многолюднѣе свита Паши, тѣмъ болѣе почитаютъ его и боятся. Однакожь нѣтъ ничего въ свѣтѣ столь ненадежнаго, какъ его состояніе, такъ что едва ли послѣдній изъ подчиненныхъ можетъ ему позавидовать. Естьли удастся ему отличиться какимъ нибудь славнымъ подвигомъ, то часто возбуждаетъ онъ самъ зависть въ Начальникахъ своихъ, которые всячески стараются его погубить и принесть на жертву своей ненависти. Иногда возлагаютъ на него невозможныя препорученія, а за неисполненіе оныхъ лишаютъ его имѣнія, чиновъ, не рѣдко и самой жизни. Поелику Турки почитаютъ успѣхъ въ дѣлахъ, какого бы они рода ни были, за достовѣрный знакъ Божіяго благоволенія и покровительства, то часто прикрываются онымъ мрачнѣйшія злодѣянія.

Многочисленная сволочь, не разлучная съ Турецкими войсками, не только много затрудняетъ ихъ въ походахъ и манёврахъ,

но часто причиняетъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Сколько прилагаютъ Турки старанія о наружномъ блескѣ и о пышности своихъ армій, столько, напротивъ того, небрегутъ о запасныхъ магазинахъ и всѣхъ способахъ къ заготовленію провіанта. Сія безпечность простирается часто до того, что солдаты терпятъ долговременный голодъ. Мы сами были тому свидѣтелями.

Всякой Паша имѣетъ свой штандартъ, или бунчукъ; каждой Дервишъ, или Попъ, имѣетъ свое священное знамя, обыкновенно зеленаго цвѣта. Въ каждой ротѣ, изъ тридцати человѣкъ состоящей, есть особливое знамя, или значекъ. У Арнаутовъ оныхъ еще болѣе. Необходимое слѣдствіе такого множества знаменъ есть то, что въ шеренгахъ находится очень много людей, которые не сражаются, и только что мѣшаютъ манёврамъ. Турки увѣрены, что большое число знаменъ устрашаетъ непріятеля.

Турецкіе лагери освѣщаются по ночамъ большими фонарями, изъ желѣзныхъ обручей составленными. Въ сіи фонари опускаютъ зажженную холстину, напитавъ ее прежде постнымъ масломъ и смолою. Передъ ставкою каждаго Паши находится по нѣскольку сихъ фонарей.

Турки такъ неосторожны и несвѣдущи въ Тактикѣ, въ разположенїи лагерей, большихъ карауловъ и часовыхъ, что безпрестанно подвержены нечаяннымъ нападенїямъ, которыхъ слѣдствїемъ бываетъ обыкновенно разсѣянїе цѣлой армїи, потеря обозовъ и проч.

Турки до крайности суевѣрны. Они безпрестанно носятъ на себѣ предохранительные талисманы, состоящїе обыкновенно изъ нѣкоторыхъ стиховъ Алкорана.

Въ Турцїи вѣрятъ слѣпо нѣкоторымъ предсказанїямъ, говоря, будто найдены они вырѣзанными, не вѣдомо кѣмъ, на гробницахъ ихъ святыхъ. Въ сихъ предсказанїяхъ содержится между прочимъ, что Россїяне завоюютъ Турецкую Имперїю; что въ первой разъ разобьютъ они Турецкую армїю на берегахъ Днѣстра, а въ другой подъ Константинополемъ; что сїе послѣднее сраженїе рѣшитъ участь города сего, и Султаны перенесутъ потомъ столицу свою въ Дамаскъ.

Чудный корпусъ войскъ, называемыхъ Янычарами, учрежденъ Султаномъ Амуратомъ I. Сей Государь приказалъ похитить пятаго изъ всѣхъ пятнадцатилѣтнихъ мужеска пола Христїанскихъ дѣтей въ Булгарїи, Македонїи и Греческихъ Провинцїяхъ. Сихъ мальчиковъ

воспитали въ Магометанскомъ законѣ и заставляли упражняться въ тяжелыхъ сельскихъ работахъ, потомъ научили ихъ дѣйствовать оружїемъ; а чтобъ привыкли они къ кровопролитїю, заставляли ихъ рубить саблями преступниковъ. Слово *Янычаръ* значитъ: *сынъ иностранца.* Въ послѣдствїи, когда перестали брать съ Христїанъ дань людьми, и наложили денежную, то и Янычаровъ стали уполночисливать за деньги, такъ какъ и прочїя войска. Нынѣ набираютъ ихъ изъ самаго бѣднѣйшаго класса народа, и теперь сей корпусъ гораздо меньше прежняго уважается, хотя и по сїе время составляетъ еще лучшее Турецкое войско. Янычары лучше другихъ солдатъ вооружены и одѣты. Они имѣютъ винтовки или штуцеры, безъ штыковъ. Оружїе сїе дѣлается въ Дамаскѣ. Стрѣльба сего войска по необходимости производится весьма медленно по той причинѣ, что много требуется времени заряжать сїи штуцеры. Другое оружїе Янычаръ состоитъ изъ кинжала и пары пистолетовъ, затыкаемыхъ за поясъ. Иногда имѣютъ они и сабли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Янычары надѣваютъ бѣлыя шапки, или калпаки, которыхъ длинныя тульи закидываются назадъ; а спереди пришивается

къ нимъ кожаная трубка, въ которую втыкаютъ ложку, коею ѣдятъ они Пилавъ. Панталоны ихъ не такъ широки и безпокойны, какъ у другихъ воиновъ. Лѣтомъ обнажаютъ они ноги, руки и плеча; носятъ красныя туфли и надѣваютъ иногда плащи. Въ палаткахъ своихъ сидятъ и лежатъ на маленькихъ Турецкихъ коврахъ; когда же не имѣютъ оныхъ, то употребляютъ для сего овечьи кожи. Въ походахъ носятъ они воду въ небольшихъ кожаныхъ мѣхахъ.

О числѣ Янычаръ говорятъ различно. Иные утверждаютъ, что они простираются до ста тысячь; а другіе увѣряютъ, что ихъ только 40 тысячь. Каждый Оддагъ, или полкъ, имѣетъ знамя съ изображеніемъ особливаго знака. Сіи знаки состоятъ изъ рыбъ, птицъ, звѣрей, разнаго оружія и проч. Сей корпусъ не очень храбро защищаетъ свои знамена, но гораздо болѣе печется о сохраненіи котловъ, которыхъ всякой полкъ имѣетъ по два. Сіи котлы находятся всегда въ срединѣ полку съ уполовникомъ и большимъ ковшемъ для раздачи Пилава. Посуда сія почитается священною, и служитъ надежнымъ убѣжищемъ всѣмъ тѣмъ, которые къ ней приближатся. Во всякомъ полку содержится она вдвойнѣ,

чтобъ не могла вся попасть въ руки непріятеля, чего Янычары болѣе всего страшатся, ибо въ такомъ случаѣ полкъ разпущенъ будетъ.

Янычары отправляютъ ночную стражу въ Константинополѣ, и вооружаются для сего дубинами. Жалованье ихъ, кромѣ провіанта, состоитъ почти изъ пяти шилинговъ (110 копѣекъ) въ мѣсяцъ. Начальникъ, или Шефъ сего войска, есть весьма знатная особа, а именно: Трехбунчужный Паша, и засѣдаетъ въ Диванѣ.

Выключая Аги и Полковниковъ, всѣ прочіе Офицеры Янычарскаго корпуса очень мало уважаются. Какъ все въ Турціи покупается за деньги, или получается чрезъ покровительство: то всякой простолюдимъ, въ какомъ бы онъ низкомъ состояніи ни родился, часто вдругъ возходитъ на вышшую степень знатности.

Солдаты, набираемые въ Мореѣ, Македоніи, Босніи и проч., называются Арнаутами. Они вообще склонны къ возмущеніямъ. Жители сихъ странъ воспитываются для войны и пріуготовляются къ оной безпрестанно въ мирное время, такъ что вступаютъ въ службу къ той изъ сосѣдственныхъ воюющихъ Державъ, которая даетъ имъ больше денегъ. Они

очень сильные и здоровые люди, имѣютъ въ лицѣ нѣчто свирѣпое и почитаются искусными ворами. Хотя обыкновенно служатъ они пѣшіе, но ихъ употребляютъ иногда и для конницы. Въ Египтѣ служили они конные. Одежда ихъ состоитъ изъ балахона, или чекменя. Офицеры имѣютъ такого же покроя чекмени, но бархатные и вышитые золотомъ. Арнауты надѣваютъ латы и обертываютъ ноги листомъ металла. Они носятъ сандаліи, говоря, что заняли ихъ отъ древнихъ Спартанъ, и увѣряютъ, что произходятъ отъ сего народа, которому стараются подражать въ храбрости и нравахъ. Головы у нихъ гладко острижены, кромѣ длиннаго хохла на темѣ, которой загибаютъ они назадъ. Ихъ содержаніе обыкновенно очень худо. Въ продолжительныхъ походахъ часто терпятъ они крайній недостатокъ въ одеждѣ и съѣстныхъ припасахъ. Они такъ страстны къ игрѣ, что проигрываютъ другъ другу свое оружіе, платье и все имущество. Арнауты грабятъ и опустошаютъ страны, ими проходимыя, и такъ люты и кровожаждущи, что ссоры ихъ съ товарищами часто кончатся смертоубійствомъ. Между собою говорятъ они особливымъ языкомъ, похожимъ, по увѣре-

нїю нѣкоторыхъ Ученыхъ, на древнїй Иллирическїй.

Оружїе ихъ состоитъ изъ длиннаго ружья, двухъ пистолетовъ, затыкаемыхъ за поясъ, и кинжала, или охотничьяго ножа. Они никогда не носятъ солдатской сумы, въ которую, правду сказать, не чего имъ и класть. Арнауты стрѣляютъ въ цѣль съ отмѣннымъ искуствомъ.

Въ Турецкой конницѣ и пѣхотѣ всякой солдатъ беретъ такое оружїе, какое хочетъ. Кавалеристы по большой части вооружены пиками и металлическими копьями, которыя бываютъ иногда въ сажень длиною, съ желѣзнымъ острымъ наконечникомъ, по крайней мѣрѣ въ одинъ футъ. Подъ симъ наконечникомъ прикрѣпленъ пукъ перьевъ, для поддерживанїя копья въ надлежащемъ направленїи. Они очень искусно дѣйствуютъ симъ оружїемъ, и бросаютъ его съ отмѣнною силою и меткостїю. Сверхъ сего вооружены они еще бердышами, дубинами, саблями и карабинами. — Турки никогда почти не употребляютъ штыковъ. Кавалеристы обыкновенно имѣютъ по два пистолета въ арчакѣ сѣдла и два мѣха съ водою, висящїе на лукѣ, также курительную трубку, которая есть для нихъ вещь необходимая.

Конница составляетъ большую часть Турецкихъ войскъ. Лошади вообще хороши; всадники управляютъ ими съ удивительнымъ проворствомъ и ловкостїю; стремена у нихъ очень коротки.

Кавалеристы во время сраженїя не наблюдаютъ никакого порядка въ мѣстахъ, но только не заѣзжаютъ въ чужїе эскадроны. Передъ начатїемъ баталїи призываютъ они Бога на помощь, крича: *Алла! Алла!*

Грузины и Черкесы, составляющїе легкую Турецкую конницу, отличаются храбростїю, статностїю и чрезвычайною силою. Они привыкаютъ къ войнѣ съ юнѣйшихъ лѣтъ, имѣя почти безпрестанныя сшибки съ сосѣдственными народами. Одѣты они почти такъ, какъ Татары, кромѣ того, что не брѣютъ головы, и вмѣсто чалмы носятъ овчинныя шапки.

Въ числѣ добровольно-служащихъ въ Турецкой армїи находится множество ревностныхъ послѣдователей Магомета, которые изъ отдаленнѣйшихъ странъ Турецкой Имперїи стекаются подъ знамена Пророка; прочїе же всѣ суть грабители, привлекаемые надеждою получить богатую добычу.

Слово Мамелюкъ значитъ уроженца дальнихъ странъ. Мамелюки суть по большой части Грузинскіе и Черкаскіе невольники, вывезенные въ Египетъ; но въ числѣ ихъ находятся и такіе, которыхъ смуглый цвѣтъ и черты лица доказываютъ, что они произходятъ изъ Нубіи. Никто не можетъ быть произведенъ въ Беи, не бывъ прежде невольникомъ. Достойно примѣчанія, что потомки Мамелюковъ не могутъ по сіе время привыкнуть къ Египетскому климату. Примѣчено также, что дѣти Европейцевъ, рожденные въ Египтѣ, рѣдко достигаютъ совершенныхъ лѣтъ, и что вообще потомки всѣхъ иностранцевъ не долговѣчны.

Предпріимчивые и щастливѣйшіе изъ Мамелюковъ достигали въ прежнія времена до знатнѣйшихъ гражданскихъ достоинствъ въ Египтѣ, и нѣкоторые изъ нихъ были главными правителями сей страны; но сего давно уже не случается. Сіи войска вообще отличаются вѣрностію и надежнѣе всѣхъ прочихъ.

Арабы, которые нанимаются смотрѣть за армейскими верблюдами, не имѣютъ палатокъ, и каждой вечеръ, какъ скоро армія остановится, составляютъ большой кругъ изъ сѣделъ своихъ

верблюдовъ. На срединѣ сего круга разводятъ большіе огни изъ помета сихъ животныхъ и изъ сухихъ травъ. Сіи Арабы отличаются веселонравіемъ; собравшись вокругъ огня, забавляются они разсказываніемъ исторій, пѣніемъ и пляскою.

Пока верблюды навьючены, и Арабы почитаютъ себя обязанными отвѣчать за цѣлость ввѣренныхъ имъ товаровъ, то никогда не случалось еще, чтобъ они что нибудь украли изъ оныхъ; но какъ скоро заплатятъ имъ деньги и отпустятъ ихъ, то они опять дѣлаются страшными ворами и всячески стараются что нибудь похитить у бывшихъ своихъ хозяевъ.

Для разсылки съ извѣстіями о важныхъ военныхъ произшествіяхъ употребляются Татары. Нѣкоторое число оныхъ, подъ начальствомъ Хана ихъ націи, всегда стоятъ лагеремъ не подалеку отъ ставки Верховнаго Визиря, для исполненія его препорученій. Ихъ же обыкновенно отправляютъ изъ Константинополя съ Фирманами, или Султанскими Указами, во всѣ края Имперіи. Сіи Татары отличаются благонравіемъ, трезвостію и вѣрностію. Препорученія, на нихъ возлагаемыя, выполняютъ они съ удивительною поспѣшностію, и въ дорогѣ почти

совсѣмъ не спятъ. Фирманъ, которой Татаринъ везетъ, даетъ ему право брать вездѣ лошадей и все нужное для содержанія своего.

Въ лагерѣ, Визирскій почетный караулъ состоитъ изъ такъ называемыхъ *Бостанжи*. Сіе слово значитъ садовника. Войска, носящія сіе имя, суть весьма многочисленны въ Константинополѣ. Тѣлохранители Султанскіе суть также Бостанжи, и всякой разъ, когда Дворъ прогуливается по водѣ, они управляютъ Султанскою шлюпкою. Бостанжи-Паша, или Начальникъ сего корпуса, управляетъ гражданскою частію Сераля и всѣхъ селеній, находящихся на обоихъ берегахъ Босфора.

Турки суть неоспоримо храбрый народъ. Жаль, что суевѣріе и большіе недостатки правленія дѣлаютъ сіе драгоцѣнное качество совершенно безполезнымъ. — Турки трезвы, терпѣливы и отмѣнно честны въ торговыхъ дѣлахъ. Бѣдные люди ведутъ жизнь самую строгую, и тѣмъ способнѣе бываютъ къ солдатскому состоянію. Они очень рѣдко ѣдятъ мясо; сухари, сыръ, лукъ, оливки, и масло изъ оныхъ составляютъ почти единственную ихъ пищу. Любимое ихъ блюдо есть Пилавъ, или Пловъ, то

есть баранина, или какая нибудь домашняя птица, разварная со пшеномъ; но простой солдатъ рѣдко можетъ снабдить себя симъ лакомствомъ: табакъ и кофе замѣняютъ оное. Кофе пьютъ они самой крѣпкой. Женщины курятъ табакъ, равно какъ и мущины. Обыкновенное питье Музульмановъ есть вода; но когда однажды преодолѣютъ они зазрѣнїе совѣсти, препятствующее имъ пить вино, то напиваются онымъ допьяна.

Шахматная игра, которая имъ дозволена (карты и кости строго запрещены), занимаетъ большую часть ихъ досуговъ, какъ въ лагерѣ, такъ и въ городахъ. Они также охотники до музыки, но поютъ очень грубо и нескладно.

Турецкїй солдатъ получаетъ въ день около трехъ копѣекъ съ денежкою, кромѣ сухарей и пшена. Сего малаго жалованья достаетъ однако же ему на покупку кофе, табаку и сливокъ. За больными солдатами нѣтъ почти никакого присмотра, и они часто умираютъ безо всякой помощи. Полковые Лѣкари занимаются единственно лѣченїемъ Чиновниковъ.

Жизнь лагерная и походы не освобождаютъ Турковъ отъ исполненїя обрядовъ омовенїя и молитвы, которыя Магометъ

предписалъ имъ отправлять по пяти разъ въ день. Предъ каждою молитвою они вымываютъ себѣ ноги, руки и лицо; потомъ разстилаютъ небольшой коверъ, и на ономъ кладутъ установленное число поклоновъ. Въ девять часовъ по утру, то есть послѣ второй молитвы, они завтракаютъ. При захожденіи солнца, послѣ вечерней молитвы, ѣдятъ они въ другой разъ. Бѣдные люди вообще ѣдятъ только по два раза въ день.

Хотя Магометанская религія, будучи совершенно исключительною, учиняетъ большую часть Турковъ грубыми и спѣсивыми: однакожь знатные люди обыкновенно очень вѣжливы и обходительны.

(Продолженіе впредь.)

V.

О вкусѣ.

(Изъ сочин. Гжи. Жанлисъ.)

Вкусъ есть не простое качество, или даръ Природы, но слѣдствіе толь рѣдкаго сліянія въ одномъ человѣкѣ многихъ свойствъ ума и сердца, какъ врожденныхъ, такъ и пріобрѣтенныхъ. Кто одаренъ тонкимъ умомъ, чувствительностію

и здравымъ разсудкомъ, кто умѣетъ наблюдать, сравнивать и кто много разсуждалъ, тотъ имѣетъ вкусъ. Чтенїе, знанїе обращенїя при Дворѣ и въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, частое обхожденїе со славными Артистами и путешествїя много способствуютъ образованїю вкуса.

Истинный - хорошїй вкусъ всегда основанъ на разсудкѣ. Хотя многїе имѣютъ выгоду утверждать, что онъ не зависитъ отъ него; но сихъ людей можно назвать анархистами, которые возмущаются противъ безпокоющаго ихъ устава.

Можно неоспоримо доказать, что все одобряемое вкусомъ хорошо, и все охуждаемое имъ дурно. Вотъ правило безъ изключенїя!

Вкусъ для Писателей на полѣ Словесности есть то же, что разсудокъ на поприщѣ жизни для всѣхъ людей, то есть вѣрный путеводитель. Онъ-то часто требуетъ необходимыхъ пожертвованїй, умѣряетъ, обуздываетъ и показываетъ предѣлы, которыхъ преступать не должно.

Всякая крайность противна вкусу: слабое сочиненїе можетъ написано быть со вкусомъ; въ напыщенныхъ же произведенїяхъ нѣтъ совсѣмъ онаго.

Естьли бы Поэты вздумали изобразить вкусъ заемлющимъ свѣтильникъ у Истинны, или Натуры, и приносящимъ жертву Грацїямъ, то это было бы изрядное опредѣленїе того рода вкуса, которой долженъ находиться въ прїятныхъ сочиненїяхъ.

Всякой человѣкъ, ослѣпляемый самолюбїемъ, часто будетъ имѣть недостатокъ во вкусѣ. Одаренный вкусомъ не хвастаетъ и не показываетъ глупаго самодовольствїя и наглости.

VI.

Весна.

Du printemps le zéphyr annonce le retour;
Plus vif, plus radieux déjà l'aſtre du jour,
Par ſes feux bienfaiſans vient conſoler le monde;
De ſes puiſſans regards heureuſe, & plus féconde
La terre a dépouillé ſa robe de criſtal,
Et prodigué la vie au moindre végetal.

La Bergére de Suiſſe. Chant II.

Природа скиптромъ лишь махнула,
Бореи скрылися отъ насъ;
Она прїятно проглянула —
Не такъ все стало тотъ же часъ:
Вершины горъ, поля, равнины,
Дремучїй лѣсъ, брега и лугъ,

Гдѣ мчатся быстрыя стремнины —
Зазеленѣлося все вдругъ.
Шумящій дождь съ прозрачна свода
Прохладны дѣлаетъ пары;
Съ улыбкой щедрая Природа
Низпосылаетъ намъ дары.
Поблекши травы и растенья
Живой пріяли, нѣжный видъ;
Переродились всѣ творенья —
Весна собой насъ веселитъ.
Сквозь тонкихъ облаковъ эфирныхъ
Златитъ лучь солнца небосклонъ...
Я слышу звуки гласовъ лирныхъ —
Любовь свой воздвигаетъ тронъ.
Тогда, какъ роза разцвѣтала,
Лилея, ландышъ, василёкъ —
Венера среди водъ предстала,
На ней былъ миртовый вѣнокъ.
Дельфины, чуды всѣ морскія
Несли Киприду на хребтахъ;
Изъ раковинъ въ рога златыя
Трубятъ Тритоны на волнахъ.
Теперь садится на престолѣ
Законъ любви провозглашать,
Вельможа гордый въ пышной долѣ,
И Царь, и рабъ, должны внимать!
Тамъ Нимфы, Граціи играютъ,
Шалятъ и шутятъ межъ собой,
Амуры ихъ вокругъ летаютъ,
Поютъ пріятный гимнъ такой:

„Которо сердце не любило,
„Люби теперь и воздыхай;
„А естьли кое ужь плѣнило,
„Умѣй любить — всегда плѣняй!“ —
Какая радость! — всякъ вѣщаетъ:
Весна являетъ видъ иной;
Печаль и скуку удаляетъ,
Своею всѣхъ живитъ красой;
Хоръ птичекъ въ кущахъ раздается:
Поютъ величіе Творца;
Щегленокъ, чижичекъ несется —
Хвалить Небеснаго Отца;
Но громкой голосъ филомелы,
Подобно шуму быстрыхъ водъ,
Стремится кой во всѣ предѣлы,
Въ забвеніе ведетъ народъ —
То тихо свищетъ, возхищаетъ,
Дробитъ, журчитъ, пускаетъ трель,
То голосъ свой перебираетъ,
То какъ играетъ во свирѣль (*).
Тамъ томна горлица воркуетъ,
Гнѣздо свиваетъ для дѣтей,
Дружка любезнаго цѣлуетъ,
Зоветъ, чтобъ жить съ нимъ веселѣй.
Орфеи милые лѣсные!
Дрозды, чижи и соловьи, —
Въ лѣса, въ поля заповѣдные

(*) Прости мнѣ тѣнь Россійскаго Пиндара — мысль твоя!

Пустите *лѣночку* свои:
Она тожъ будетъ, подражая
Вамъ — Гимны Богу возпѣвать,
Свой тихій голосъ сѣединяя,
Его величье прославлять. —
Поселянинъ идетъ съ дѣтями
Поля, что жизнь даютъ, орать;
Всходяще солнце за горами
Взвело его на холмъ взирать.
Царь свѣта съ полными лучами
Возшелъ на горизонтъ — свѣтилъ;
Багряно-алыми огнями
Всю нашу землю озарилъ.
Природы сынъ со умиленьемъ
Мольбу съ дѣтями возсылалъ,
Съ сердеднымъ трепетнымъ движеньемъ,
И такъ къ Зиждителю вѣщалъ:
„О Боже! Ты великъ въ вселенной
„И въ горьнихъ вышнихъ небесахъ;
„Мудрецъ, пастухъ уединенной
„Дивится мудрости въ дѣлахъ!
„Ты — Ты, который насъ питаешь,
„Содержишь въ длани и живишь;
„Любить Тебя Ты научаешь
„И всѣхъ щастливыми творишь!“ —
Съ колѣнъ встаетъ и умолкаетъ,
Спѣшитъ къ работѣ поскорѣй,
Гдѣ зрѣлъ, тотъ холмъ онъ оставляетъ,
Ведетъ разтроганныхъ дѣтей. —

Ахъ! естьлибъ можно мнѣ представить
Картину нѣжную сію!....
Но должно Рубенса заставить,
Чтобъ кисть употребилъ свою!
Весна — весна! лишь ты приносишь
Забавы, радость, тьму утѣхъ;
Унынье, грусть съ собой уносишь;
Ты намъ милѣй веселій всѣхъ! —

Ив. Ар.

VII.

Сонетъ.

Владѣла тишина на сушѣ, на водахъ;
Пріятенъ воздухъ былъ; чуть утра свѣтъ бѣлѣлся;
Зефиръ лобзалъ цвѣты, Востокъ едва краснѣлся
И смертный всякъ вкушалъ покой во всѣхъ странахъ.

*

Ужь кони топаютъ, огнь видѣнъ въ ихъ глазахъ;
Почти путь богу дня отъ солнца весь зардѣлся;
Ни тучки не было — небесный сводъ синѣлся;
На колесницѣ Фебъ — онъ здѣсь — и весь въ лучахъ.

*

Въ то время М.... прекрасна выходила;
Своею красотой она всѣхъ удивила —
Ея казался видъ пріятнѣйшій всѣмъ свѣтъ.

*

Свѣтило дневное! ты не гордись собою;
Хоть украшаешь міръ уже такъ много лѣтъ,
Ты то же передъ ней, Луна что предъ тобою!

И. Арств.

VIII.

Парижскія Моды.

Мая 17го.

Наступившая здѣсь прекрасная погода заставила перемѣнить почти всѣ обыкновенныя занятія; балы совсѣмъ уже прекратились; концерты даются рѣдко; такъ называемые кружки, или званыя бесѣды, и того рѣже: Театры посѣщаются только при первомъ представленіи какой-либо новой піесы: но, въ замѣну того, въ 7 часовъ по полудни, всѣ публичныя гульбища наполняются безчисленнымъ множествомъ зрителей. Щеголи, имѣющіе у себя верьховыхъ лошадей, ѣздятъ въ Багателль, и дорогою разговариваютъ съ своею любезною, держась одною рукою за дверцу экипажа ея; щеголи

мѣшїе прогуливающися въ Тюльери, иногда въ Кобленцѣ, а всего чаще по Елисейскимъ полямъ, дожидаясь съ нетерпѣливостїю часа, въ которой могутъ они появиться во Фраскати, чтобъ отвѣдать тамъ мороженаго; такъ называемые мѣщане идутъ толпами въ Тиволи, въ Шантильскую хижину и во всѣ мѣста сельскихъ празднествъ, которыя учинились сборищемъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ лучшее общество перестало уже посѣщать оныя; кофейные же домы въ городѣ наполняются ротозѣями, молодыми дѣвками низкаго произхожденїя и охотниками пить полпиво.

Изо всѣхъ пунктовъ соединенїя подъ щастливымъ созвѣздїемъ одно только Фраскати посѣщается отборнѣйшимъ обществомъ; а когда Гархи даетъ тамъ концертъ, получая за входъ съ персоны по 5 ливра, то привлекаетъ туда почти весь Парижъ. Пригожїя Дамы, живущїя даже за 12 и за 15 миль отъ Парижа на загородныхъ своихъ дачахъ, прїѣзжаютъ въ такихъ случаяхъ нарочно въ сей новой Эдемъ, показать себя и посмотрѣть, что вкусъ, или Мода, изобрѣли новаго?

*

Увѣряютъ, что въ продолженїе нынѣшняго лѣта, большая часть молодыхъ

нашихъ Кавалеровъ учиться будетъ не танцованію, но способамъ представлять себя обществу съ пріятностію, кланяться низко, держать шляпу безъ принужденія, носить шитое платье свободно, а шпагу съ важностію.

*

Черная роба, съ чернымъ крагеномъ (pélerine) и съ черными лентами, обложенными вокругъ въ складки, есть самый употребительнѣйшій костюмъ для гулянья.

*

Дамы носятъ для наряду - неглиже серьги, продолговато - круглыя, золотыя съ эмалью. Онѣ носятъ также для неглиже и *кресты* à la jeannette, а ввечеру, вмѣсто сихъ послѣднихъ, вѣшаютъ *медальйонъ* съ любовнымъ шифромъ.

*

Шляпки перкалевыя, канифасныя, или кисейныя вошли въ Моду. — Филе употребляется теперь для обшиванія юпокъ, передниковъ и крагеновъ. — Нѣкоторыя щеголихи появляются въ послѣднія 2 недѣли на гуляньяхъ въ платьѣ особеннаго покроя, называемомъ ими: *Хламидою.* Оно начинается отъ шеи, простирается до половины лядвеи и не

имѣетъ спереди прорѣхъ. Соломенныя шляпки выходятъ изъ употребленія.

*

Щеголиха имѣетъ одну только гортензію, или геліотропъ, въ прекрасномъ горшкѣ, въ своей спальнѣ, нѣсколько розановъ въ будуарѣ, небольшое число фіалокъ о 5 листахъ (pensées) и тюльпановъ въ залѣ; напротивъ того вошло во вкусъ уставлять множествомъ цвѣтовъ всѣ балясы у лѣстницы. Когда она провожаетъ васъ послѣ сдѣланнаго ей посѣщенія, то позволяетъ сорвать какой-нибудь цвѣточикъ, украшающій лѣстницу ея, и проситъ беречь его въ знакъ памяти.

ПОЛИТИКА.

I.

Перечень извѣстій изъ Лондона съ 22го Мая по 1е Іюня.

Г. Питтъ, вступивъ въ управленіе Государственными нашими дѣлами, употребляетъ всѣ свои усилія къ дѣятельнѣйшему продолженію войны съ Франціею. На сей конецъ, кромѣ увеличившихся въ Великобританскихъ гаваняхъ морскихъ вооруженій, приняты мѣры къ убѣжденію нѣкоторыхъ Европейскихъ Державъ, присоединиться къ нашей сторонѣ и открыть дѣйствія противъ общаго непріятеля. Краткость времени, истекшаго послѣ принятія таковыхъ мѣръ, не позволяетъ еще утвердительно сказать, одобрены ли сіи предложенія помянутыми Державами и до какой степени можемъ мы надѣяться на ихъ вспомоществованіе: по крайней мѣрѣ то за-подлинно извѣстно, что переговоры о семъ предметѣ уже открыты и мы ожидаемъ большаго отъ нихъ успѣха.

Французская эскадра, подъ начальствомъ Адмирала Линуа, причиняетъ

намъ теперь въ Остъ-Индїи много убытку — перехватыванїемъ богато-нагруженныхъ нашихъ кораблей, изъ Индїи въ Европу возвращающихся, и разоренїемъ нѣкоторыхъ тамошнихъ нашихъ заведенїй, какъ-то: Бенкулена и проч. Недовольные прежнимъ Министерствомъ винятъ оное и въ разсужденїи сего предмета, утверждая, что оно, допустивъ помянутую Французскую эскадру пуститься въ толь отдаленныя воды, не приняло никакихъ мѣръ къ отправленїю туда изъ Великобританнїи многочисленнѣйшаго морскаго ополченїя, которое въ состоянїибъ было изпровергнуть всѣ непрїятельскїе замыслы.

Теперь изготовляется у насъ экспедицїя, для завоеванїя *мыса Доброй Надежды.* Генералъ-Поручикъ Дондасъ, братъ Статсъ-Секретаря военнаго департамента, будетъ предводительствовать оною. Для произведенїя въ дѣйство сего предпрїятїя отправлено будетъ 7 тысячь человѣкъ пѣхоты, 1000 человѣкъ конницы и 500 артиллеристовъ. Извѣстный Коммодоръ Попгамъ назначенъ командовать эскадрою, въ сїю экспедицїю назначенною, и которая состоять должна изъ трехъ кораблей о 74, двухъ о 64 пушкахъ и изъ 7 фре-

гатовъ. Экспедицїя отправится изъ Англїи въ первыхъ числахъ Іюля, и въ оную наряжены многїе Шотландскїе и Ирландскїе полки, а изъ Офицеровъ выбраны большою частїю такїе, которые служили прежде сего на мысѣ и въ Египтѣ. — Ежели сїя экспедицїя удачно въ дѣйство произведена будетъ: то въ послѣдствїи времени предпринятъ быть имѣетъ поискъ и противъ Иль де Франса.

Въ Парламентахъ нашихъ не послѣдовало въ сїи дни никакихъ важныхъ преній. Мая 30 го Г. Вильберфорсъ предлагалъ снова въ Нижнемъ Парламентѣ о прекращенїи закупки Черныхъ невольниковъ, приводя на память, что Парламентъ еще въ 1792 мъ году опредѣлилъ, продолжить оную только на 4 года, но послѣ отсрочилъ ее на неизвѣстное время, и удовольствовался только сдѣлать нѣкоторыя ограниченїя сей торговли. „Съ того времени, продолжалъ Г. Вильберфорсъ, ввезено въ Вестъ-Индїю не менѣе 300 тысячь невольниковъ, и изъ того числа въ одну Ямайку 140 тысячь. Можно ли терпѣть долѣе таксе превосходное число Негровъ противъ числа Европейцовъ, когда мы видимъ толико печальные примѣры тому на островѣ Сп. Домингѣ? Къ тому жъ я предлагаю ток-

мо о прекращенїи торговли невольниками, а не о дарованїи имъ свободы въ Вестъ-Индскихъ нашихъ заведенїяхъ, и проч." — Предложенїе сїе, которое одобрено было Гг. Питтомъ, Фоксомъ и другими, отдано на разсмотрѣнїе особому Комитету.

Перечень извѣстій изъ Парижа съ 22го Мая по 1е Іюня.

Продолженїе важнѣйшаго содержанїя статей, изъ коихъ состоитъ Сенатское органическое опредѣленїе отъ 18го Мая.

„Высокїя Имперскїя достоинства суть: Великаго Избирателя; Архиканцлера Имперїи; Архиканцлера Государственнаго; Архиказначея; Коннетабля и Великаго Адмирала. Императоръ даетъ сїи достоинства на всю жизнь."

. . . . . „Великїе Офицеры Имперїи суть: Вопервыхъ, Маршалы Имперїи, избираемые наиболѣе изъ отличившихся Генераловъ. Число таковыхъ Маршаловъ должно простираться не свыше 16. Къ сему числу не принадлежатъ тѣ Маршалы, кои суть вмѣстѣ и Сенаторами. Вовторыхъ, восемь Генералъ-инспекторовъ надъ артиллерїею, Инженернымъ

корпусомъ, конницею и морскою силою. Втретьихъ, Коронные Великїе Офицеры гражданской службы, которыхъ должности вновь установлены будутъ Императоромъ. Званїе Великихъ Офицеровъ дается на всю жизнь."

.... „Присяга, которую Императоръ долженъ учинить, есть слѣдующая: Клянусь соблюдать цѣлость владѣнїй Республики; уважать и заставлять почитать свободу Богослуженїя и законы Конкордата; уважать и заставлять почитать равенство правъ, политическую и гражданскую свободу, безвозвратность продажи народныхъ имѣнїй; не собирать ни единой подати и не налагать оной иначе, какъ въ силу закона; соблюдать учрежденїе Почетнаго Легїона; управлять, имѣя единственно въ виду своемъ пользу, благоденствїе и славу Французскаго народа."

.... „Коммисїя, составленная изъ 7 Членовъ, избранныхъ Сенатомъ изъ среды своей, должна имѣть свѣденїе, по сообщенїямъ отъ Министровъ, обо всѣхъ арестованїяхъ, ежели арестанты въ теченїе 10 дней не будутъ представлены предъ Судъ, въ каковомъ случаѣ сїи послѣднїе должны относиться къ ней своими

жалобами. Сїя Коммисїя именуется *Сенаторскою Коммисїею частной свободы.*"

.... „Коммисїя, составленная изъ 7 членовъ, избранныхъ Сенатомъ изъ среды своей, бдитъ о свободѣ книгопечатанїя. Ей не подвѣдомственны однакожъ Журналы и книги, по подпискѣ выдаваемыя. Сїя Коммисїя именуется *Сенаторскою Коммисїею свободы книгопечатанїя.* Сочинители, типографщики и книгопродавцы приносятъ ей свои жалобы въ случаѣ какихъ-либо притѣсненїй въ напечатанїи, или свободной продажѣ книгъ ихъ."

.... „Проекты законовъ, одобренные Законодательнымъ Сословїемъ, переносятся въ тотъ же самый день въ Сенатъ. Каждый Сенаторъ имѣетъ право донести Сенату, что такой-то законъ, утвержденный Законодательнымъ Сословїемъ, 1. клонится къ возстановленїю Февдальной системы; 2. что онъ противорѣчитъ безвозвратности продажи народныхъ имѣнїй; 3. что онъ нарушаетъ преимущества Императорскаго достоинства и Сената."

.... „Сенатъ, въ теченїе 6 дней, слѣдующихъ за одобренїемъ отъ Законодательнаго Сословїя какого-либо закона, долженъ трактовать объ ономъ въ три разныя засѣданїя, и ежели найдетъ за благо, то можетъ объявить свое мнѣнїе,

сказавъ: *это обнародованіе такого-то закона не можетъ имѣть мѣста.*"

„Императоръ, выслушавъ донесеніе Государственнаго Совѣта, объявляетъ, что онъ, или приступаетъ ко мнѣнію Сената, или повелѣваетъ обнародовать законъ."

(*Продолженіе впредь.*)

*

Всѣ Французскія войска въ Ст. Омерѣ, Булони, Кале, Голландіи, Ганноверѣ и проч. присягнули въ вѣрности новому Императору. Тожъ самое учинили 27го Мая Сочлены Сената, Трибуната и Законодательнаго Сословія. — Вмѣсто титула: *гражданинъ*, вводится опять по прежнему титулъ: *Господинъ.* — Число полученныхъ доселѣ изъ разныхъ странъ Франціи поздравительныхъ съ Императорскимъ достоинствомъ адрессовъ есть несказанно велико. Въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ именуютъ новаго Императора *Бонапартіемъ, или Наполеономъ Великимъ!!!*

*

Убытокъ, причиненный Англичанами чрезъ повторенныя бомбардированія гаваней нашихъ Булони, Кале и проч., простирается только до 44,345 франковъ, который и вознагражденъ будетъ претерпѣвшимъ оный жителямъ; вооруженіе

же Аглинскихъ экспедицій для сихъ бомбардированій стало отъ 2 до 3 милїоновъ ливровъ. —

*

Мая 28 го начался судъ надъ обвиненными въ послѣднемъ заговорѣ на жизнь Бонапартїя, и обвиняемые, въ числѣ 47 человѣкъ, представлены были предъ такъ называемый Юстицкїй Дворъ (Cour de justice), гдѣ имъ прочтенъ актъ обвиненїя, содержащїй въ себѣ 340 печатныхъ страницъ, въ которомъ постановляются слѣдующїя три положенїя: 1. Заговоръ доказанъ. 2 Аглинское правительство было душею онаго. 3. Всѣ арестованные суть или совиновные, или нарушили предписанїе, обнародованное объ укрывателяхъ таковыхъ людей. — Чтенїе сего акта, который обвиняемые слушали съ покойнымъ и постояннымъ духомъ, продолжалось съ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ утра до 5 $\frac{1}{4}$ час. вечера, за изключенїемъ одного только часа, на отдохновенїе употребленнаго. — Число зрителей было чрезвычайно велико.

Сорокъ семь представленныхъ предъ судъ арестантовъ раздѣлены въ обвинительномъ актѣ на 3 класса. Тридцать три человѣка изъ нихъ, въ томъ числѣ Жоржъ, Моро, двое братьевъ Полиньяковъ и проч., обвиняются въ заговорѣ, имѣвъ-

немъ цѣлїю своею, нарушить спокойствїе Республики междоусобною войною, вооружить гражданъ одного противъ другаго, и устремленномъ противъ изполненїя законной власти. Осьмеро другихъ оказываются совиновными въ заговорѣ; а шестеро остальныхъ въ укрывательствѣ у себя заговорщиковъ.

Заговорщики называли, на сходбищахъ своихъ, перваго Консула, или нынѣшняго Императора, *маленькимъ капраломъ*, и хотѣли сбыть его съ рукъ своихъ кинжалами, или какою нибудь новою адскою машиною.

Для удовлетворенїя любопытства Читателей *Вѣстника*, приведемъ мы на сей разъ изъ обвинительнаго акта слѣдующїя мѣста:

„*Жоржъ* показалъ въ допросахъ, что онъ прїѣхалъ въ Парижъ за тѣмъ, чтобъ атаковать перваго Консула силою; что намѣренїе его и прочихъ заговорщиковъ было, возвести на престолъ Лудовика XVIII; что одинъ преждебывшїй Французскїй Принцъ долженъ былъ прїѣхать въ Парижъ и играть роль, которую преручилъ бы ему Претендентъ Французской Короны, Лудовикъ XVIII.“

„Противъ Генерала *Моро* представлено много уликъ. Между прочими Буве

де Лозье показалъ, что Моро, Пишегрю и Жоржъ имѣли между собою многократныя свиданія, и первый объявилъ: Что не возможно возвести опять Короля на Престолъ, и что лучше — представить его (Моро), подъ именемъ *Диктатора*, для управленія общественными дѣлами. — Арманъ Полиньякъ показалъ также, что Моро обнаружилъ своекорыстные виды, когда ему сообщенъ былъ планъ, что Графъ д'Артуа прибудетъ во Францію и предложитъ первому Консулу, уступить правленіе Лудовику XVIII. Ежелибъ первый Консулъ отклонилъ сіе предложеніе, тогдабъ можно было употребить противъ него силу, и проч. — Жоржъ хотѣлъ, по показанію Лажоле, умертвить перваго Консула, но впрочемъ возстановить Монархію во Франціи."

„Генералъ Моро признался въ допросѣ, что Пишегрю былъ у него и говорилъ съ нимъ о Французскихъ Принцахъ и о перемѣнахъ, каковыя могли наступить. Въ письмѣ же своемъ къ первому Консулу, отъ 18го Марта изъ Тампльской темницы писанномъ, изъяснялся онъ: „Въ продолженіе обѣихъ послѣднихъ кампаній въ Германіи и по заключеніи мира учинены мнѣ были повторительныя, но токмо отдаленныя, открытія, чтобы узнать,

не вступлю ли я въ какую-либо связь съ Французскими Принцами? Предложенїе сїе показалось мнѣ толь смѣшнымъ, что я не разсудилъ за благо и отвѣтствовать на оное. Что касается до нынѣшняго заговора, то могу увѣрить Васъ, что ни малѣйшаго не имѣю въ томъ участїя. Я повторяю Вамъ, Генералъ! какїя предложенїя мнѣ ни были учинены, всѣ оныя отвергнуты мною, какъ величайшїя глупости. Когда представляли мнѣ возпользоваться благопрїятнымъ для перемѣны правленїя во Францїи случаемъ въ то самое время, какъ предпринята будетъ высадка на берега Англїи, то я отвѣтствовалъ: Что Сенатъ есть та Власть, при которой всѣ Французы, въ случаѣ безпокойствъ, должны соединиться, и что я первой подвергну себя повелѣнїямъ Сената. Впрочемъ я не имѣлъ никакихъ связей при армїяхъ, изъ коихъ *девять десятыхъ частей* (!!) служили нѣкогда подъ моими повелѣнїями, и проч."

„Слуга Жоржевъ, Пико, показалъ: Что зачинщики заговора бросали жеребей, кому изъ нихъ должно напасть на перваго Консула? — *Роландъ*, посыланный отъ Пишегрю къ Моро, объявилъ, что сей послѣднїй сказалъ ему: „Я не хочу предводительствовать ни малѣй-

шимъ движенїемъ въ пользу Бурбоновъ; они всѣ вели себя такъ дурно, что подобный сему опытъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха. Ежели Пишегрю рѣшится дѣйствовать совсѣмъ для другой цѣли — и въ такомъ случаѣ должны, какъ я уже сказалъ и самому ему, изчезнуть Консулы и Губернаторъ Парижскїй — то думаю, что найду въ Сенатѣ нарочито сильную партїю, для поддержанїя власти. Но въ письменныя съ нимъ объясненїя не войду я ни за что на свѣтѣ."

„Въ обвиненїи противъ Моро доказывается, что онъ имѣлъ съ Пишегрю какъ письменныя сношенїя, такъ и словесные переговоры. Моро самъ сказалъ, что онъ охотно бы принялъ Пишегрю въ домъ свой, естьлибъ не опасался, что онъ будетъ узнанъ служителями его, и проч."

„Ежелибъ Моро не былъ виноватъ (такъ пишутъ въ обвинительномъ актѣ), то заперся ли бы онъ при самыхъ первыхъ допросахъ, что Пишегрю былъ у него? Сокрылъ ли бы, что онъ принималъ его въ своемъ домѣ? Правосудїе останется удостовѣреннымъ, что ежели первый Консулъ еще не умерщвленъ, ежели междоусобная война доселѣ не откры-

лась: то это произходилъ отъ того, что Моро требовалъ для себя Диктаторства, и проч."

Перечень извѣстій изъ Германіи Мая по 30е.

Пребывающій въ Регенсбургѣ Французскій Повѣренный въ дѣлахъ, Г. Бахеръ, подалъ 24го Мая Имперскому Сейму слѣдующую Ноту:

„Нижеподписавшійся, Французскій Повѣренный въ дѣлахъ, имѣетъ честь доставить Имперскому Сейму прилагаемый при семъ экземпляръ Сенатскаго органическаго опредѣленія, которымъ постановляются на предбудущее время именованіе, формы и наслѣдственность Верьховной Власти во Франціи; единыя вещи, которыя при образованіи правительства Республики были доселѣ не въ соразмѣрности съ величіемъ и потребностями Государства. При семъ случаѣ нижеподписавшійся, по повелѣнію своего правительства, поспѣшаетъ объявить, что Его Императорское Величество, Наполеонъ, Императоръ Французовъ, въ силу Государственныхъ законовъ, снабденъ Императорскимъ достоинствомъ, и что сей титулъ и достоинство переданы будутъ

потомкамъ Его, мужескаго поколѣнія, или, за неимѣніемъ оныхъ, слѣдующему по мужской и прямой линіи потомству Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Принцовъ Іосифа и Лудовика Бонапарте, братьевъ Императора. Нижеподписавшійся, извѣщая о семъ, нужнымъ почитаетъ замѣтить, что оффиціальныя сообщенія должны прекратиться до тѣхъ поръ, пока въ увѣрительныхъ грамотахъ аккредитованныхъ во Франціи чужестранныхъ Посланниковъ, и въ таковыхъ же грамотахъ Посланниковъ Его Императорскаго Величества, Императора Французовъ, перемѣнены будутъ старыя именованія на новыя, согласно съ Императорскимъ протоколомъ. Довѣренныя сообщенія для производства текущихъ дѣлъ будутъ между тѣмъ, по обыкновенію, продолжаемы. Сверьхъ того нижеподписавшемуся препоручено объявить, что великій законъ, довершившій Государственное установленіе соотвѣтствующимъ достоинству Французской націи образомъ, не влечетъ за собою въ политическихъ соотношеніяхъ ни малѣйшей перемѣны, но только поставляетъ оныя подъ защиту правительства, окруженнаго вящшимъ противъ прежняго блескомъ и снабденнаго приличнымъ достоинствомъ; а чрезъ

то Францїя обезпечиваетъ болѣе силы и прочности взаимнымъ выгодамъ, каковыхъ состоящїя съ нею въ дружествѣ нацїи ожидать отъ нея могутъ, и вмѣстѣ соединяетъ болѣе важности съ почтенїемъ, которымъ всѣ правительства пользоваться отъ стороны Французскаго и взаимно ему оное оказывать будутъ.

Бахеръ."

Подобныя сей Ноты поданы отъ Французскихъ Посланниковъ и всѣмъ Высокимъ Дворамъ Германїи: но доселѣ ни одинъ еще изъ нихъ не сдѣлалъ на оныя никакого отвѣту. Все зависитъ отъ того, какъ отзовутся о семъ Императорскїй Королевскїй и Королевскїй Прускїй Дворы!

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1804.

№ 11.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Жена, сумазбродная по наружности.

(Новѣйшая повѣсть Гжи. Жанлисъ.)

Когда нравы вообще не изпорчены, тогда порокъ обыкновенно прячется, или является подъ личиною. Чтобъ избѣжать негодованія, или чтобъ успѣть въ своихъ видахъ, онъ старается казаться подъ наружностями добродѣтели: но когда развращеніе дошло до высочайшей степени, тогда люди стыдятся быть благонамѣренными, или, стараясь скрывать благородныя черты душевныя, совсѣмъ ихъ изглаживаютъ. *Тартюфъ* принадлежитъ къ вѣку Лудовика XIV; *порочный по виду*, характеръ сумазбродный, появив-

мійся въ осьмомъ-надесять столѣтіи, изображаетъ нравы нашего времени лучше, нежели могли бы то сдѣлать сатиры самыя остроумныя. Лицемѣръ притворяется и, въ нѣкоторомъ отношеніи, онъ правъ; порочный по виду отрицается самъ отъ себя: первый совсѣмъ не имѣетъ правилъ, другой измѣняетъ своимъ — и вина его тѣмъ непростительнѣе: оба равно подлы, но послѣдній сверхъ того безразсуденъ и достоинъ осмѣянія. Онъ управляется не причинами основательными, но побужденіями совершенно робяческими; съ хладнокровіемъ прилѣпляется къ разврату — чтобы нравиться тѣмъ, которыхъ презираетъ. Такой характеръ заслуживаетъ быть изображенъ перомъ искуснѣйшимъ, нежели мое; я ограничу себя начертаніемъ только слабыхъ его оттѣнокъ.

Эмилія и Матильда были дочери одного Придворнаго, который, во время господствованія ужаса, лишился головы на эшафотѣ. Обѣ сестры, едва вышедшія тогда изъ младенчества, были заключены въ мрачную темницу, и сохраненіемъ жизни своей обязаны благодѣтельнымъ стараніямъ молодаго Мервиля, сына одного купца Бордоскаго. Мервиль, имѣя отъ роду двадцать пять лѣтъ, отличался

пріятною физіогномією, любезнымъ обращеніемъ, основательнымъ умомъ, чувствительною, благородною душею. Онъ полюбилъ страстно юную Эмилію, старшую сестру, которой было только пятнадцать лѣтъ отъ роду. Уважая злополучіе, молодость и невинность ея, онъ скрывалъ нѣжную склонность во глубинѣ души и показывалъ только братскую къ ней привязанность. По смерти кровожаднаго тиранна Франціи, обѣ сестры получили свободу; нещастныя сироты, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ способовъ къ пропитанію, нашли въ дружбѣ Мервилевой нужную помощь. Онъ предложилъ имъ пристанище въ домѣ своей родственницы, Гжи. Миллеръ, вдовы одного Маклера, которая, не бывъ богатою, проживала посредственные доходы, и имѣла одного только сына, равныхъ лѣтъ съ Мервилемъ. Дюмонъ — имя молодаго человѣка — не могъ равняться съ своимъ родственникомъ ни основательностію ума, ни любезностію нрава; напротивъ того, былъ грубъ и неловокъ, но не золъ, даже добръ и чувствителенъ въ душѣ своей. Эмилія и Матильда жили въ домѣ Гжи. Миллеръ до самой революціи, благополучно совершившейся 18го Брюмера 1800 года. Въ это время пріѣхалъ во

Францїю Дарналь, дядя обѣихъ сестеръ по матери. Не бывъ дворяниномъ, онъ обладалъ нѣкогда знатнымъ богатствомъ; по возвращенїи въ отечество, отыскалъ нѣкоторые остатки имѣнїя и, установивъ дѣла свои, принялъ къ себѣ обѣихъ племянницъ. Эмилїя, которая превосходила красотою сестру свою, была его любимицею. Скоро надлежало изполниться ей двадцать лѣтъ; съ прїятнѣйшими наружностями, съ душею чувствительною и признательною, она соединяла въ себѣ нравъ любезнѣйшїй. На вопросъ дяди она призналась ему, со всѣмъ чистосердечїемъ, въ любви своей къ Мервилю, къ великодушному Мервилю, единственному покровителю во время продолжительныхъ нещастїй, единственному благодѣтелю обѣихъ сестеръ. „Такъ чтожъ? отвѣчалъ Дарналь: и до революцїи знатныя дѣвицы выходили въ замужство за разночинцевъ! Что дѣлали онѣ для подлой корысти, къ тому обязываетъ тебя склонность и признательность, особливо въ такое время, когда уничтожены всѣ отличїя породы и званїя. Впрочемъ, Мервиль при честномъ поведенїи имѣетъ годоваго доходу пятнадцать тысячь ливровъ; это кладъ для тебя, любезная Эмилїя! одобряю твой выборъ.“ Немного

спустя, Мервиль получилъ руку Эмилїи. Матильда, ободренная примѣромъ сестры, также призналась дядѣ, что добрая Гжа. Миллеръ, которая пеклась о ней съ материнскою нѣжностїю, весьма желала бы сочетать ее съ своимъ сыномъ. „Что ты, племянница! сказалъ Дарналь: этотъ Дюмонъ очень дуренъ.“ — Нѣтъ, дядюшка! не очень, возразила Матильда. — „Видъ его показываетъ глупца.“ — Дядюшка! увѣряю васъ, что онъ не глупъ, и имѣетъ весьма хорошїя качества. — „Онъ кажется мнѣ своенравнымъ, грубымъ.“ — О! совсѣмъ напротивъ! у него нравъ прелюбезной. — „Милая племянница! вѣдь ты не любишь его?“ — За чтожь не любить его? — „Какъ! любишь страстно, до безумїя?“ — О! это не нужно. — „Не нужно, естьли навсегда останешься при такихъ хорошихъ мысляхъ.“ — Навсегда, дядюшка! даю вамъ въ томъ честное слово. — „Хорошо! я согласенъ; можешь объявить это Гжѣ. Миллеръ.“ — Спустя три недѣли послѣ свадьбы сестры своей, Матильда вышла за Дюмона, и осталась жить съ мужемъ въ домѣ свекрови. Эмилїя и Мервиль поселились въ принадлежавшемъ ему прекрасномъ маленькомъ домикѣ, находящемся въ предмѣстїи города. Они не стара-

лись блистать великолѣпїемъ, и разполагали доходами не по модѣ, но по достатку; внутренность дома, убранная со вкусомъ, не была украшена тѣми рѣдкими заморскими деревами, которыя стоютъ дороже самой позолоты; въ немъ также не видно было поддѣланной простоты, разорительнѣйшей самаго пышнаго разточенїя; но все показывало искуство, порядокъ, благоразумїе.

Молодые супруги провели въ немъ шесть мѣсяцовъ въ примѣрномъ согласїи. По изтеченїи сего времени, многїе эмигранты возвратились въ отечество, въ числѣ которыхъ были Эмилїины родственники. Они наперерывъ посѣщали обѣихъ сестеръ и, на первой случай, не только не укоряли ихъ въ *постыдномъ* замужствѣ, но даже одобряли ихъ выборъ. Всѣ бѣглецы, послѣ долговременнаго отсутствїя, возвратясь въ Парижъ, сначала забываютъ свою породу и чванство, и становятся весьма снизходительны. Они во многихъ особахъ имѣютъ нужду, пока еще не вычернены изъ рокового списка; забываютъ старинные предразсудки и плѣняютъ своимъ любезнымъ добродушїемъ. Чувствительный, услужливый Мервиль былъ возхищенъ знакомствомъ съ новыми родственниками: дочери Гра-

фа Н*** и внукъ Герцога С***, молодой Мелидоръ, показались ему столько милыми, изъявляли ему такую дружбу, что онъ былъ внѣ себя отъ радости. Своею довѣренностію, своими друзьями, своими стараніями онъ много способствовалъ къ возвращенію имъ правъ гражданства: за то Эмиліины родственники не скупились на засвидѣтельствованія благодарности, приходя ежедневно къ нему на обѣды и ужины, и даже приводя съ собою многихъ своихъ знакомцевъ и друзей, которые всѣ принадлежали къ прежнему сословію Дворянства. Общество Эмиліи, состоявшее прежде изъ ея дяди и семейства Гжи. Миллеръ, вдругъ сдѣлалось многочисленнымъ, блестящимъ; ее познакомили съ большимъ свѣтомъ, не оставили, подъ рукою, подать ей нѣкоторые совѣты въ разсужденіи свѣтскихъ приличій, до того времени ей неизвѣстныхъ, въ разсужденіи тона ея, которой казался имъ стариннымъ. Эльмира, одна изъ родственницъ, взялась образовать ее. Сперва учили ее *искуству ловко одѣваться*. Эмилія совсѣмъ не умѣла *поддѣлывать лица*, и даже показывала отвращеніе отъ сего излишества; это подало поводъ къ колкимъ шуткамъ на щетъ мѣщанской ея застѣнчивости. „Развѣ хотите, гово-

рили ей со смѣхомъ, быть похожею на Гжу. Миллеръ?" Язвительная стрѣла, пущенная съ такимъ веселымъ разположеніемъ духа на добрую Гжу. Миллеръ, сдѣлала надъ Эмиліею сильное впечатлѣніе. Эта почтенная женщина, ею любимая и уважаемая до сей минуты, вдругъ показалась ей смѣшною. Надобно знать, что ухватки добродушной Гжи. Миллеръ въ самомъ дѣлѣ были очень просты; она изъяснялась словами простонародными, и всегда съ любезною смѣлостію, а особливо естьли была въ веселомъ разположеніи. Гжа. Миллеръ, отъ природы женщина дородная, любила смѣяться и разсказывать; была дружелюбна — по наклонности къ доброхотству, не робка — потому что не имѣла ни на что требованій; не боялась насмѣшекъ — потому что не понимала ихъ; смѣхъ, улыбку почитала простымъ изъявленіемъ радости, какая бы впрочемъ ни была тому причина; въ колкой эпиграммѣ видѣла только забавную шутку. Показывалъ ли кто своенравіе, прихоти — она думала, что это произходитъ отъ болѣзни, и старалась помочь въ немощи, которою часто прикрываютъ зашѣйливыя причуды. Вы нездоровы! обыкновенно говорила она въ такомъ случаѣ:

не болитъ ли у васъ голова? — и съ заботливостїю искала Колоньской воды. Естьли кто потчивалъ ее грубыми словами — она ни мало не досадовала, но брала нѣжное участїе, даже безпокоилась о томъ, кто досаждалъ ей. Гжа. Миллеръ, живучи въ большомъ свѣтѣ, не могла бы сохранить сего щастливаго характера; въ отборномъ обществѣ, въ обществѣ хорошаго тона такое совершенное добродушїе показалось бы достойнымъ всеобщаго посмѣянїя. Эмилїя всегда съ одинакою нѣжностїю принимала посѣщенїя Гжи. Миллеръ, когда одна была дома; но когда случались гости, тогда присутствїе свекрови было въ тягость хозяйкѣ; она досадовала, естьли Гжа. Миллеръ вмѣшивалась въ разговоры, и обыкновенно отвѣчала ей коротко и сухо. Чтобы прервать разговоръ, часто притворялась, будто не слышитъ словъ ея, и спѣшила завести рѣчь съ другими, чтобы отклонить вниманїе ихъ отъ бѣдной Гжи. Миллеръ, которая наконецъ не одинъ уже разъ получала отказы у воротъ Эмилїи. Дарналь, узнавъ объ этомъ съ изумленїемъ и печалїю, сильно жаловался на такую несправедливость. Эмилїя отвѣчала, что Гжа. Миллеръ своими ухватками не можетъ никому нравиться въ ея

семействѣ. „Ежели такъ, подхватилъ Мерьиль, то и я въ немъ не лишній ли?“ Эмилія ободрила своего мужа, но вопросъ показался ей очень похожимъ на правду; это и прежде уже нѣсколько разъ на мысль ей приходило. Родственницы Эмиліины, отчасу болѣе покоряя умъ ея, наконецъ признались ей, какъ она жалка своимъ замужствомъ. — „Однакожъ я щастлива!“ отвѣчала Эмилія. — Не льзя статься, прервала Эльмира. Что касается до вашей сестры — не спорю: между нами сказать, съ ея умомъ и вкусомъ не трудно привыкнуть къ такому обществу, которое состоитъ изъ свекрови ея и мужа. Но вы, вы!... украшаясь такими прелестями, какъ рѣшились вы на этотъ бракъ!... Какъ странно видѣть васъ вмѣстѣ съ такими людьми!.... Какъ несносны должны быть для васъ ихъ поступки, тонъ!.. — Эмилія, нѣсколько оскорбленная сими словами, съ жаромъ выхваляла добродѣтели своего мужа. — „Да, правда! отвѣчала Эльмира: онъ человѣкъ честной и доброй; однакожъ вы имѣете передъ нимъ много преимуществъ: ваша проницательность конечно умѣетъ опредѣлить ему настоящую цѣну.“ Въ самомъ дѣлѣ — сказала Эмилія, обольщенная приписы-

ваемыми ей похвалами — въ самомъ дѣлѣ, естьли разсмотрѣть его безъ предубѣжденій..... — „Бѣдная!....“ прервала Эльмира, бросивъ на нее сострадательный взоръ и пожимая руку ея. Эмилія, видя нѣжное участіе пріятельницы, и сама разтрогалась. Ее увѣряли въ жалкомъ ея положеніи съ такою убѣдительностію, что она почти согласилась, вздохнула и замолчала. „Со всѣмъ тѣмъ, продолжала Эльмира поучительнымъ тономъ, онъ вашъ мужъ; а это тяпло налагаетъ великія обязанности....“ — Изполню всѣ. — „О! конечно; по крайней мѣрѣ постарайтесь, чтобъ онъ пересталъ называть васъ своимъ *милымъ другомъ*; скажите ему, что привѣтствовать жену свою словомъ *ты*, особливо при посторонних, противно обыкновенію.“ Спустя нѣсколько дней послѣ сего разговора, молодой, ловкой Мелидоръ ввечеру приходитъ къ Эмиліи, когда она одна была дома. Входя въ комнату: „Знаете ли, сестрица! говоритъ, что я теперь только чуть не подрался?“ — Боже мой! за что? — „За васъ.“ — Какъ! — „Прикажете разсказать?“ — Конечно! поскорѣе! — „Это случилось у Гжи ***: она спросила меня о вашемъ здоровьѣ; потомъ начали говорить о васъ, о вашихъ прелестяхъ,

о любезности въ обхожденіи, о вашихъ нещастіяхъ. Бревалю угодно было утверждать, будто вышли вы за-мужъ *по выбору, по любви.* Это его точныя слова...." — *По любви!* прервала Эмилія, покраснѣвъ, и съ улыбкою негодованія: какое дурачество!.... Чтожь сказали на это? — „Всѣ захохотали; однакожъ это меня взбѣсило, по чести взбѣсило.... Я разсказалъ все произшествіе. Это штука Морфизы; она сочинительница *Романа*, а Бреваль только *издатель*..... Морфиза васъ ненавидитъ, и почла бы себя очень щастливою, естьлибъ удалось ей очернить васъ...." — Побудительною причиною замужства моего была не любовь, но признательность; это еще важнѣе. — Да, да, признательность! — „Разумѣется: но чтобы *пламенная страсть!*...." — Разговоръ сей тяготилъ Эмилію; отрекшись отъ истины, отъ своей склонности, она смутилась и почувствовала угрызенія. Чтобы сколько нибудь успокоить движеніе совѣсти, она разсказала, чѣмъ одолжена была Мервилю; разсказала не только съ жаромъ, но даже съ прибавленіемъ. Ей позволено было питать признательность..... Мелидоръ слушалъ безъ вниманія, отвѣчалъ съ холодностію; наконецъ стали говорить о другомъ.

Бывъ твердо увѣренною, что, показывая нѣжность къ Мервилю, сдѣлалась бы смѣшною, Эмилїя захотѣла увѣрить себя и въ томъ, будто обманулась своею склонностїю. Сравнивая Мервиля съ модными молодыми людьми, она находила, что въ немъ недостаетъ прїятности, ловкости, милой непринужденности въ обращенїи; разочла, что естьли онъ менѣе всѣхъ любезенъ въ обществѣ, то не возможно, чтобы любовь имѣла мѣсто въ ея сердцѣ, и заключила, что *почтенїе* принято ею за склонность. Этого одного довольно было, чтобы подавить любовь, или по крайней мѣрѣ уменьшить ее. Новой образъ мыслей не могъ ручаться за семейственное щастїе. Эмилїя лишилась внутренняго спокойствїя, которымъ до сихъ поръ наслаждалась, и не могла удержаться, чтобы не сожалѣть о немъ. Хотя уже и не имѣла она прежняго постоянства, однакожъ была все еще кроткою, услужливою, нѣжною — когда оставалась съ мужемъ наединѣ; но при постороннихъ казалась совсѣмъ другою женщиною. Боясь, чтобы Мервиль не сказалъ чего нибудь нескладнаго, чтобы не сдѣлалъ неловкаго движенїя, чувствовала безпокойство неизъяснимое; занималась только тѣмъ, чтобы препятство-

вать ему говорить и дѣйствовать; съ грубостію перебивала рѣчь его, или показывала холодность, даже негодованіе, когда хотѣла удалить его. Ей лучше нравилось досаждать ему, нежели допустить, чтобы другіе смѣялись надъ нимъ; дрожала, когда онъ обходился съ нею съ *мѣщанскою* искренностію, когда говорилъ къ ней съ дружелюбіемъ, приличнымъ людямъ *низкаго тона*, обнаруживающимъ предъ всѣми взаимную довѣренность и согласіе. Мервиль, при достаточномъ умѣ, при чрезвычайной чувствительности, былъ застѣнчивъ; онъ зналъ, что свѣтскія обыкновенія мало извѣстны ему. Любя страстно жену, видя, съ какимъ стараніемъ всѣ ищутъ ея знакомства, удивляются ей, онъ имѣлъ къ ней неограниченное почтеніе; бывъ совершенно увѣренъ въ ея любви, при каждомъ поступкѣ, показывающемъ ея неудовольствіе, тотчасъ заключалъ, что въ чемъ нибудь ошибся, молчалъ и уходилъ прочь. Онъ былъ совершенно связанъ въ обществѣ, состоящемъ изъ однихъ старинныхъ Дворянъ. Съ одной стороны надлежало ему унижаться, съ другой замѣшательство безпокоило его. Такое положеніе придавало ему видъ человѣка изумленнаго, наружность принужденную и дикую: все это пока-

зывало, что онъ былъ лишній между сими людьми, всегда веселыми, ловкими, блестящими. Заключили, не безъ правдоподобія, что Мервиль былъ — глупецъ. Эмилія не почла нужнымъ противорѣчить, въ намѣреніи поддержать выгодное мнѣніе о превосходствѣ своемъ передъ мужемъ, и наконецъ сама въ немъ увѣрилась. Мервилево терпѣніе, ласковость и кротость лишили его послѣдняго уваженія, которое до того времени Эмилія къ нему оказывала. Эльмира предложила ей знакомство съ двумя или тремя особами, бывшими въ то время въ великой модѣ, и которыя сами искали дружбы Эмиліи; положено пригласить ихъ къ щегольскому завтраку и выбрать для сего такой день, когда Мервиль будетъ обѣдать у Гжи. Миллеръ. Мервиль, не любившій ни новыхъ знакомствъ, ни модныхъ завтраковъ à l'Anglaise, очень обрадовался, избавясь отъ новыхъ гостей. Онъ выѣхалъ въ самой полдень, и обѣщалъ возвратиться домой не прежде шести часовъ, надѣясь, что всѣ къ тому времени разъѣдутся. Гости, которыхъ ожидали въ часъ по полудни, собрались въ три часа. Время провели очень весело; всѣ забавлялись, всѣ были любезны: Эмилія возхищала общество и становилась отчасу болѣе прелестною; никогда не ви-

дали ее столько остроумною, столько милою; часы летѣли непримѣтно; наконецъ, при наступленіи шестаго часа, хозяйка начала безпокоиться. . . Вдругъ Эмилія блѣднѣетъ, дрожитъ. . . . слышитъ въ передней тонкой, рѣзкой голосъ Гжи. Миллеръ. . . . Въ ту самую минуту отворяется дверь, является Гжа. Миллеръ, держа за руку Дюмона, а за нею и Матильда съ Мервилемъ. Какое посѣщеніе! какой громовой ударъ для Эмиліи, находящейся среди избраннѣйшаго общества Парижскаго! . . . Гжа. Миллеръ, едва дыша отъ усталости, вся въ поту, забрызганная грязью, съ обыкновенною смѣлостію входитъ, хохочетъ изо всей мочи, и разсказываетъ *нещастное*, какъ она называла, *приключеніе*. . . . Она непремѣнно захотѣла, послѣ обѣда, понаѣдаться объ Эмиліи, бывъ твердо увѣренною, что ей одной дома скучно безъ мужа. . . . Наемная карета, въ которую всѣ четверо сѣли, дорогою изломалась: надобно было идти пѣшкомъ.

„Я таки еще въ силахъ, слава Богу! прибавила Гжа. Миллеръ: грѣхъ пожаловаться; однакожъ *не близкой путь*, устала до смерти!“ . . . Въ продолженіе сего повѣствованія, Эмилія два или три раза чуть не упала въ обморокъ. Гжа. Мил-

лерЪ, примѣтивЪ блѣдность Эмилїи, по щастїю, умѣрила свою веселость, но сочла нужнымЪ слегка побранить ее за то, что не побереглась *за обѣдомЪ*; когда сказали ей, что это еще только завтракЪ — новое поле открылось для ея разсужденїй о наблюденїи умѣренности вЪ пищѣ: она увѣряла, что вЪ глиняной посудѣ несравненно лучше готовить, нежели вЪ мѣдной, и что чай годится тогда употреблять, когда не варитЪ желудокЪ. Эмилїя мучилась; но Матильда, имѣя ту же любезность вЪ обхожденїи и тотЪ же вкусЪ, которымЪ обладала сестра ея, была совершенно спокойна, и не подавала никакого виду, будто замѣчаетЪ странности, которыя столько терзали бѣдную Эмилїю. Когда свекровь обращала кЪ ней рѣчь, она отвѣчала ей сЪ такою простотою, сЪ такою кротостїю, сЪ такимЪ почтенїемЪ, показывала такую кЪ ней привязанность, такое уваженїе, которыя притупляли стрѣлы насмѣшничества. Глубокое почтенїе, наполнявшее душу Матильды, имѣло какую-то силу сообщаться. Надобно, говорили прочїе, чтобы эта Гжа. МиллерЪ, не смотря на странныя ухватки, имѣла весьма хорошїя качества, потому что невѣстка столько любитЪ ее и почитаетЪ.

Эмилія, въ семъ случаѣ, въ сравненіи съ сестрою, казалась малодушною, безразсудною; гости, а особливо женщины, разставшись съ нею, подъ предлогомъ сожалѣнія, насмѣхались надъ ея смятеніемъ болѣе, нежели надъ неловкостію Гжи. Миллеръ.

Ввечеру, оставшись наединѣ съ Матильдою, Эмилія начала выговаривать сестрѣ своей. „Для чего ты не удержала ее отъ этого посѣщенія? ты знала, что у меня гости. Какое удовольствіе для тебя, когда надъ нею смѣются?" — Мнѣ самой очень хотѣлось бы, чтобъ она осталась дома, но я не могла удержать ее. Впрочемъ для меня непонятна причина твоего замѣшательства. . . . — „Признаюсь, что не могу равнодушно видѣть людей, которыхъ люблю, предметомъ осмѣянія. . . ." — Естьли бы нападали на ея доброе имя, на ея нравы, тогда не казалось бы это для меня страннымъ; но въ такихъ мѣлочахъ. . . — „Ахъ! такія мѣлочи очень важны въ мнѣніи людей свѣтскихъ!. . ." — Въ твоемъ должны онѣ имѣть другую цѣну. Впрочемъ, ежели почитаешь ихъ столько важными, то для чего безпрестаннымъ смятеніемъ заставлять еще болѣе замѣчать ихъ? Для чего, въ та-

кихъ непрїятныхъ обстоятельствахъ, мучить себя и друзей своихъ, показывая замѣшательство, краснѣясь, давая волю насмѣхаться, вмѣсто того, что надлежало бы поправлять ошибки, прикрывать ихъ изъявленїемъ почтенїя и любви, которыя обыкновенно поселяютъ въ постороннихъ выгодное мнѣнїе о томъ, кому оказываются? — „Можно ли сохранить присутствїе духа, видя любимую свекровь въ такомъ униженїи предъ всѣми свѣтскими женщинами?“ — Въ какомъ униженїи, сестрица? Напротивъ того, я очень увѣрена въ ея *превосходствѣ* предъ всѣми женщинами, ловкими, свѣтскими, разряженными, которыя составляютъ твое общество. . . . Я горжусь, имѣя такую свекровь; горжусь и возхищаюсь ея безпорочнымъ поведенїемъ, ея чистыми нравами, ея великодушїемъ, добросердечїемъ, благодѣянїями, которыми осыпала насъ, и которыя должны поселить въ насъ почтенїе неограниченное. . . — „О! я очень помню ихъ; люблю даже разсказывать объ этомъ всѣмъ, кому угодно. . .“ — Чтожъ? тогда краснѣешься ли, говоря о чувствительной, великодушной женщинѣ, которая съ открытыми объятїями приняла насъ во время нашей бѣдности, любила какъ дѣтей сво-

ихъ, пеклась о насъ съ материнскою нѣжностїю, была для насъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей? . . . Чтобы утѣшить себя въ несправедливомъ сужденїи людей легкомысленныхъ и ядовитыхъ, которые знаютъ ее очень худо, не забывай никогда того, что всѣ честныя, благомыслящїя особы не перестанутъ удивляться рѣдкимъ качествамъ души ея; наконецъ будь увѣрена, что ты сдѣлаешь себѣ много чести, оказывая должное уваженїе достоинствамъ ея, и тогда никто не осмѣлится безстыдно издѣваться надъ ея тономъ и поступками; никто не осмѣлится даже говорить о ней непочтительно въ твоемъ присутствїи.

Сей разговоръ произвелъ бы спасительное дѣйствїе надъ умомъ и сердцемъ Эмилїи, естьли бы къ слабости — обнаруживать стыдъ и замѣшательство отъ того, что имѣетъ такую родню — она не присоединила нелѣпаго предубѣжденїя присвоять себѣ высокїя преимущества передъ мужемъ, и гордиться ими. Между тѣмъ Эмилїя, живучи въ разсѣянїи моднаго общества, дѣлала разточительныя издержки, на которыя недоставало доходовъ Мервилевыхъ. Онъ представилъ ей объ этомъ такъ благоразумно, такъ убѣдительно, что Эмилїя

обѣщалась рѣшительно отказаться отъ завтраковъ и обѣдовъ, которыми угощала друзей своихъ; но къ изполненїю сего обѣщанїя встрѣтила великїя затрудненїя; ибо, чтобы нѣсколько извинить свое замужство и усугубить къ себѣ общее уваженїе, она разгласила, что Мервиль очень богатъ. Надлежало признаться въ противномъ; а этого-то она не хотѣла, и рѣшилась благонравїемъ мужа пожертвовать пустому тщеславїю; увѣрила друзей своихъ, что онъ скупъ и ревнивъ до чрезвычайности; ей сказали, что это давно уже примѣчено, и еще болѣе сожалѣли объ участи бѣдной Эмилїи. Женщины нашего времени имѣютъ необыкновенныя требованїя, которыя, сколько ни кажутся противоположными, умѣютъ онѣ соглашать съ удивительнымъ искусствомъ: будучи всегда дѣятельны, ведя жизнь шумную и разсѣянную, онѣ страстно любятъ *покой и уединенїе*; *увлекаются склонностїю*, дѣлая все или по навыку, или изъ угожденїя. . . . вездѣ нося съ собою веселость и забавы, безпрестанно проповѣдываютъ прїятности *меланхолїи*, которая обыкновенно есть основанїемъ ихъ характера, хотя всѣ знаютъ, что оо бы *меланхолическїя* подвержены частымъ припадкамъ веселости, и

даже смѣются болѣе другихъ. *Чувствительность* ихъ такъ *нѣжна*, такъ *пламенна*! . . . и со всѣмъ тѣмъ не могутъ смотрѣть за больными, посѣщать умирающихъ, утѣшать нещастныхъ по тому, что картина страданія раздираетъ сердце ихъ. Онѣ въ одно и то же время хотятъ быть предметами удивленія, зависти и сострадания; въ обществѣ веселы и остроумны, въ обыкновенномъ разговорѣ томны и жалобны; съ друзьями, гдѣ дѣло идетъ по довѣренности, воздыхающи и стенящи. Жена изливаетъ *въ нѣдра дружбы* недостатки мужа и оскорбленія, которыя терпитъ отъ него. Сіи трогательныя повѣствованія рѣдко бываютъ точны; но прибавленія развѣ не позволены нѣжной чувствительности? Молоденькая дѣвочка жалуется на мать свою, и увѣряетъ, что отъ того не менѣе любитъ ее. Такая *дѣтская любовь* выставляетъ несправедливую мать еще болѣе ненавистною. Теперь всѣ женщины особливую склонность имѣютъ къ трогательной роли *гонимой жертвы*, и почитаютъ ее лучшимъ средствомъ къ обольщенію. Впрочемъ послѣ такихъ жалобъ естьли случится разстаться съ мужемъ, оставить безъ призрѣнія мать, тогда для оправданія себя предъ Публикою при-

чины уже готовы: вотъ единственная польза отъ сего поведенія! но сколько пагубныхъ невыгодъ? Прежде разсуждали иначе: тайны домашнія не старались разглашать въ обществѣ, бывъ увѣренными, что женщины, для сохраненія собственной славы, для пользы семейства, должны всѣми мѣрами пещися о томъ, чтобы заставить уважать родителей своихъ и супруговъ; очернять своихъ покровителей и клеветать на доброе имя тѣхъ, которыхъ должно почитать, означало тогда послѣднюю степень глупости и развращенія.

Матильда, непринужденно и безъ усилій, слѣдовала симъ Готическимъ правиламъ. Повинуясь внушенію души благородной, ума основательнаго, она не только не жаловалась на суровые поступки мужа грубаго, упрямаго, прихотливаго и безтолковаго, но успѣла увѣрить всѣхъ своихъ знакомыхъ, что Дюмонъ былъ человѣкъ умный и благонравный. Молчаливость его Матильда выдала за склонность къ *размышленію*; неловкость въ обращеніи и невѣжливость называла она *развлеченіемъ*. Дюмонъ, которой обыкновенно молчалъ въ бесѣдѣ по тому, что не умѣлъ изъясняться, по милости Матильды прослылъ *глубокимъ наблюдате-*

лемъ; даже съ удивленіемъ повторяли его острыя, замысловатыя слова, и никто не сомнѣвался, чтобы онѣ были не Дюмоновы: сама Матильда увѣряла въ томъ. . . Кому пришло бы на мысль въ наше время, что жена всѣ обороты ума и проворства употребляетъ на то, чтобы заставить другихъ уважать дарованія мужа — дарованія, которыхъ онъ совсѣмъ не имѣетъ? . . . Дюмонъ крайне удивлялся, видя, съ какимъ отличіемъ принимаютъ его въ обществѣ; онъ догадался, что обязанъ тѣмъ женѣ своей — и былъ признателенъ. Кротость и благоразуміе Матильды, совершенство ея поведенія, заставили его образумиться: не сдѣлавшись любезнымъ, по крайней мѣрѣ онъ пересталъ быть невѣжливымъ, и почувствовалъ къ Матильдѣ еще болѣе нѣжности и довѣренности, которыя никогда не измѣнялись. Между тѣмъ, какъ умная, милая Матильда — при всей молодости пользуясь уваженіемъ, которое оказывается зрѣлымъ лѣтамъ — готовила для себя новыя удовольствія въ будущемъ, Эмилія, провождая время въ обществѣ людей легкомысленныхъ, не видала никакой нужды въ изправленіи, потому что увѣрена была въ своей непорочности; становясь отчасу болѣе непочтительною къ мужу,

она поступала съ нимъ съ такою наглостію, съ такимъ презрѣніемъ, что наконецъ Мервиль вышелъ изъ терпѣнія. Поздное огорченіе послужило только сдѣлать его въ глазахъ друзей Эмиліи болѣе смѣшнымъ, болѣе виновнымъ: все общество вооружилось противъ бѣднаго мужа; Мервиль рѣшительно былъ признанъ человѣкомъ безтолковымъ и злонравнымъ.

Спустя два года послѣ замужства обѣихъ сестеръ, Дарналь получилъ весьма прибыльное мѣсто; ему захотѣлось имѣть при себѣ любимую племянницу, Эмилію. Сколько съ одной стороны радовало его сіе обстоятельство, столько непріятно было жить въ одномъ домѣ съ Мервилемъ, котораго онъ сталъ ненавидѣть съ тѣхъ поръ, какъ Эмилія перестала почитать. Эмилія была хозяйкою въ домѣ; нѣжно любимая дядею, принимаемая въ обществѣ съ большимъ уваженіемъ, она начала обходиться съ мужемъ еще грубѣе. Мервиль, вышедъ изъ терпѣнія, осмѣлился говорить тономъ раздраженнаго супруга. Эмилія подняла ужасной вопль, жаловалась дядѣ, и — чтобы не допустить Мервиля до объясненія и предупредить оправданія — изобразила Дарналю своего мужа чудовищемъ. Такимъ образомъ, для сохраненія при себѣ

довѣрія отъ дяди, она совершенно очернила мужа. Съ этого времени наши супруги безпрестанно ссорились. Не смотря на то, Эмилія все еще любила Мервиля, часто даже видѣла себя виноватою, признавалась въ томъ — только наединѣ — съ крайнею чувствительностію, и старалась загладить свои проступки. Мервиль любилъ страстно Эмилію, которая, по крайней мѣрѣ, не подавала никакого повода къ ревности, и вѣрность супружескую хранила съ строгою точностію; а любовь во всемъ прочемъ такъ снизходительна! . . . По нещастію, Эмилія знала всю власть свою и не имѣла ни столько благоразумія, ни столько твердости, чтобы запретить себѣ злоупотребленіе оной.

Мервиль ясно видѣлъ худое къ себѣ разположеніе со стороны Дарналя; но, надѣясь черезъ него получить выгодное мѣсто, не сомнѣвался, что когда нибудь возвратитъ себѣ независимость. Въ одно утро узнаетъ онъ отъ своего пріятеля, что очистилось одно прибыльное мѣсто; тотчасъ Мервиль заклинаетъ Эмилію немедленно просить дядю о ходатайствованіи по сему дѣлу. Эмилія обѣщала, и Мервиль пошелъ съ своей стороны дѣлать нужныя разпоряженія. Эмилія была при-

глашена *на чашку чая.* Назначенное время наступало; не смотря на то, согласилась — хотя съ великимъ неудовольствїемъ — до отъѣзду въ гости, увидѣться съ дядею, но съ условїемъ, которое она дала сама себѣ, пробыть у него не болѣе четверти часа. Когда пришла въ его комнаты, ей сказано, что Дарналь сидитъ запершись съ своимъ прикащикомъ, и можетъ видѣть ее не прежде, какъ черезъ часъ. „Уже поздно!“ сказала Эмилїя, взглянувъ на часы: „мнѣ не льзя дожидаться; ввечеру поговорю съ дядюшкою; велите подвезти карету!“ Эмилїя летитъ къ Эльмирѣ. Послѣ чая удержали ее обѣдать. Эльмира упросила Эмилїю ѣхать въ Театръ, гдѣ имѣла она свою ложу; тогда объявлена была новая Трагедїя, скучная до смерти. Въ продолженїе третьяго дѣйствїя, Эмилїя, вставъ, сказала: „Удовольствїями надобно жертвовать своей должности; мнѣ нужно сего дня говорить съ дядюшкою о дѣлѣ, очень важномъ въ пользу Г. Мервиля. . .“ Всѣ удивлялись уму и правиламъ Эмилїи. Въ десять часовъ, ввечеру, она прїѣхала къ дядѣ, но не застала его дома. Спустя часъ послѣ отъѣзда Эмилїи, посѣтила его Матильда, и оба вмѣстѣ выѣхали. Эмилїя была въ крайнемъ замѣшательствѣ,

когда Мервиль, думая, что она видѣлась съ Дарналемъ, спросилъ ее объ отвѣтѣ. Пораженный отрицанїемъ ея, Мервиль горько вздохнулъ, но удержался отъ упрековъ. Эмилїя, чувствуя вину свою и разкаеваясь, обѣщала ему постараться въ тотъ же вечеръ, прежде нежели лягутъ спать, увидѣться съ дядею, и просить его со всею убѣдительностїю. Дарналь возвратился домой въ десять часовъ. Послѣ ужина Эмилїя отвела его въ кабинетъ, чтобы говорить безъ свидѣтелей. Лишь только она изъяснила свое желанїе, Дарналь, прервавъ ее, сказалъ, что теперь уже поздно! — „Какъ?" — Я цѣлой день хлопоталъ объ этомъ дѣлѣ, и мѣсто уже выпрошено... — „Для кого?" — Для твоего деверя. — „Для Дюмона?" — Да! для него. Сего дня, по утру, скоро послѣ тебя, прїѣхала ко мнѣ сестра твоя, и не только просила ходатайствовать о мужѣ, но силою повезла меня въ своей каретѣ, и не прежде разсталась со мною, какъ по окончанїи всего дѣла. Эта женщина не утомима, когда дѣло идетъ объ ея мужѣ.... Хотя люблю тебя несравненно болѣе, нежели Матильду; однакожъ не имѣю причины досадовать, доставивъ сестрѣ твоей такїя выгоды; впрочемъ, я почелъ бы себя благо-

получнѣйшимъ человѣкомъ, естьлибъ удалось мнѣ сдѣлать для тебя то же самое. — „Ахъ, дядюшка! для чего же вы не вспомнили объ Мервилѣ? . . .“ — Милая племянница! всѣ стали бы смѣяться надо мною, естьлибъ я вздумалъ для него просить это мѣсто. . . „По чему же?“ — На что обманывать себя? Всѣ столько увѣрены въ глупости, неспособности и странностяхъ Мервиля, что онъ никогда и ни въ чемъ не успѣетъ. — „Кто оклеветалъ его такъ безстыдно?“ — Къ чему тутъ говорить о *клеветѣ*? Никому не приходило на мысль клеветать на дураковъ. Наше общество, наши друзья извѣстны объ его достоинствахъ. — „Мервиль человѣкъ весьма честной. . . .“ — Я говорю не о честности, но о глупости . . . . Онъ сдѣлалъ тебя нещастною — своею ревностїю, охотою ссориться, скупостїю, странными прихотями. . . — „Какїе злодѣи погубили его въ вашемъ умѣ?“ — Еще повторяю, что онъ не имѣетъ непрїятелей. Развѣ я не вижу, какъ вы живете? . . безпрестанныя ссоры, вѣчное несогласїе! . . . Развѣ не могу судить по этому?... Ты такъ кротка, такъ снизходительна! Надобно, чтобъ онъ былъ несносенъ до чрезвычайности, когда могъ вывести тебя изъ терпѣнїя. Наконецъ вспо-

мни, сколько разъ ты сама жаловалась! .. — „Я никогда не говорила, будто онъ *глупъ, сумазброденъ*. . .“ — Ты никогда не называла его сими словами; но не сто ли разъ я слышалъ отъ тебя почти то же? . . . Признайся — онъ сущій негодяй! . . — „Ахъ, нѣтъ, дядюшка! онъ человѣкъ рѣдкихъ качествъ. . . . Напротивъ того Дюмонъ, за котораго вы старались, очень просилъ! . .“ — Полно, племянница! лицо Дюмоново не обѣщаетъ ничего хорошаго; но знаешь ли, какъ онъ трудолюбивъ? часа по четыре сидитъ запершись въ кабинетѣ. . . — „Чтобы не мѣшали спать. . .“ — Ты шутишь! Дюмонъ человѣкъ разсудительной, умной, просвѣщенной. . . — „Сестрицѣ угодно утверждать это. . .“ И ей всѣ вѣрятъ; а этого довольно, чтобы получить мѣсто. —

При сихъ словахъ Эмилія смутилась и оставила дядю. Терзаемая досадою, стѣсняемая печалію, она увидѣла наконецъ безразсудность свою въ поведеніи. . . . . Но какъ сообщить сію новость Мервилю? . . . Чтобы прикрыть стыдъ свой и выпутаться изъ непріятнаго дѣла, она вздумала встрѣтить мужа выговорами; начала съ жаромъ упрекать его въ томъ, что онъ не старался сыскивать себѣ друзей. „Къ чему же служатъ твои, прервалъ Мервиль, ежели

отказываются помочь мнѣ?“ — Главная польза твоя требовала привязать къ себѣ моего дядю. — „Что же ты сдѣлала, чтобы доставить мнѣ дружбу его, и могъ либъ я успѣть въ томъ противъ твоего желанія?“ — Ты никогда не старался ему нравиться. . . . — „Ты лишила меня всѣхъ средствъ къ тому. Впрочемъ развѣ любитъ онъ Дюмона? Развѣ можно любить его? . . .“ — У Дюмона много друзей. — „Его друзья тѣ же, какіе у жены его, которая вступаетъ только въ связи выгодныя и почтенныя.“ — А мои пріятели развѣ порочные люди? — „О, нѣтъ! но слишкомъ легкомысленны.“ — Сестрица надута спѣсью, которой я не имѣю. — „Оставь пышность, не входи въ долги, откажись отъ разточительности, которая разоряетъ насъ; согласись уѣхать на восемь мѣсяцовъ въ маленькое помѣстье, лежащее отъ Парижа въ пятидесяти миляхъ — тогда буду доволенъ посредственнымъ нашимъ достаткомъ; тогда, для тебя только, буду стараться объ его приращеніи!“ —

Послѣ сего упрека Эмилія замолчала; и что оставалось ей говорить? Слезы показались на глазахъ ея. Чѣмъ болѣе она размышляла о своихъ поступкахъ,

тѣмъ тяжелѣе становилось бремя скорби ея и раскаянія.

Матильда и Дюмонъ перемѣнили жилище; они наняли домъ гораздо красивѣе и обширнѣе принадлежавшаго Гжѣ. Миллеръ, въ которомъ жили до того времени; но, не хотя разстаться съ сею добродѣтельною женщиною, пригласили ее перебраться съ собою на новую квартиру. Ее не заставили жить въ отдаленныхъ комнатахъ, но просили быть въ домѣ хозяйкою, вмѣстѣ съ невѣсткою. Всѣ уважали добрую Гжу. Миллеръ, всѣ были къ ней привязаны. Матильда любезною привѣтливостію умѣла усугубить цѣну почтенія, которое она оказывала свекрови. Кто хотѣлъ угодить хозяевамъ, тотъ старался понравиться *доброй матери*; заниматься ею вошло, такъ сказать, въ обыкновеніе, и тотъ показался бы великимъ невѣжею, кому пришло бы въ голову осмѣлиться шутить надъ такою женщиною, которую любовь дѣтская и признательность сдѣлали столько почтенною, столько занимательною. При окончаніи зимы, тогожъ года, Мервилю захотѣлось возобновить свои старанія въ разсужденіи одной должности, менѣе выгодной, нежели та, которая досталась Дюмону. Мервиль рѣшился лично просить

дядю о помощи. Вошедъ въ кабинетъ къ Дарналю, онъ засталъ его, сидящаго за письменнымъ столикомъ. Сей послѣднїй — не оставляя пера, которое держалъ въ рукѣ — просилъ Мервиля объявить, чего онъ хочетъ, тономъ, показывающимъ, что хозяинъ не очень радъ былъ гостю, и хотѣлъ бы разстаться съ нимъ какъ можно скорѣе. Смущенный Мервиль торопливо и запинаясь, разсказалъ о своемъ дѣлѣ. „Что это, сударь, значитъ! вскричалъ Дарналь: опять то же! . .“ — Какъ, милостивый государь! прервалъ Мервиль: развѣ я васъ безпокоилъ? — „Я не успѣлъ выпросить мѣсто для Дюмона, какъ опять . . . чѣмъ болѣе дѣлаешь, тѣмъ болѣе дѣла впереди — это нѣсколько не учтиво! Объявляю вамъ, что не намѣренъ наскучивать моимъ прїятелямъ . . . притомъ же объ васъ имѣютъ такое невыгодное мнѣнїе . . . . ваше поведенїе . . . “ — Что такое, сударь? мое поведенїе. . . . — „Дюмонъ сдѣлалъ щастливою племянницу мою; я обязанъ стараться о немъ; но вы. . .“ — Развѣ Эмилїя жалуется? — „Нѣтъ! но я, слава Богу, не слѣпъ.“ — Чтожъ такое видите вы? — „Семейство самое несогласное, самое дурное . . . я выхожу изъ терпѣнїя; надобно это кончить.“ — Милостивый

государь! подумалиль вы, что послѣ такихъ словъ нынѣшній же вечеръ я долженъ искать другой квартиры? — „Послушайте: станемъ говорить безъ околичностей. Вы любите деньги, а я богатъ и люблю Эмилію; мы можемъ взять такія мѣры, которыми всѣ останемся довольными.“ — Я не понимаю васъ. — „Разполагайте всѣмъ вашимъ имѣніемъ безъ изключенія; сверхъ того предлагаю вамъ пятьдесятъ тысячь франковъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ вашихъ. Согласитесь развестись съ Эмиліею; беру на себя попеченіе о ея спокойствіи.“ — При семъ ужасномъ словѣ нещастный Мервиль поблѣднѣлъ и сдѣлался неподвиженъ; потомъ, не сказавъ ни слова, поспѣшно вышелъ изъ кабинета и изъ дому. Онъ не приходилъ обѣдать; ввечеру тщетно ожидали его къ ужину. Эмилія не понимала, чтобы это значило. Дарналь также безпокоился. Самые тѣ, которые не могутъ похвалиться характеромъ и правилами, чувствуютъ какую-то непріятность, похожую на угрызенія, когда получаютъ отказъ въ нелѣпомъ предложеніи. Въ полночь принесли къ Эмиліи отъ Мервиля записку слѣдующаго содержанія:

„Вашъ дядюшка предложилъ мнѣ „*развестись* съ вами; не сомнѣваюсь, что „вамъ угодно было уговорить его сдѣ„лать это . . . Мои правила не позволя„ютъ мнѣ согласиться на ваше желаніе; „но вы никогда не увидите меня. Оста„вляю вамъ половину моего имѣнія; Но„тарїусъ мой вручитъ вамъ запись.“

Боже мой! вскричала Эмилїя, проливая слезы: я требовала развода! я! О Мервиль! и ты могъ подумать! . . . требовать развода! . . . Ахъ! еслибъ я не любила тебя, и тогда одна мысль эта ужасала бы меня! . . . Ты узнаешь все, и оправдаешь меня! — Она тотчасъ побѣжала къ дядѣ, показала ему записку Мервилеву, и осыпала его язвительными укоризнами; много разъ повторяла ему съ жаромъ, что почитаетъ, любитъ Мервиля, и никто не принудитъ ее не только развестись съ нимъ, но ниже разлучиться на малое время.

Смущенный Дарналь предался благоразумнымъ разсужденїямъ о непостоянствѣ женщинъ. Эмилїя съ поспѣшностію оставила его и, написавъ записку къ Мервилю, послала въ домъ къ Дюмону; но Мервиля тамъ не было. Эмилїя, утомясь отъ безпокойства, кинулась въ постелю; на другой день, очень рано, сама поѣхала

искать мужа по всѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ надѣялась найти его; но всѣ ея старанія были безполезны.

Думая, что Мервиль уѣхалъ въ свое помѣстье, лежащее въ Шампани, она послала туда нарочнаго; но нарочный, возвратясь черезъ четыре дня, объявилъ, что тамъ совсѣмъ не знаютъ о Мервилѣ. Отчаянная Эмилія не переставала развѣдывать — все тщетно! Двѣ недѣли протекли въ ужасныхъ безпокойствахъ. По истеченіи сего времени, Эмилія получила черезъ Почту отъ Мервиля письмо, писанное съ корабля, стоящаго въ Брестской гавани. Мервиль прощается съ супругою, и увѣдомляетъ, что въ качествѣ волонтера отправляется на островъ Сен-Доминго, для усмиренія возмутившихся Негровъ. Эмилія не упала въ обморокъ; не выронила ни одной слезы. Кто хочетъ рѣшиться на подвигъ великой, благородной, тотъ чувствуетъ твердость сверьхъ-естественную. Нещастный! сказала она: ты ѣдешь, почитая меня виновною!.... Такъ, я виновна! я пожертвовала моимъ щастіемъ ничтожной суетности; теперь глаза мои открылись. О Мервиль! послѣдую за тобою; ты узнаешь мое сердце — и простишь меня. Въ ту минуту приказываетъ людямъ пригото-

влять все къ отъѣзду; запискою увѣдомляетъ сестру о своемъ намѣренiи, идетъ къ дядѣ, и показываетъ ему письмо Мервилево. Дарналь, прочитавъ съ нѣкоторымъ смущенiемъ, сказалъ: Чтожъ? это хорошо! онъ заслужитъ славу; потомъ напишемъ къ нему, чтобъ онъ возвратился.... — „Нѣтъ, дядюшка! прервала Эмилiя: хочу сдѣлать лучше...“ — Что такое? — „Поѣду съ нимъ вмѣстѣ...“ — Съ нимъ ѣхать?.. — „Въ нынѣшнюю же ночь; сяду на корабль....“ — Образумься, Эмилiя! подвергать себя опасностямъ плаванiя! ѣхать въ страну, опустошаемую всѣми ужасами пагубнѣйшей войны, ядовитымъ воздухомъ, заразительными болѣзнями!... — „Многiя жены, не будучи ни въ чемъ виновны передъ мужьями, рѣшились на такое благородное дѣло; а я...“ — Поведенiе твое было непорочно. — „Развѣ, кромѣ цѣломудрiя, нѣтъ другихъ обязанностей для супруги? Развѣ я невинна, заставляя отчаяннаго Мервиля искать приключенiй, подвергаться бѣдствiямъ для того только, чтобъ оставить меня въ ненавистной свободѣ?... Обольстясь обманчивыми мечтами, я могла отважиться на безразсудные поступки, которые лишили меня любви Мервилевой;

но его почтенїе дороже для меня всего на свѣтѣ; на все рѣшусь, чтобы возвратить его.“ — Но перенесешь ли безпокойства труднаго путешествїя?.. — „А здѣсь вмѣстѣ и безпокойства и угрызенїя! могу ли перенести ихъ?“ — Дарналь противуполагалъ тысячу возраженїй, но Эмилїя осталась непреклонною. Прибытїе Матильды перервало разговоръ; она бросилась въ объятїя сестры, плакала, хвалила ея великодушное намѣренїе, и сказала, что выпросила у Дюмона позволенїе проводить Эмилїю до самой пристани, и на кораблѣ проститься съ нею. Дарналь еще хотѣлъ-было не соглашаться, но его не слушали. Пускай она ѣдетъ! говорила Матильда: сердца благородныя одобрятъ ея рѣшимость; этотъ подвигъ украситъ всю жизнь ея, прїобрѣтетъ честь и славу ея имени. Ступай, сестрица! продолжала она: не страшись ни моря, ни бури, ни ужасовъ войны. Покровитель добродѣтели будетъ хранить тебя, будетъ сопутствовать тебѣ; подъ Его руководствомъ соединишься съ супругомъ, возвратишься въ отечество, получишь право на любовь самую нѣжную, и будешь радостїю и утѣшенїемъ твоего семейства!

Дарналь менѣе всего имѣлъ склонности къ энтузїазму; однакожъ, браня

обѣихъ сестеръ за ихъ безразсудное упрямство, не могъ не ощутить пріятнаго движенія души при семъ разговорѣ. Не смотря на всѣ его противорѣчія, сестры отправились въ дорогу въ ту же ночь. По прибытіи къ пристани, Эмилія ожидала попутнаго вѣтра болѣе двухъ недѣль. Наконецъ простилась съ сестрою, сѣла на корабль и, по щастливомъ плаваніи, пріѣхала въ Сен-Доминго. Но что почувствовала она, услышавъ, что Мервиль, бывъ на трехъ сраженіяхъ, на которыхъ отличился своею храбростію, получилъ многія раны, почитаемыя отъ Лѣкарей смертельными? Нещастная Эмилія просила указать ей квартиру Мервилеву, и нашла его въ бѣдственномъ состояніи, въ безпамятствѣ: три дни уже разумъ его находился въ совершенномъ помѣшательствѣ.... Эмилія не могла опасаться послѣдствій отъ нечаяннаго свиданія. По крайней мѣрѣ умру съ нимъ вмѣстѣ, сказала она — и вошла въ комнату. Мервиль не узналъ ее, даже не видѣлъ ее, но почти каждую минуту произносилъ ея имя.... Блѣдная, печальная Эмилія сѣла у ногъ при его кровати, и была неподвижна до тѣхъ поръ, пока Лѣкари пришли осмотрѣть больнаго. Она помогла перевязать раны, не дѣлала никакихъ

вопросовЪ, и опять заняла прежнее мѣсто. Надзиратель больныхЪ предложилЪ ей успокоиться: Эмилїя подала знакЪ рукою, чтобЪ онЪ удалился. Надзиратель, засвѣтивЪ ночникЪ, вышелЪ вЪ ближнюю комнату.

Мервиль цѣлой часЪ не двигался, не говорилЪ ни слова; глаза его были закрыты; одни вздохи вырывались изЪ груди его. Нещастный! сказала Эмилїя: я причиною твоей смерти!... Я не нарушила вѣрности супружеской, никогда сЪ тобою не разставалась, любила тебя сЪ нѣжностїю, сберегла доброе имя; и со всѣмЪ тѣмЪ — я виновнѣйшая женщина вЪ свѣтѣ, я твоя убїйца!.... Не страсть постыдная, не разпутство гнусное виною незагладимаго злодѣйства — нѣтЪ! я пожертвовала моимЪ щастїемЪ, твоимЪ спокойствїемЪ — нелѣпымЪ мѣлочамЪ!... ВотЪ кЪ чему ведетЪ ничтожная суетность!... Любезный, великодушный человѣкЪ! и я за тебя краснѣлась!.. я краснѣлась за того, котораго душу знала такЪ хорошо, котораго храбрость дѣлаетЪ честь отечеству!.. Пустыя приличїя, свѣтскїя обыкновенїя, мода, хвастовство! до какой степени могли вы развратить умЪ мой и сердце!.... ТакЪ! это униженїе прилично мнѣ вЪ сїи ужасныя ми-

нуты; буду упрекать себя безпрестанно тѣмъ, что разорвало союзъ нашъ, что погубило насъ; буду мстить за тебя себѣ самой, накажу свою неблагодарность!... И я краснѣлась за тебя, благодѣтель, другъ, супругъ мой!... Какія муки въ состояніи загладить пагубное заблужденіе!... При сихъ словахъ Мервиль, со вздохомъ, произноситъ имя Эмиліи.... открываетъ глаза, видитъ свою супругу, трепещетъ и, положивъ обѣ руки на лицо свое, говоритъ слабымъ голосомъ: „Образъ милой и жестокой! не уже ли будешь гнать меня до гроба?...“ Эмилія затрепетала: она думала, что Мервиль все еще въ безпамятствѣ, но что образъ ея, дѣйствуя на его зрѣніе, безпокоитъ больнаго; въ сихъ мысляхъ спряталась за занавѣсъ. Съ наступленіемъ дня явился Лѣкарь, и весьма обрадовался, видя, что Мервиль получилъ употребленіе разума. Когда помѣшательство васъ оставило, сказалъ онъ, то не сомнѣвайтесь въ выздоровленіи. При сихъ словахъ Эмилія, внѣ себя отъ возхищенія, бросается къ ногамъ Лѣкаря. Ахъ! вскричалъ Мервиль: я опять въ безпамятствѣ, вижу предметъ моихъ мученій!... — Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Эмилія: это не мечта! здѣсь твоя супруга, твоя Эмилія!...

Ахъ! взгляни на ея слезы, на разкаяніе, на любовь — и ты узнаешь ее! . .“ Радость не всегда бываетъ опасна: она возвратила жизнь Мервилю; раны его, подъ присмотромъ Эмиліи, скоро изцѣлились. Ему не позволяли ни говорить, ни спрашивать, въ продолженіи нѣсколькихъ дней; но имѣлъ ли онъ нужду въ объясненіяхъ? Онъ видѣлъ предъ собою Эмилію, которая переплыла моря, чтобы съ нимъ соединиться!... Когда Мервиль началъ оправляться, Эмилія, признавалась въ своихъ проступкахъ, и прося въ нихъ прощенія, съ кротостію выговаривала ему за то, что онъ могъ повѣрить, будто она требовала развода. Мервиль отвѣчалъ, что хотя Дарналь предложилъ разводъ безъ рѣшительнаго ея согласія, но не сомнѣвался въ томъ, что Эмилія хотѣла быть независимою. Впрочемъ, прибавилъ Мервиль, послѣ всего, что я слышалъ отъ твоего дяди, мнѣ не можно было жить съ нимъ вмѣстѣ; я предвидѣлъ, чего тебѣ стоило оставить пышной домъ и возвратиться къ прежнему роду жизни. Но я не зналъ всего величія души, всея чувствительности моей Эмиліи; выѣхалъ изъ отечества для того, чтобы оставить ей свободу, о которой, казалось мнѣ, она вздыхала.

Мервиль и Эмилія жили на островѣ Сен-Доминго два года: въ это время Мервиль отличился славными подвигами. По возвращеніи во Францію, наши супруги приняты были отъ родственниковъ съ живѣйшею радостію; Эмилія появилась въ обществѣ съ тѣмъ блескомъ, которымъ добродѣтель озаряетъ красоту и молодость. Мервиль, снискавъ щастливую увѣренность въ собственномъ достоинствѣ и въ общемъ къ нему уваженіи, показался совсѣмъ другимъ человѣкомъ; въ воздаяніе заслугъ своихъ, онъ получилъ выгодное мѣсто. Эмилія не разрывала связей съ прежними знакомыми, которыя не были уже ей опасны; но довѣренность имѣла только къ истиннымъ друзьямъ, къ любезной Матильдѣ и къ почтенной, доброй Гжѣ. Миллеръ. Она сдѣлалась щастливѣйшею женщиною; ничего не недоставало къ ея благополучію. Теперь она мать — нѣкогда разскажетъ дочери свою исторію, чтобъ увѣрить ее, что нѣтъ смѣшнѣе, безразсуднѣе, нѣтъ пагубнѣе странности — отнимать у мужа доброе имя, поведеніемъ своимъ очернять его въ обществѣ, и говорить о немъ при посторонних съ наглостію, или съ неуваженіемъ.

К — й.

II.

Роспись, сколько выполъзовано въ денія ея, то есть съ 22го Іюля

Званіе болѣзней:	Съ открытія больницы, т. е. 1802 г. Іюля 22 дня по 1е Марта сего 1804 г. пользован. въ оной.		
	Муж. пола:	Жен.	Итого:
Аглинскою - - -	2		2
Бѣльмами на глазахъ, наружными и внутренними - -	4	1	5
Водяною - - -	15	12	27
Водяною въ мошонкѣ -	2		2
Воздушною въ брюхѣ -		1	1
Горячкою - - -	46	16	62
Горячкою съ пятнами -	7		7
Глухотою - - -	3	1	4
Задержаніемъ мочи - -	2		2
Золотухою - - -	2	2	4
Каменною - - -	1		1
Костоѣдою - - -	12	2	14
Лихорадкою - - -	47	30	77
Любострастною - -	129	91	220
Мѣшечною опухолью и наростами	4	1	5
Нѣмотою - - -	4	2	6
Омертвеніемъ ручныхъ и ножныхъ членовъ - - -	10	2	12
Параличемъ - - -	17	2	19
Переломомъ костей - -	10	1	11
Проломомъ головнаго черепа	2		2
Разными болѣзнями - -	125	73	198
Разрѣзомъ брюха, столь опаснымъ, что выпадали внутренности	1		1
Ракомъ - - - -	5	2	7
Сведеніемъ рукъ и ногъ -	1		1
Сведеніемъ ноги въ колѣнѣ -		1	1
Цингою - - -	19	1	20
Чахоткою - - -	19	3	22
Чесоткою - - -	2	3	5
И того	491	247	738

Голицынской больницѣ съ начала заве- 1802, по 1е Марта 1804 года.

Изъ нихъ во все то время выпользовано:			умерло:			За тѣмъ къ 1му Марта сего года состоитъ въ больницѣ:		
Муж. пола:	Жен:	Итого:	Муж. пола:	Жен:	Итого:	Муж. пола:	Жен:	Итого:
2		2						
3	1	4				1		1
10	9	19	5	3	8			
						2		2
							1	1
44	15	59	2		2	1		1
5		5	1		1	1		1
3	1	4						
2		2						
1	2	3				1		1
1		1						
7	2	9	2		2	3		3
40	30	70				7		7
121	85	206				8	6	14
3		3				1	1	2
4	2	6						
9	2	11				1		1
15	2	17				2		2
10	1	11						
2		2						
105	62	167	12	7	19	8	4	12
1		1						
3		3		1	1	2	1	3
1		1						
							1	1
16	1	17				3		3
13	2	15	3	1	4	3		3
2	3	5						
423	200	643	25	12	37	43	14	58

Во все теченіе сего времени состояло на электризаціи и галванизаціи 116 человѣкъ, изъ числа которыхъ — страдавшихъ параличемъ было 89, глухотою 12, нѣмотою 15 человѣкъ. Выпользовано 103 человѣка; нынѣ на лицо состоитъ 13 человѣкъ.

Операціи, сдѣланныя въ Голицынской публичной больницѣ Докторомъ-Операторомъ Ефремомъ Мухинымъ:

Вынутъ камень изъ мочеваго пузыря двумъ; третьему — изъ устья мочеваго пузыря; четвертому — изъ мочеизпускательнаго канала чрезъ искуственный разрѣзъ.

Вырѣзанъ ракъ на верхней губѣ четыремъ, а пятому на нижней губѣ.

Вынутъ полипъ, удушавшій больнаго, изъ заднихъ отверстій носа одному, тремъ изъ переднихъ отверстій, и одному изъ наружной полости уха.

Отнята рука по срединѣ локтя.

Просверленъ черепъ головной на швѣ затылочной кости съ височною.

Сдѣлана операція зоба, удушавшаго больнаго, занимавшаго переднія и боковыя части шеи.

Вырѣзана мѣшечная опухоль двумъ на щекѣ, пiретьему на боку груди, четвертому на плечѣ, ракомъ зараженномъ, вѣсомъ въ 6 фунтовъ; пятому на лядвеѣ, въ 6 фунтовъ съ четвертью.

Вынутъ верхнiй конецъ до половины раменной кости (os humeri) изъ сочлененiя, на мѣсто которой новая выросла.

Отняты ножные пальцы, антоновымъ огнемъ пораженные и костоѣдою, 15 ти человѣкамъ.

Вынуты ноздреватыя кости изъ носа четыремъ человѣкамъ.

Вынутъ носовой отростокъ верхней челюсти.

Обрѣзана крайняя плоть двумъ человѣкамъ.

Кастрацiя ракомъ пораженнаго праваго ядра.

Прободено брюхо чрезъ пупъ пяти человѣкамъ, изъ коихъ двумъ и повторенiе сдѣлано было.

Привита оспа коровья въ больницѣ 50 ти робенкамъ.

Отнято десять ручныхъ пальцовъ.

Вынутъ младенецъ по частямъ у родильницы, страдавшей четверо сутокъ.

Вынуто 16 отломковъ темянныхъ костей верхушки, вдавленныхъ въ мозгъ.

Соединенъ поперечной разрѣзъ дыхательнаго горла двумъ человѣкамъ.

Вырвано въ разныя времена 50 зубовъ.

Вкладыванъ 15 разъ въ разныя времена мочеизпускатель въ мочевой пузырь для изпущенія мочи.

Вырѣзаны гнилые ногти съ корнями четыремъ человѣкамъ.

Сняты бѣльма съ глазъ чрезъ разрѣзъ роговой плевы четыремъ человѣкамъ; а пятому разрѣзаны углы обоихъ вѣкъ.

Отнятъ сальникъ, вышедшій чрезъ разрѣзъ изъ брюха, и сдѣлано соединеніе брюха.

Отняты ноги — одному ниже колѣна, а двумъ выше колѣна.

Продвинута кость, остановившаяся въ пищепріемномъ каналѣ помощію инструмента въ желудокъ двумъ человѣкомъ.

Соединенъ черепъ головной, разломленной отъ лобной кости до половины затылочной, соединенной съ сквозною раною.

Сдѣлана заволока у сочлененія ступени съ берцомъ.

Обрѣзаны почечуйныя шишки.

Вскрыты нарывы 30 ти человѣкамъ въ разныхъ мѣстахъ.

Вынутъ нижній конецъ берцовой кости до половины изъ сочлененія — одному;

по срединѣ берца нѣсколько отломковъ — тремъ человѣкамъ.

Привита имъ же и Гг-ми Лѣкарями, Михайлою Давидовымъ и Акимомъ Кириловымъ, служащими въ сей больницѣ, коровья оспа 1255 ти младенцамъ, которая кончилась благополучно, и младенцы всѣ остались живы.

Выпущена вода изъ мошонки черезъ разрѣзъ оной — тремъ человѣкамъ.

Вырѣзанъ мѣшечной наростъ во рту на нёбѣ.

Вырѣзанъ мѣшечной наростъ, занимавшій всю поверхность носа и часть лба.

Вынута костоѣдою изпорченная часть нижней челюсти чрезъ разрѣзъ десны.

III.

Царицыно.

Beaux lieux qui nourrifloient ma poétique ivreffe,
J'ai juré fur ces monts, et je tiens mon ferment,
De payer mon hommage à ton fite charmant.

Delille.

Прежде всего взоръ и сердце ищутъ здѣсь слѣдовъ Великой Помѣщицы сего

прекраснаго владѣнія — слѣдовъ безсмертной ЕКАТЕРИНЫ!... Она была въ немъ; Она гуляла въ прохладныхъ садахъ его; Она любовалась имъ; дала имя ему, котораго оно достойно — имя, которое сливается въ мысляхъ съ любезнымъ Именемъ Любезнѣйшей Царицы!

Князь Кантемиръ былъ владѣлецъ нынѣшняго Царицына. ЕКАТЕРИНА желала видѣть живописныя окрестности древней Своей Столицы; увидѣла деревню *Цареборисову* (*), съ памятниками Бориса Годунова, съ величественнымъ прудомъ, съ превосходною плотиною и скромнымъ Дворцомъ; увидѣла село Кантемирово, прельстилась имъ, размышляла о Цареборисовѣ, смотрѣла на *Коломенское* (**), и захотѣла въ сосѣдствѣ именъ и памятниковъ Государей славныхъ имѣть *собственность*. . . Кантемиръ разстался съ

(*) Въ 14ти верстахъ отъ Москвы и въ 3хъ отъ Царицына.

(**) Село, которое было любимымъ мѣстопребываніемъ Царя АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, и въ которомъ родился ПЕТРЪ Великій. — Оно видно изъ Царицына. — Припоминаю старые стихи къ Коломенскому:

Россійскій Виѳлеемъ, Коломенско село!
Которое ПЕТРА на свѣтъ произвело, и проч.

прекраснымъ, романическимъ жилищемъ своимъ; но возхищался въ сердцѣ мыслїю: „Оно понравилось ЕКАТЕРИНѢ; оно принадлежитъ Владычицѣ полсвѣта!“ — Подобныя мысли и чувства угадывать не трудно.

Новая Госпожа махнула волшебнымъ жезломъ, которой всегда былъ въ рукахъ у Ней — и возникло вдругъ множество новыхъ декорацїй: Дворецъ, галлереи, Оперной домъ, мосты, ворота — все каменное и все Готическое, и все прекраснѣйшей Архитектуры! — „Я люблю Художества по одной склонности,“ сказала Императрица въ письмѣ къ Циммерману — и зритель Художествъ ЕКАТЕРИНИНА вѣка съ живѣйшимъ удовольствїемъ вспоминаетъ о сей щастливой Ея склонности.

Время накинуло въ полетѣ своемъ покровъ забвенїя на Царицыно, и нѣсколько лѣтъ ничего къ украшенїю его не прибавлялось; но благотворная рука АЛЕКСАНДРА сняла печальный покровъ времени, и вручила Царицыно человѣку, котораго оно, можно сказать, требовало (*), и котораго вкусъ и знанїя при-

(*) Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Петру Степановичу Валуеву.

даютъ съ каждымъ днемъ новой блескъ сему пріятному мѣсту. — Все, къ блаженству нашему, доказываетъ особливое сходство въ душѣ и сердцѣ АЛЕКСАНДРА съ ЕКАТЕРИНОЮ, — Любезнѣйшаго Внука обожаемой Бабки!

Видъ Царицына, когда подъѣдете къ нему Каширскою дорогою — не возхититъ васъ; и между тѣмъ, какъ сближаетесь съ нимъ, находите странную игру Оптики: черная крышка Дворца (Готическаго), которую только и видите, и множество окружающихъ его башенъ, съ черными же верхами и шпицами по бокамъ, представятъ взору — живо и совершенно — крышку гроба и Кармелитовъ или Францисканов съ печальными факелами.. Смѣетесь и досадуете на такую неудачную выходку Архитектуры.

Надобно знать, что это не тотъ Дворецъ, которой *возникъ* вмѣстѣ съ другими зданіями. Зависть, косоокая мачиха талантовъ, имѣла щастіе (въ которомъ почти никогда не имѣетъ она недостатка), доказать (своимъ способомъ), что первый Дворецъ — которой былъ, сказываютъ, хорошъ чрезвычайно — очень дуренъ. Его сломали до основанія и построили нынѣшній — чудную смѣсь первыхъ вѣковъ Зодчества съ новымъ. —

Остальныя зданія дѣлаютъ съ нимъ разительной контрастъ — въ свою пользу.

Но когда ступите на бархатъ Царицынской зелени, то сладостная улыбка явится на устахъ вашихъ, и живое удовольствіе засіяетъ во взорахъ. Обширные, подобно морямъ, пруды, на которыхъ плаваютъ разноцвѣтныя шлюпки, лодки, ботики, и за которыми шумятъ густыя березовыя рощи; красивой каменной мостъ, соединяющій два изумрудныя берега; романтическіе острова; живописная купальня, въ видѣ смѣющагося павильйона; разныя строенія, каменныя и деревянныя; наконецъ, прекраснѣйшій Аглинскій садъ, съ широкими аллеями, въ которыя любопытный Фебъ никакъ заглянуть не можетъ, съ волшебными дорожками, по которымъ, естьли угодно, выходите, не возвращаясь на слѣды свои, двадцать верстъ; съ уединенною галлереею, которую можно назвать Храмомъ Меланхоліи; другой фруктовой садъ, съ богатѣйшими въ свѣтѣ оранжереями — все это дѣлаетъ Царицыно плѣнительнымъ, безцѣннымъ!

Я наслаждался пріятностями Царицына нѣсколько времени — и тѣмъ живѣе, тѣмъ полнѣе, что провелъ его въ обществѣ Князя Грузинскаго, который упра-

вляетъ мѣстомъ симъ, и который живетъ тамъ во все лѣто съ своимъ семействомъ. Г. Валуевъ имѣетъ въ Князѣ Грузинскомъ такого сотрудника, котораго, естьли не ошибаюсь, одинъ щастливый жребій Царицына могъ дать ему. Прилѣжность, свѣденіе и охота его къ садамъ и строеніямъ оставятъ, безъ сомнѣнія, печать свою въ Царицынѣ!

Супруга его, обладающая всѣми качествами любезной хозяйки, которая по этой самой причинѣ рѣдко бываетъ безъ гостей, имѣла обязательнѣйшее попеченіе о моихъ выгодахъ; ввела меня въ особливую комнату; назвала ее моею; указала столъ, чернилицу, бумагу — однимъ словомъ, въ ученой кабинетъ — и пожелала мнѣ покоя и удовольствій. — Живѣйшая благодарность была первымъ чувствомъ моимъ. — —

День мой начинался и оканчивался прогулками. По утру всегда бродилъ одинъ; ввечеру всегда. . . съ Граціями. Имѣю ли нужду разсказывать о пріятностяхъ лѣтней вечерней прогулки въ Аглинскомъ очаровательномъ саду, съ Граціями? Кому не представятся сами собою сіи пріятности: живость разговора, удовольствіе рѣзвости, отголоски смѣха и проч.? — Жалѣю о холодномъ воображеніи, для ко-

тораго надобно *все* описывать! . . . . Къ тому же,

Le ſecret d'ennuyer eſt celui de tout dire.

Въ уединенныхъ прогулкахъ я предавался мечтамъ — необходимымъ сердцу моему. . . и безъ сомнѣнія сердцу каждаго. Путь мой начинался, обыкновенно, любимою моею дорожкою, подлѣ пруда — ровною и широкою — которая служитъ ему прелестною набережною. Идучи по ней, я уносилъ, такъ сказать, взорами тысячу пріятныхъ предметовъ, которые потомъ въ густыхъ тѣняхъ, въ безмолвномъ уединеніи, занимали мое воображеніе. — Тамъ, съ удовольствіемъ неизъяснимымъ, мечталъ я о Фонтенебло, гдѣ роскошный Францискъ препровождалъ время свое среди пировъ и красавицъ; о Шантильи, гдѣ Великій Генрихъ таялъ геройскимъ сердцемъ въ страсти къ прелестной Габріель, и говорилъ ей:

Recevez ma couronne,
Le prix de ma valeur:
Je la tiens de Bellone,
Tenez-la de mon coeur;

О Марли, гдѣ щастливый Лудовикъ услышалъ изъ устъ нѣжной Лавальеръ: *люблю тебя!* и отдавалъ Государство за ея жизнь. . . Царицыно достойно имѣть

своихъ Героевъ любви и роскоши! . . . . Все дышетъ здѣсь роскошью и любовью. . . Шольё, Лафаръ, Делиль, любимые Пѣвцы мои, здѣсь для меня еще любезнѣе. На двадцати березахъ, думаю, начерчены мною сіи щастливые стихи щастливаго Поэта:

Aimons donc; changeons ſans ceſſe;
Chaque jour nouveaux déſirs;
C'eſt aſſez que la tendreſſe
Dure autant que les plaiſirs.
Dieux! ce ſoir qu'Iris eſt belle!
Son coeur, dit-elle, eſt à moi;
Paſſons quelques heures avec elle,
Mais comptons peu ſur ſa foi.
(*Ode ſur l'inconſtance, par Chaulieu.*)

Въ одной аллеѣ есть смиренная бесѣдка, которая называется *Кантемировою*: пріятной остатокъ старины. Иногда я любилъ сидѣть въ ней и думать о Кантемирѣ — Поэтѣ, котораго память должна быть любезна питомцу Рускихъ Музъ.

Привлекательная купальня заманивала меня каждое утро освѣжаться въ ваннѣ своей, отдыхать на своихъ диванахъ — и новыя мечты играли моею душею. . . . Сама Діана, или Киприда не могла имѣть лучшей купальни: какой вкусъ! какая нѣга!. . . И Граціи плещутся

въ ваннѣ ея . . . и Грацїи покоятся на ея диванахъ....

Ввечеру — особливо по праздникамъ — встрѣчаетесь вездѣ съ гуляющими, которые прїѣзжаютъ изъ Столицы, обѣдать, или полдничать на ароматической зелени, на свѣжемъ воздухѣ, и покататься на зеркальныхъ прудахъ. — Г. Валуевъ и супруга его (которая живетъ здѣсь съ дочерьми и сыновьями въ лѣтнее время) доставляютъ своею ласковостью новое удовольствїе каждому; и старательность сего почтеннаго человѣка о всѣхъ выгодахъ посѣтителей любезнаго ему Царицына вызвала сюда извѣстнаго въ Москвѣ Лекеня, для содержанїя кофейнаго дому, гдѣ можно имѣть очень хорошїй столъ, лучшїя вина, прохладительные напитки — въ большой прекрасной галлереѣ. — —

Сельскїя Нимфы ходятъ по саду группами, поютъ веселые романсы свои и летаютъ на качеляхъ, поставленныхъ въ густой аллеѣ. — Я гуляю съ своимъ обществомъ; катаюсь съ Грацїями въ легкой гондолѣ, пою *гимны наслажденїю* — мысленно, и угадываю таинство земнаго блаженства.... Вхожу душею во святилище его.

Здѣсь, въ бытность мою, угощался Главнокомандующїй Москвою, Александръ

Андреевичь Беклешевъ. Сїе угощенїе не имѣло ничего блистательнаго, городскаго, но много прїятнаго, интереснаго. Почтенный Гость послѣ обѣда, которой былъ у Гна. Валуева, ѣхалъ въ садъ, отъ самого дому, на шлюпкѣ, въ сопровожденїи другихъ шлюпокъ, на которыхъ ѣхали музыканты, пѣвчїе и проч.

Звуки голосовъ и инструментовъ неслись Зефирами по тихимъ струямъ необозримаго бассеина. Хороводы сельскихъ Нимфъ встрѣтили Гостя на берегу сада, въ которомъ между тѣмъ гремѣла въ разныхъ мѣстахъ разная музыка. Веселыя Нимфы пѣли и плясали непрестанно, слѣдуя повсюду за предметомъ общаго веселїя . . . которое кончилось съ глубокимъ вечеромъ.

Празднество самое простое принимаетъ волшебной характеръ въ садахъ Армидиныхъ . . . Все плѣняетъ, все интересуетъ — воображенїе.

. . . . . .

. . . . . .

Желая видѣть село (*) Цареборисово, славной прудъ его и плотину, я ѣздилъ туда съ Княземъ Грузинскимъ; смотрѣлъ,

(*) Очень не великое, и потому настоящее его названїе *присёлокъ*.

дивился и думалъ, что все, достойное примѣчанія, ограничится прудомъ и плотиною: ошибся. Начальникъ этова села (*), крестьянинъ, проситъ К. Грузинскаго зайти къ нему отдохнуть. Входимъ въ чистую избу: молодая, пріятнаго лица, хозяйка ставитъ передъ нами молоко и яйца. Хозяинъ на минуту скрывается; потомъ видимъ его съ закупоренною бутылкою въ рукахъ; наливаетъ, не смотря на сопротивленіе наше — и лучшее Шампанское кипитъ въ стаканахъ. Мы разсмѣялись; онъ также; увѣряли его, что онъ дѣлаетъ напрасный убытокъ, но удовольствіе сіяло въ глазахъ его. . . . которое, могу сказать, перешло ко мнѣ въ сердце. . . Руской крестьянинъ и Шампанское вино! . . . Да благоденствуетъ Отечество мое!

Такъ! я наслаждался пріятностями Царицына и, подобно чувствительному, благодарному Делилю, клялся и исполняю клятву мою, принести имъ дань сердечную.

К. Ш — въ.

(*) Голова.

IV.

ЭПИТАФІЯ

Княгинѣ Евгеніи Сергеевнѣ Долгорукой.

Какая похвала на крышкѣ гробовой,
Не холодна, какъ онъ! . . . И съ горестной душой,
Пѣвецъ твой пламенный (*) — лишь слезы проливаетъ
На прахъ безцѣнный твой; лишь томною рукой
Цвѣты весенніе по камню разсыпаетъ!

К. Ш — въ.

(*) Авторъ, во многихъ своихъ піесахъ, приносилъ нельстивый фиміамъ достоинствамъ сей почтенной женщины. — Она скончалась весною.

V.

Романсъ (*).

J'ai promis des vers à Conftance;
Pour moi fon ordre eft une loi,
Qu'un regard foit ma récompenfe!

Delille.

Любовь и сердце научили
Меня на скромной лирѣ пѣть:
Судьбы съ Дельфирой разлучили —
И лирой я забылъ владѣть!

*

Я пѣлъ блаженство и Дельфиру;
Ихъ нѣтъ ужь болѣе со мной!....
На что, сказалъ я, строить лиру
Съ унылой, грустною душой?

*

Кому печальныхъ стонъ не скученъ?
Кто любитъ жалобамъ внимать?..
Ахъ! въ комъ печалью духъ размученъ,
Тому не должно ли молчать?

*

И я безмолвною слезою
Судьбѣ жестоку дань платилъ;
Бралъ лиру томною рукою —
И жизни въ ней не находилъ.

*

(*) К* К* А* Т — я, славная талантомъ своимъ въ пѣніи, требовала отъ Автора стиховъ для Музыки.

Но Хлоя взять ее велѣла —
Ахъ! что сильнѣе красоты? . .
Рука по лирѣ полетѣла,
И сердца ожили мечты.

К. Ш — въ.

VI.

Стихи на праздникъ, данный К М* Д* Ц-мъ на Прѣченскихъ прудахъ 24го Іюня, 1804.*

„Гдѣ я? . . . не въ областиль у Тассовой
Армиды? . . .
Какіе вкругъ меня магическіе виды!
Какими звуками плѣняется мой слухъ!
Какою радостью во мнѣ пылаетъ духъ!“
— „Ты у Любезности и Вкуса,“ отвѣчаютъ
Мнѣ сотни голосовъ: „на праздникѣ простомъ;
Они безъ хвастовства — по чувству угощаютъ
Вельможей и друзей“ . . . — Ахъ! я увѣренъ въ томъ!

К. Ш — въ.

VII.

Парижскія Моды.

Іюня 1.

Господствующая Мода допускаетъ только двѣ крайности; по сему она требуетъ, чтобъ Дама по утру носила шляпку втрое болѣе головы своей, а ввечеру такую маленькую, которая едва могла бы прикрывать оную. По утру должно, слѣдуя Модѣ, румяниться; а при свѣтѣ восковыхъ свѣчь должно казаться блѣдною. Для негліже можно носить весьма короткую робу, а для параду Дама должна имѣть хвостъ длиннѣе всей остальной своей робы. Для прогулки щеголиха, не смотря на весьма теплую и даже жаркую погоду, носитъ, кромѣ робы, косынку, закрывающую ее до самаго подбородка; руки, плеча и грудь должны быть отягчены множествомъ складокъ изъ кисеи: но въ пышной бесѣдѣ, напротивъ того, та же щеголиха, чтобъ отличить себя лучшимъ вкусомъ, должна быть какъ можно болѣе обнажена, а танцующія красавицы, по примѣру Венеры, Терпсихоры и проч. поднимаютъ съ одной стороны робу свою по самое колѣно. Наконецъ въ одинъ и тотъ же самый день Парижская

щеголиха одѣвается Лапландкою и Гречанкою, монахинею и богинею съ Олимпа.

❋

Множество церемонїальныхъ визитовъ подали случай нашимъ модисткамъ продать и немалое число нарядныхъ шляпокъ и чепцовъ, тафтяныхъ, или креповыхъ, убранныхъ цвѣтами, какъ можно болѣе схожими съ натуральными. Для парадныхъ робъ, кромѣ тафты, употребляются рисованныя, или гладкїя по срединѣ кисеи, а по краямъ вышитыя цвѣтами гортензїи, или смородинными кистями.

ПОЛИТИКА.

I.

Перечень извѣстій изъ Лондона съ 1го по 8е Іюня.

Обстоятельства здравія Короля нашего опять сдѣлались худшими со времени возвращенія Его Величества изъ Виндзора, и Врачи, пользовавшіе Короля въ продолженіе послѣдней его болѣзни, объявили теперь уже письменно и подъ присягою свое мнѣніе, что спокойствіе и совершенное удаленіе отъ дѣлъ необходимо нужны для совершеннаго Королевскаго выздоровленія. По поводу сего обстоятельства, какъ Г. Питтъ, такъ и Лордъ-Канцлеръ, имѣли аудіенцію у Его Королевскаго Высочества, Принца Валлійскаго, и сообщили Ему сіе извѣстіе. Говорятъ, что учреждено будетъ *Регентство* на все время продолженія Королевской болѣзни; но доселѣ еще не извѣстно, подъ чьимъ предсѣдательствомъ оное состоять имѣетъ; ибо нѣкоторые желаютъ, чтобъ Королева приняла на себя сіе предсѣдательство; а другіе утверждаютъ, что, по Государственнымъ нашимъ законамъ, оное при-

надлежитъ непосредственно Наслѣднику Престола, Принцу Валлїйскому. Въ семъ послѣднемъ случаѣ перемѣна Министерства, а вмѣстѣ съ нею и политической нашей системы, будетъ неизбѣжна. — Впрочемъ Регентство сїе не можетъ быть составлено безъ формальнаго утвержденїя онаго Королемъ.

Г. Питтъ предложилъ 5го числа сего мѣсяца новый планъ, для защищенїя Государства нашего, и новую систему для набора рекрутъ. Планъ сей состоитъ въ умноженїи вооруженной силы, а особливо регулярныхъ войскъ. „Я желаю, говорилъ между прочимъ Г. Питтъ, чтобъ потребное число рекрутъ для регулярныхъ войскъ было какъ возможно скорѣе набрано и доставлено. Въ такомъ случаѣ милицїя, какъ воинство, не столько важное для обороны Отечества, постепенно уменьшится, и вмѣсто 74 тысячь состоять будетъ только изъ 48 тысячь человѣкъ. Сїе можетъ произведено быть въ дѣйствїе чрезъ принимание рекрутъ, для милицїи балотированныхъ, въ резервную армїю.“ — Предложенїе сїе, послѣ нѣкоторыхъ споровъ, опредѣлено принять въ Парламентѣ, для дальнѣйшаго разсмотрѣнїя.

Американскій Посланникъ, Г. Ливингстонъ, прибывшій сюда изъ Парижа на коротпкое время, для трактованія о займѣ денегъ на щетъ Сѣверо-Американскихъ Областей въ число той суммы, которую онѣ должны заплатить Франціи за Луизіану, а по мнѣнію другихъ, для учиненія нѣкоторыхъ открытій къ начатію переговоровъ о мирѣ между Англіею и Франціею, угощается здѣсь великолѣпно отъ знатнѣйшихъ Членовъ противной Министерству стороны. Онъ пробудетъ здѣсь только по 30е число текущаго мѣсяца.

Бывшій доселѣ въ Лондонѣ Россійско-Императорскій Посолъ, Графъ Воронцовъ, отправляется обратно въ Россію въ нынѣшнемъ же еще мѣсяцѣ, и сядетъ для того на корабль въ одной Шотландской гавани.

О военныхъ дѣйствіяхъ не получено въ послѣдніе 8 дней никакихъ извѣстій. — Нѣкоторые утверждаютъ, что вооружаемая противъ мыса Доброй Надежды экспедиція отложена будетъ до другаго времени, или и совсѣмъ отмѣнится.

За хлѣбъ, ввезенный въ послѣднія 13 лѣтъ въ Великобританнію, заплачено, по достовѣрному изчисленію, до 30 миліоновъ ф. стерлинговъ (240 миліоновъ рубл.) ! ! !

Перечень извѣстій изъ Парижа съ 1го по 12е Іюня.

Продолженіе важнѣйшаго содержанія статей, изъ коихъ состоитъ Сенатское органическое опредѣленіе отъ 18го Мая.

„. . . . Когда Государственный Совѣтъ трактуетъ о проектахъ законовъ, или объ уставахъ общественнаго правленія: то двѣ трети Членовъ должны на тотъ разъ находиться въ присудствіи. Число присудствующихъ Государственныхъ Совѣтниковъ простираться должно не менѣе 25.“

„. . . . Засѣданія Законодательнаго Сословія раздѣляются на ординарныя засѣданія и на Генеральные Комитеты. — Ординарныя засѣданія состоятъ изъ Членовъ Законодательнаго Сословія, изъ Ораторовъ Государственнаго Совѣта и изъ Ораторовъ трехъ отдѣленій Трибуната; Генеральные же Комитеты изъ однихъ только Членовъ Законодательнаго Сословія. Президентъ Законодательнаго Сословія предсѣдательствуетъ на ординарныхъ засѣданіяхъ и на засѣданіяхъ Генеральныхъ Комитетовъ. На ординарныхъ засѣданіяхъ, Законодательное Сословіе трактуетъ и подаетъ свои голоса о про-

ектѣ закона, а въ Генеральномъ Комитетѣ Члены Законодательнаго Сословія разсматриваютъ между собою выгоды и неудобства проекта закона."

„ . . . . Императорское Высокое Судилище (Cour) судитъ: 1) Личныя преступленія, учиненныя Членами Императорской Фамиліи, Высокими Имперскими Чиновниками, Министрами, Статсъ-Секретаремъ, Великими Офицерами, Сенаторами, Государственными Совѣтниками; 2) преступленія, покушенія и заговоры противъ внутренней и внѣшней безопасности Государства, Особъ Императорской и Наслѣдника Его; 3) преступленія въ упущеніи должности, учиненныя Министрами и Государственными Совѣтниками; 4) вѣроломства и злоупотребленія власти, учиненныя Генералъ-Капитанами и Префектами колоній, Начальниками Французскихъ заведеній внѣ твердой земли, Генералами и Адмиралами; 5) непослушаніе Генераловъ и Адмираловъ, нарушившихъ данныя имъ предписанія; 6) похищенія казны, учиненныя Префектами; 7) подозрѣнія, поданныя на Членовъ Аппелляціоннаго, Уголовнаго и Кассаціоннаго Судилищъ; 8) доносы на самовольные аресты и нарушеніе свободы книгопечатанія."

„ . . . . При Императорскомъ Высокомъ Судилищѣ находится Генералъ-Прокуроръ, Императоромъ на всю жизнь опредѣляемый.“

„ . . . . Опредѣленія, учиненныя Императорскимъ Высокимъ Судилищемъ, не подвержены переносу.“

(*Продолженіе впредь.*)

*

Судъ надъ обвиненными въ послѣднемъ заговорѣ продолжаемъ былъ въ такъ называемомъ Юстицкомъ Судилищѣ (Cour de justice) съ 28 го Мая по 10е Іюня, и 47 обвиненныхъ сидѣли всякой разъ на 4хъ скамьяхъ предъ Судомъ, каждой между двумя жандармами. Постороннихъ зрителей впускаемо было въ Судейскую комнату до 200 человѣкъ, и какъ скоро кто изъ оныхъ выходилъ, тотчасъ на мѣсто его впускаемъ былъ другой изъ множества зрителей, стекавшихся въ переднихъ комнатахъ. Вообще замѣчено, что Моро, въ теперешнемъ его положеніи, привлекалъ на себя взоры всѣхъ присутствовавшихъ, и что всѣ принимали въ судьбѣ его живѣйшее участіе.

Предѣлы сего Журнала не позволяютъ разпространиться о допросахъ, чиненныхъ каждому арестанту на помяну-

тыхъ засѣданїяхъ; но мы не можемъ обойтися безъ того, чтобъ, для удовольствїя Читателей, не сообщить здѣсь слѣдующую прекрасную рѣчь, говореннную 5 го Іюня Генераломъ Моро къ Судїямъ Юстицкаго Судилища:

Государи мои!

„Я предстаю предъ вами и желаю, чтобъ вы удостоили меня на минуту своимъ вниманїемъ. Полагаясь совершенно на избранныхъ мною Адвонатовъ, препоручилъ я попеченїю ихъ, защищать мою невинность. Гласомъ ихъ могу я только говорить къ правосудїю; но чувствую себя побуждаемымъ, отнестись лично къ вамъ и ко всей нацїи.“

„Нещастныя обстоятельства, произведенныя случаемъ, или порожденныя завистїю, могутъ на нѣсколько минутъ очернить жизнь и самаго праводѣтельнѣйшаго человѣка. Преступникъ можетъ хитрымъ искуствомъ отклонить отъ себя подозрѣнїе и доказательства учиненныхъ имъ злодѣянїй; но цѣлая жизнь бываетъ надежнѣйшимъ свидѣтельствомъ въ пользу или — противъ обвиненнаго. По сему представляю я всю жизнь мою гонящимъ меня обвинителямъ. Она ведена такъ публично, что не можетъ никому быть безызвѣстна. Я приведу на

память только нѣкоторыя эпохи оной; а свидѣтели, которыхъ я воззывать буду, суть — Французская нацїя и народы, Францїею побѣжденные!"

„Я посвятилъ себя въ началѣ революцїи, которая долженствовала основать свободу Французскаго народа, Законоискусству. Революцїя перемѣнила назначенїе моей жизни, и я вступилъ въ военное званїе. Не тщеславїе поставило меня въ ряды поборниковъ вольности, но я подъялъ оружїе изъ уваженїя къ правамъ нацїи; я сталъ воиномъ по тому, что былъ гражданиномъ. Характеръ сей сохранилъ я подъ знаменами, и всегда оный удержалъ при себѣ. Чѣмъ болѣе любилъ я свободу, тѣмъ болѣе подвергалъ себя подчиненности. Я повышаемъ былъ чинами нарочито скоро, но постепенно, не отнимая ни у кого старшинства, и служилъ всегда моему Отечеству, не льстя правительственнымъ Комитетамъ."

„Достигнувъ до главноначальствованїя армїею, и когда побѣда препровела насъ до внутренности владѣнїй, непрїязненнымъ нацїямъ принадлежащихъ, я столько же ревностно старался внушить имъ уваженїе къ характеру Французской нацїи, какъ и учинить оружїе ея страшнымъ. Война, подъ моимъ предводитель-

ствомъ, была бичемъ на однихъ только поляхъ сраженія. Изъ средины опустошенныхъ своихъ полей непріятельскія націи и Державы отдавали мнѣ неоднократно сіе свидѣтельство. Поведеніе сіе почиталъ я столько же полезнымъ для нашихъ побѣдъ, какъ и для доставленія Франціи завоеваній. Даже и въ самое то время, когда правила совсѣмъ другаго рода сдерживали верьхъ въ правительственныхъ Комитетахъ, образъ поведенія моего не возбудилъ ни клеветы, ни гоненія на меня."

„Ни единожды не поднималась ни малѣйшая туча противъ военной славы, мною пріобрѣтенной, кромѣ какъ въ извѣстный день 18го Фруктидора. Тѣ, кои принимали участіе въ скорѣйшемъ наступленіи онаго, упрекали меня, что я слишкомъ медлителенъ былъ въ обвиненіи человѣка (*), въ которомъ я видѣлъ только сотрудника моего на ратномъ полѣ до того времени, когда неоспоримость дѣяній и доказательства могли бы обнаружить мнѣ, что онъ заслуживаетъ обвиненіе по самой истиннѣ, а не по несправедливому какому-либо подозрѣнію. Директорія, которая одна знала доста-

(*) Пишегрю.

точно всѣ обстоятельства моего поведенія, чтобъ судить о немъ приличнымъ образомъ, и которая, какъ всякому извѣстно, не была склонна щадить меня, объявила публично, что она не находитъ меня виновнымъ. Она препоручила мнѣ постъ, который хотя сначала не казался блистательнымъ, но послѣ учинился весьма важнымъ. Смѣю надѣяться, что нація не забыла еще, сколько я учинился достойнымъ довѣренности ея; она не забыла, съ какою преданностію сражался я въ Италіи, заступая подчиненные посты; она не забыла еще, какъ я, по претерпѣніи арміями нашими нещастій, возведенъ опять на главное начальство; она помнитъ, какъ я составлялъ два раза армію изъ разсѣянныхъ остатковъ, дѣлалъ возможный отпоръ непріятелямъ и потомъ получилъ важнѣйшій постъ."

„Въ сію эпоху жизни моей я не болѣе разположенъ былъ къ республиканской вольности, какъ и во всякое другое время; по наружности однакожъ казался я быть болѣе тому преданъ, и привлекъ тѣмъ на себя въ особенности вниманіе и довѣренность людей, кои находили себя въ положеніи дать Республикѣ новые обороты и новыя направленія. Мнѣ предлагали — сіе извѣстно всѣмъ и каждому — быть предводителемъ

нѣкоего предпріятія въ одинъ день, который могъ бы учиниться похожимъ на 18е Брюмера. Ежелибъ я былъ надмѣру честолюбивъ; то могъ бы прикрыть честолюбіе мое наружною личиною и даже придать ему новый блескъ всѣми чувствованіями любви къ Отечеству."

„Предложеніе сдѣлано мнѣ было отъ людей, прославившихся въ продолженіе революціи патріотизмомъ, а въ народныхъ нашихъ собраніяхъ талантами; но я отклонилъ оное. Я почиталъ себя назначеннымъ командовать арміями, а не управлять Республикою. Симъ, по моему мнѣнію, достаточно доказалъ я, что ежелибъ я и былъ честолюбивъ: то честолюбіе мое простиралось не до власти и могущества. Вскорѣ потомъ подтвердилъ я сіе еще болѣе."

„Наступило 18е Брюмера, и я находился тогда въ Парижѣ. Революція сія, произведенная другими, а не мною, не могла обезпокоивать моей совѣсти. Поелику оная управляема была Мужемъ, пріобрѣтшимъ себѣ великую славу: то я могъ ожидать отъ нея щастливыхъ послѣдствій. Я приступилъ къ подкрѣпленію сей революціи, между тѣмъ какъ другія партіи настояли, чтобъ я принялъ на себя званіе предводителя ихъ и изпровергъ

первую. Я рѣшился принять въ Парижѣ повелѣнія Генерала *Бонапарте*. Изполняя сныя, способствовалъ я возвести его на ту высокую степень власти, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ была необходимо нужна. Когда онъ черезъ нѣсколько времени послѣ того препоручилъ мнѣ главное начальство надъ Реинскою армїею: то принялъ я оное отъ него съ толикою же преданностїю, какъ бы изъ рукъ самой Республики. Военные успѣхи мои не были никогда такъ быстры и рѣшительны, какъ въ то время, когда блескъ ихъ разпространялся на правительство, которое теперь обвиняетъ меня."

„Возвратясь послѣ толикихъ побѣдъ, изъ коихъ самая величайшая была та, что миръ на твердой землѣ весьма прочно былъ обезпеченъ, воинъ слышалъ громкіе крики народной благодарности. Какая была тогда благопрїятная минута для заговора, ежелибъ такая мысль могла когда-либо занять мою душу! Всѣмъ извѣстна привязанность армїй къ Генераламъ, которыхъ онѣ любятъ, и которыми онѣ предводимы были отъ побѣды къ побѣдѣ. Честолюбецъ, заговорщикъ пропустилъ ли бы минуту, въ которую онъ, командуя прїобыкшею къ побѣдамъ армїею, до 100 тысячь человѣкъ простира-

ющеюся, возвратился къ націи, еще волненіями обуреваемой и всегда безпокойной въ разсужденіи правилъ своихъ и прочности оныхъ? Я занялся скорѣйшимъ разпущеніемъ арміи и возвратился къ спокойствію гражданской жизни."

„Въ семъ спокойствіи, которое было не безславно, пользовался я неоспоримою честію — тою честію, которую никакая человѣческая сила похитить у меня не можетъ — возпоминаніемъ о моихъ дѣлахъ, свидѣтельствомъ моей совѣсти, уваженіемъ моихъ согражданъ и иностранцовъ и, ежели смѣю сказать, лестнымъ и сладостнымъ предчувствованіемъ того сужденія, которое потомство сдѣлаетъ обо мнѣ. Я имѣлъ богатство, которое по тому только было велико, что желанія мои были весьма ограниченны, и что совѣсть моя ни мало меня за оное не упрекала. Я получалъ жалованье, какое производится Генераламъ въ мирное время, отъ службы не отставленнымъ. По истиннѣ, я доволенъ былъ моею участію; я, который ни чьей участи не завидовалъ! Семейство мое и друзья, кои были для меня по тому милѣе, что они не надѣялись получить что-либо чрезъ мое ходатайство, или заступленіе, и слѣдовательно привержены были ко мнѣ един-

ственно для самаго меня — всѣ сіи блага, единственно мною уважаемыя, изполняли мою душу, и когда въ оной не было уже мѣста ни для какого желанія, или честолюбія: то могла ли она быть отверста для достойныхъ наказанія замысловъ?"

„Такое положеніе души моей было всякому извѣстно; оно столько споручаемо было отдаленіемъ моимъ ото всѣхъ путей честолюбія, что, со времени Гогенлинденской побѣды до самаго арестованія меня, враги мои не могли ни отыскать, ни взвести на меня никакого преступленія, кромѣ вольности въ рѣчахъ моихъ. Рѣчи мои — не рѣдко были благопріятны дѣйствіямъ правительства; а ежели оныя иногда и не споспѣшествовали онымъ, то могъ ли я подумать, что вольность сія сочтется за преступленіе между нацією, которая многократно подтверждала формальными опредѣленіями свободу мыслей, рѣчей и книгопечатанія, и которая пользовалась оною въ большомъ пространствѣ даже и въ правительствованіе своихъ Королей?"

„Признаюсь, что я родился съ великою открытностію характера, и не могъ лишиться сей особенной свойственности (attribut) страны Франціи, въ которой

я родился, ни въ лагеряхъ, гдѣ все придаетъ ей новое паренїе, ни въ революцїи, которая безпрестанно требовала отъ всѣхъ таковой открытности, именуя ее добродѣтелїю человѣка и обязанностїю гражданина. Но и самые заговорщики осуждаютъ ли громогласно то, чего они не одобряютъ? Подобная открытность не совмѣстна съ таинствами и преступленїями Политики. Ежелибъ я хотѣлъ выдумывать планы для заговоровъ и производить оные въ дѣйство: то сокрылъ бы мои намѣренїя и сталъ бы искать чиновъ и должностей, которыя моглибъ меня опять поставить въ срединѣ нацїи. Для начертанїя себѣ таковаго ходу, имѣлъ я, за недостаткомъ политической остроты ума, каковою я никогда не хвалился, примѣры, извѣстные всему Свѣту, и которые ознаменовали себя щастливыми успѣхами. Я зналъ, что *Монкъ* не удалился отъ армїи, когда онъ захотѣлъ быть заговорщикомъ, и что *Кассїй* и *Брутъ* приближились къ Кесарю въ то время, когда они условились пронзить сердце его."

„Гражданскїя Власти! теперь нечего мнѣ уже вамъ болѣе говорить. Вотъ каковъ былъ мой характеръ и вся моя жизнь! Свидѣтельствуюсь предъ Небомъ и людьми

въ невинности и непорочности моего поведенія. Должности ваши извѣстны вамъ; Франція слушаетъ васъ; Европа взираетъ на васъ, а потомство ожидаетъ васъ!"

. . . . . .

Рѣчь сія произвела великое впечатлѣніе какъ на Судей, тамъ и на зрителей. Изъ сихъ послѣднихъ многіе проливали слезы, не смотря на учиненное въ самомъ началѣ сего слѣдствія весьма строгое запрещеніе, оказывать знаки удовольствія, или неудовольствія своего. Самые жандармы, стоявшіе на часахъ, отдали Генералу Моро честь въ то время, когда онъ выходилъ изъ присудствія и возвращался въ тюрьму; а за то всѣ они и арестованы. —

Въ будущемъ Нумерѣ *Вѣстника*, который не замедлитъ выходомъ, сообщимъ мы нѣкоторыя обстоятельства дальнѣйшаго и окончательнаго производства сего слѣдствія и приговоръ обо всѣхъ обвиненныхъ; а между тѣмъ предваримъ Читателей, что *Моро приговоренъ просидѣть два года подъ арестомъ въ загородномъ своемъ домѣ не подалеку отъ Парижа.*

II.

Новыя изобрѣтенія.

Растительный составъ, для поливанія зимою въ комнатахъ луковыхъ цвѣтовъ, чтобъ принудить ихъ цвѣсть гораздо ранѣе обыкновеннаго.

Возьмите 24 золотника селитры, 8 золотниковъ кубической селитры (*), 4 золотника поташу, 4 золотника сахару и фунтъ дождевой или снѣжной воды.

Наливъ воду въ глиняной муравленой горшокъ, всыпьте туда помянутыя соли и поставьте въ вольной духъ, чтобъ разпустились, потомъ положите сахаръ и процѣдите.

Сего состава подбавляется отъ 8 до 10 капель въ дождевую или рѣчную воду, наливаемую въ склянки, въ которыя сажаютъ цвѣтныя луковицы. Сіи склянки должны быть всегда полны; вода въ нихъ перемѣняется всякіе 10 или 12 дней, и каждой разъ подбавляется въ нее означенное количество состава. Склянки же съ цвѣтами надлежитъ ставить на карнизы печей или каминовъ, которые топятся ежедневно.

(*) Кубическая селитра составляется отъ смѣшенія селитряной кислоты съ минеральною, или морскою щелочною солью.

Сей же самый составъ, смѣшанный въ помянутомъ количествѣ съ простою водою, съ пользою употребляется для поливанія какъ луковыхъ, такъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ въ горшкахъ: отъ сего они скорѣе будутъ цвѣсти. Хорошо также наливать сей смѣси въ поддонки, на которые ставятся горшки, чтобъ сохранилась въ землѣ нужная для растеній влажность.

Простое и весьма легкое средство превращать въ однѣ сутки всякія негодныя травы въ добрый навозъ.

Земледѣльцы не безъ причины жалуются на великое множество безполезныхъ и вредныхъ растеній, заглушающихъ пашни и подавляющихъ сѣемый хлѣбъ, уменьшая знатно урожай онаго. Я надѣюсь оказать имъ важную услугу, сообщивъ средство употреблять сіи вредныя травы на удобреніе земли, вмѣсто лучшаго навоза, въ которомъ во многихъ мѣстахъ бываетъ большой недостатокъ. Способъ, мною употребляемый, весьма простъ и всюду удобоизполнителенъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Накладите слой недавно скошенной, или выполотой травы, которая еще не

высохла, толщиною на одинъ футъ, или нѣсколько менѣе; насыпьте на нее весьма тонкой слой негашеной извести, истертой въ порошокъ, и продолжайте класть сіи слои въ предписанномъ порядкѣ, сколько за благо разсудится. Черезъ нѣсколько часовъ известь начнетъ такъ сильно дѣйствовать, что, для предупрежденія возгорѣнія, должно набросать на сію массу нѣсколько глыбъ земли, или прикрыть ее травою. Черезъ сутки сія смѣсь превратится въ золу, которая будетъ имѣть всѣ свойства самаго лучшаго навоза. Всѣ растенія годятся на сіе употребленіе, лишь бы только были онѣ свѣжи, что необходимо нужно.

Дешевый способъ, дѣлать свинцовыя бѣлила, превосходящія добротою обыкновенныя.

Вмѣсто того, чтобъ вѣшать свинецъ въ горшки, наливая на дно уксусу и зарывая ихъ въ навозъ, какъ то обыкновенно дѣлается, должно взять глёту, (*Litharginum*), изтереть его въ мѣльчайшій порошокъ съ соленою водою, стирать и перемывать оною до тѣхъ поръ, пока сдѣлаются бѣлила, которыя будутъ отмѣнной доброты.

Новѣйшее и дѣйствительнѣйшее лѣкарство отъ плоскихъ глистовъ.

Возьмите чистѣйшаго Малакскаго олова, приведеннаго въ порошокъ посредствомъ терпуга, а потомъ толченіемъ въ иготи, двѣ драхмы. Каждый пріемъ долженъ состоять изъ полудрахмы, по утрамъ на тощакъ, въ облаткѣ или въ чемъ-нибудь иномъ; запивать стаканомъ настойки изъ папоротника.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ 1804.

№ 12.

ЛИТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Валерія.

(Окончаніе. См. No 10й, стран. 114.)

Черезъ полчаса Валерія очувствовалась: ей слышался еще страшный звукъ оружія и грозный топотъ сражающихся соперниковъ; но вскорѣ увидѣвъ, что она была одна, устрашилась сего уединенія и глубокаго молчанія.... Наконецъ, когда мысли ея пришли въ нѣкоторой порядокъ, она сказала: „Боже мой! что съ ними сдѣлалось? . . . кто освободилъ меня отъ узъ моихъ?“ Произнеся сіи слова, она затрепетала, подумавъ, что Боманнуара не было уже на свѣтѣ. . . . Изнуренная усталостію и объятая ужасомъ, колебалась между желаніемъ позвать сво-

ихъ женщинъ и смертельнымъ страхомъ удостовѣриться въ плачевномъ произшествіи, которому неизбѣжно послѣдовать надлежало! . . . . Наконецъ рѣшилась она позвонить и, поднявъ руку, чтобъ достать снурокъ отъ колокольчика, нашла только лоскутъ обгорѣвшаго занавѣса. У нее осталось весьма слабое и смѣшенное возпоминаніе о произшедшемъ пожарѣ; и сіе приключеніе не иначе ей тогда представилось, какъ покушеніемъ на жизнь ея. „Онъ хотѣлъ сжечь меня!“ сказала она: „ахъ! удалимся отъ этаго страшнаго жилища! . . . .“ При сихъ словахъ сдѣлала она усиліе, чтобъ встать, но, чувствуя крайнее изнеможеніе, сѣла опять на постелю. Взглянувъ на стѣну, Валерія содрогнулась, увидя кровавое начертаніе.... Она не читала его, но узнала лютую руку мести. . . . . „Онъ живъ! вскричала она: нещастный Адельмаръ!. . . .“ Сказавъ сіе, потупила въ землю глаза, наполненные слезами . . . . . Волосы у нее стали дыбомъ: она видитъ въ десяти шагахъ отъ себя трупъ Адельмаровъ, плавающій въ крови, и каменѣетъ отъ сего ужаснаго зрѣлища. Казалось, что желѣзная рука удерживаетъ ее, что могущественная враждебная власть простерла надъ нею всю непобѣдимую силу свою и

приковала ее по смерть къ сему плачевному и страшному мѣсту! . . . . Однакожь она видитъ, мыслитъ, дышетъ, сохраняетъ все свое существованіе; она подобна нещастливцамъ, преданнымъ всѣмъ жестокимъ изтязаніямъ лютѣйшей казни, но которымъ самый даже избытокъ мученій препятствуетъ лишиться памяти и чувствъ! . . . Проводивъ нѣсколько минутъ въ семъ неизъяснимомъ страданіи, сдѣлала она невѣроятное почти усиліе для освобожденія своего: встала, пошла, шатаясь, и съ ужасомъ вскричала, увидя текущую по полу кровь, которую надлежало попирать ей ногами, чтобъ дойти до двери; силы оставляютъ ее: она поскользнулась и упала между тѣломъ Адельмаровымъ и горящимъ ночникомъ, которой погасъ отъ сего потрясенія. . . . Среди сей глубокой тьмы, чувствуетъ она сквозь тонкаго своего кисейнаго платья влажную свѣжесть. . . . „Великій Боже!“ вскричала она: „я обагрена его кровью! . . . . Чтожь препятствуетъ мнѣ умереть? . . .“ . До сей минуты ужасъ заглушалъ въ ней чувствительность; но облитая кровью любовника своего, кровью, которую она пролить заставила, горесть въ свою очередь уничтожила почти весь страхъ. . . .

Ничто не придаетъ столько смѣлости, какъ безмѣрное отчаянїе. Тотъ способенъ на все отважиться, кто столько нещастливъ, что желаетъ смерти, и въ то же время почитаетъ ее неизбѣжною, или близкою. . . . „Постой, Адельмаръ! вскричала Валерїя: постой! я иду къ тебѣ! лютый убїйца твой хотѣлъ соединить насъ, оставя меня здѣсь; ему не нужно было прибѣгать къ желѣзу, или яду: надлежало только представить тебя глазамъ моимъ, лишеннаго жизни!... Благословляю жестокость его! Предать меня на жертву смерти, есть то же, что предать тебѣ! я только во гробъ могла за тобою слѣдовать! . ... . Ты уже не существуешь; я умираю — и при послѣднемъ моемъ издыханїи, по крайней мѣрѣ имѣю ту горестную отраду, что могу смѣшать слезы мои съ твоею кровью. Послѣднїй вздохъ мой вскорѣ за твоимъ послѣдуетъ. . . .“ Произнеся сїи слова прерывающимся голосомъ, чувствуетъ она, что хладъ смерти быстро разливался по ея жиламъ; сердце ея, убитое, разтерзанное, переставало трепетать: она думала уже, что ея послѣдняя минута наступила, какъ вдругъ слышитъ близь себя томное стенанїе. . . . Валерїя подумала сначала, что это ей мечта-

лось; но суевѣрный страхъ овладѣлъ воображенїемъ ея, и въ то же время слабая надежда начала преодолѣвать сей новый ужасъ. . . . Она усугубляетъ вниманїе, и скоро глухой, но довольно внятной стонъ поражаетъ слухъ ея. Мысль, что Адельмаръ не умеръ, разсѣяла тогда всѣ прочїя. „Боже мой! вскричала она: я не обманываюсь: онъ еще дышетъ, онъ страдаетъ! . . . Адельмаръ! я здѣсь. Адельмаръ! Валерїя желала умереть подлѣ тебя; теперь хочетъ жить, чтобъ помочь тебѣ, чтобъ тебя спасти. . . . Ахъ! отвѣтствуй мнѣ! . . . .“ Сказавъ сїе, Валерїя умолкла; но не взирая на все вниманїе, ничего болѣе не слыхала. Сїе глубокое гробовое безмолвїе кажется ей нѣмымъ глаголомъ смерти! . . . . Она не смѣетъ болѣе говорить, смыкаетъ утомленные глаза, боясь увидѣть страшное зрѣлище: холодный потъ обливаетъ лицо ея. Въ сїю минуту чувствуетъ она легкое прикосновенїе. . . . Объятая ужасомъ, хочетъ удалиться; но ее удерживаютъ за платье и слѣдуютъ за нею, стеная . . . . . Она покушается отворить дверь, но находитъ ее запертою, и упадаетъ на полъ почти мертвая! . . . Черезъ нѣсколько минутъ первые лучи возходящаго солнца освѣтили комнату.

Валерїя узнала тогда причину послѣдняго своего страха: увидѣла раненаго голубка, которой приползъ умирать къ ногамъ ея! . . . . Тогда Валерїя, будучи въ немногихъ шагахъ отъ окна, бросилась къ нему стремглавъ, отворила его, привязала поясъ свой къ балкону и опустилась на сей слабой подпорѣ, которая однакожь не порвалась, но не доставала до земли на двѣ сажени. Валерїя, отвязавъ поясъ, упала съ сей высоты въ садъ, но, будучи чрезвычайно легка, не ушиблась: она встала, и не имѣя инаго намѣренїя, кромѣ того, чтобъ уйти изъ Замка, нашла въ себѣ довольно силы, чтобъ бѣжать. Черезъ самой этотъ садъ вошелъ къ ней Адельмаръ; онъ оставилъ калитку не затворенною: Валерїя бросилась въ нее и ушла въ лѣсъ. Долго бродила она тамъ безъ всякой цѣли: чрезмѣрное смятенїе не дозволило ей избрать пути, и она помышляла единственно о томъ, чтобъ удалиться отъ Замка. Черезъ часъ увидѣла она при выходѣ изъ лѣсу уединенный домъ Священника, въ шести стахъ шагахъ отъ деревни, и близь онаго церковь, на холмѣ построенную. Валерїя, взглянувъ на церковь, ощутила особливое нѣкоторое впечатлѣнїе и задрожала. Отвративъ лице, пошла она

къ дому и постучалась у воротъ, ибо не могла болѣе продолжать пути и едва стояла на ногахъ. Старая служанка отперла ворота и вскричала отъ чрезвѣрнаго изумленія и страха, увидя молодую госпожу Замка одну, въ такое необыкновенное время, разтрепанную, въ изодранной, окровавленной одеждѣ и съ отчаяніемъ на лицѣ. „Спрячьте меня! спрячьте!“ сказала Валерія, вбѣжавъ на дворъ. . . . Устрашенная служанка проводила ее въ залу, гдѣ находился почтенный Священникъ, которой, увидя ее, отступилъ назадъ отъ удивленія и подумалъ, что она ушла отъ разбойниковъ. . . „Такъ! сказала Валерія: сдѣлалось смертоубійство.“ . . . — Смертоубійство? . . . — „Да, вы видите эту кровь? . . .“ — Продолжайте. — „Эта кровь его. . . . я его умертвила! . . . Ахъ! спрячьте меня! . . .“ — Ради Бога, изъяснитесь! . . . — „Я его умертвила! . . .“ При сихъ словахъ Пасторъ сдѣлался недвижимъ отъ ужаса; но вскорѣ пришедъ въ себя, вспомнилъ о тихости, человѣколюбіи и робости той, съ которой говорилъ и не могъ повѣрить словамъ ея. Онъ посадилъ ее на креслы, далъ ей выпить не много вина и понюхать уксусу; потомъ, выславъ служанку, началъ вопрошать ее ласково

и подробно, и, не смотря на безпорядокъ и запутанность ея отвѣтовъ, узналъ совершенно ужасную истинну. При концѣ сего допроса, который продолжался нѣсколько минутъ, Валерія въ первой еще разъ со времени плачевныхъ произшествій вспомнила о своей дочери „Дочь моя!“ вскричала она голосомъ, выражающимъ сильнѣйшую горесть: „дочь моя! въ какихъ рукахъ я тебя оставила! . . . Ахъ! скорѣе соглашусь тысячу разъ умереть, нежели съ нею разлучиться! Возвратимся въ Замокъ; я хочу видѣть дочь свою . . .“ Священникъ противился сему намѣренію: Валерія его не слушала. „Онъ, можетъ быть, убьетъ ее, повторяла она, проливая слезы: ахъ! проводите меня въ Замокъ! . . . сжальтесь надо мною; я хочу видѣть дочь мою!“ Говоря такимъ образомъ, покушалась она уйти; но слабыя, опухшія ноги не могли ее держать: она упала на руки къ Священнику, которой наконецъ уговорилъ ее остаться, обѣщавъ сходить самъ немедленно въ Замокъ, увидѣть дочь ея, поговорить съ Бомануаромъ и возвратиться непремѣнно черезъ три часа. Валерія согласилась отпустить его. Жестокая горячка овладѣла ею. Священникъ велѣлъ положить ее въ постелю,

и возвратясь изъ Замка, нашелъ ее въ палящемъ жару, соединенномъ съ ужаснымъ бредомъ. Два дни пробыла она въ семъ жалостномъ состоянiи; нѣжныя попеченiя Священника возвратили ей жизнь и съ нею всѣ прежнiя горести. Когда пришла она въ совершенную память, онъ успокоилъ ее въ разсужденiи дочери; но сообщилъ ей, что Бомануаръ былъ очень боленъ отъ своей раны: и дѣйствительно онъ находился болѣе трехъ недѣль при смерти. Валерiя провела все это время въ домѣ Священника, потому что Бомануаръ приказалъ ей тамъ остаться; но Пасторъ ходилъ почти ежедневно въ Замокъ, освѣдомляться объ Эмилѣ. Наученная и подкрѣпленная совѣтами достойнаго своего Пастыря, безутѣшная Валерiя повергласъ въ объятiя Религiи; преступная склонность ея къ Адельмару совершенно истребилась: мѣсто ея заступило одно только вѣчное угрызенiе совѣсти за причиненную ему смерть и непреодолимое омерзенiе къ Бомануару. Священникъ не почиталъ себя обязаннымъ возбуждать ея разкаянiя: напротивъ онъ поставлялъ долгомъ умѣрять жестокость онаго. „Отецъ мой! говорила ему Валерiя: я подала поводъ къ кровопролитiю, приключила смерть нещастному и, можетъ

быть, еще стану укорять себя смертїю мужа моего: какїя неизгладимыя преступленїя!.... Женщины самыя разпутныя, самыя презрѣнныя не причиняли никогда подобныхъ нещастїй!....“ Такъ, отвѣчалъ Священникъ: но онѣ безпрестанно подвергаются приключать ихъ. Таковы бѣдственныя слѣдствїя беззаконной связи; невѣрная супруга не иначе можетъ избѣгнуть оныхъ, какъ посредствомъ лживости и двоедушїя: однакожь, не взирая на всѣ ея хитрости, нечаянный случай можетъ легко предать ее; но каково бы ни было ея щастїе, Богъ нѣкогда потребуетъ у нее отчета, не только въ причиненномъ самою ею злѣ, но и въ томъ, котораго сдѣлаться причиною она добровольно себя подвергала. Что касается до тебя, дочь моя, будь спокойна! Преступное чувствїе, вкравшееся въ сердце твое, не замарало тебя. Юность твоя и неопытность послужатъ тебѣ извиненїемъ передъ благимъ Богомъ: но проступокъ, учиненный тобою, имѣлъ толь бѣдственныя слѣдствїя, что ты не иначе можешь его загладить, какъ безпорочнѣйшимъ и примѣрнымъ поведенїемъ.

Между тѣмъ Бомануаръ освободился отъ болѣзни. Онъ ужаснулъ Пастора, сообщивъ ему подробно планъ страннаго по-

каянія, которому намѣревался подвергнуть Валерію, и которое долженствовало продолжаться пять лѣтъ. Онъ объявилъ, что Валерія проведетъ все сіе время въ отдѣленныхъ отъ Замка покояхъ, изъ которыхъ будетъ выходить только въ особенный садикъ, и что никому не дозволитъ онъ посѣщать ее, кромѣ Священника. Бомануаръ примолвилъ, что поелику лишилась она всѣхъ правъ матери и супруги, то будетъ видаться съ дочерью своею только на одну минуту по утрамъ и вечерамъ; что ей дозволено будетъ обнять ее и немедленно опять идти, не говоря ни слова; что сверьхъ того нещастная Валерія должна будетъ каждой вечеръ приходить къ ужину Бомануара, наблюдая глубокое молчаніе, и слѣдуя обряду, имъ изобрѣтенному, наконецъ обязана она будетъ пить изъ роковой чаши, для приведенія на память нещастія своего и мщенія супруга. Добрый Пасторъ тщетно вооружался противъ жестокости сихъ условій и стыда являться передъ чужими людьми въ такомъ унизительномъ положеніи. Проступокъ ея, сказалъ Бомануаръ, надѣлалъ много шуму; надобно, чтобъ и заглажденіе онаго было явно. Сверхъ того, примолвилъ онъ, я оставилъ ей все достоинство добро-

вольнаго покаянія, которое одно только можетъ возвратить ей честь; она властна принять его или отказаться. Въ послѣднемъ случаѣ никогда не увидитъ она дочери своей; но я опредѣлю ей пристойное содержаніе на всю жизнь, и дозволю избрать жилище, гдѣ она захочетъ, только не въ одномъ мѣстѣ со мною. Я хочу очистить ее разкаяніемъ — наказать, а не мучить. Естьли покорясь безотговорочно предписаннымъ мною условіямъ, найдетъ она ихъ въ послѣдствіи несносными; естьли даже черезъ нѣсколько мѣсяцовъ пожелаетъ избавиться отъ оныхъ, я не стану ее удерживать, дамъ ей денегъ, лошадей и отпущу, куда будетъ ей угодно; но поступокъ, хотя мало противный договору нашему, разлучитъ насъ навѣки и лишитъ ее дочери. По прошествіи пяти лѣтъ, назначаемыхъ мною для ея покаянія, возвращу ей всѣ права надъ моимъ сердцемъ и домомъ; прошедшее будетъ предано вѣчному забвенію. Такова есть непремѣнная моя воля!

Священникъ сколько ни старался доказывать, что ужасное мщеніе, совершенное надъ нещастною Валеріею въ ночь поединка, стоило многолѣтняго строгаго покаянія; но Боманауръ пребылъ неумолимымъ. Въ эту страшную ночь ото-

мстилъ онъ съ неистовствомъ звѣрскаго изступленія: онъ дѣйствовалъ для удовлетворенія ненависти своей и гнѣва, теперь началъ дѣйствовать для свѣта; онъ хотѣлъ прославить Валерію неслыханнымъ ея покаяніемъ; гордость его не иначе могла рѣшиться простить ее, какъ публично. Сверхъ того онъ любилъ свѣтъ и блескъ; драматическая эпитимія, выдуманная имъ, казалась ему выспреннимъ изобрѣтеніемъ, и онъ столько къ ней привязался, какъ Сочинитель къ плану лучшей своей театральной піесы. Валерія не столько устрашилась покаянія, сколько прощенія, которому надлежало быть слѣдствіемъ онаго. Она ласкала себя надеждою, что Боманyаръ никогда больше ее не увидитъ и дозволитъ ей удалиться въ монастырь съ дочерью, которую стали бы воспитывать монахини. Одна вещь въ налагаемомъ на нее покаяніи жестоко ее огорчала: это было строгое предписаніе видаться съ Эммою не болѣе, какъ по нѣскольку минутъ въ сутки, и не отвѣтствовать на ея вопросы, когда сей младенецъ начнетъ разумѣть и говорить. Однакожь Валерія ни мало не колебалась и безъ роптанія покорилась участи своей; ибо симъ однимъ средствомъ могла сохранить дочь свою. Она возвратилась съ

Пасторомъ въ ненавистный Замокъ. При входѣ сдѣлалось ей очень дурно; но къ ней принесли маленькую Эмму, и она забыла на нѣсколько минутъ всѣ свои бѣдствія, прижимая къ груди своей обожаемаго младенца. Одна старуха, преданная Бомануару, принесла ей черное шерстяное платье, объявивъ, что во всѣ пять лѣтъ это будетъ единственная одежда ея. „Она мнѣ очень прилична, сказала Валерія, и я не желаю никогда имѣть другой.“ Новое жилище ея было ничто иное, какъ башня, служившая до того тюрьмою; Бомануаръ приказалъ убрать ее просто, но со вкусомъ. Ей отдали ключи отъ башни и не приняли никакихъ предосторожностей, для отвращенія ея побѣга. Ей приказали выходить всегда подъ покрываломъ, и прогуливаться только по большому двору и особливому саду, обнесенному низкою оградою, съ калиткою въ поле, отъ которой дали ей также ключь, съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобъ предоставить ей всѣ удобности къ освобожденію, естьли вздумаетъ она уйти изъ Замка. Валерія не принимала сего ключа; но его не хотѣли взять назадъ, и она положила его на каминъ въ своей комнатѣ, гдѣ и понынѣ онъ находится. Первый вечеръ былъ для нея въ особливости

ужасенъ: надлежало подвергнуться стыду — явиться къ ужину, и страху — видѣть Бомануара. Священникъ пришелъ къ ней, чтобъ ободрить совѣтами: она слушала его съ обыкновенною своею кротостію; потомъ, ставъ передъ нимъ на колѣна, просила благословенія и, получивъ оное, сказала: „Боже мой! покоряюсь отъ всей души налагаемому на меня толь странному наказанію! Да возможетъ оно загладить мои проступки; да возможетъ, унизивъ меня передъ свѣтомъ, возвысить предъ Тобою! О мой Боже! будь покровителемъ дочери моей! . . . . Для Тебя и для нее подвергаюсь сему уничиженію . . .". Старая надзирательница пришла за нею, чтобъ вести къ ужину, напомнивъ ей обрядъ, которой наблюдать ей было предписано. Всѣ служители, встрѣчавшіеся съ нею, горько плакали, ибо она заставляла ихъ обожать себя за тихость и милостивое обхожденіе . . . Пришедъ въ столовую, Валерія проливала слезы; но источникъ ихъ вдругъ изсякъ, когда услышала она грозный Бомануаровъ голосъ, и едва не упала въ обморокъ. Она потупила глаза, и тѣмъ избавила себя отъ ужаса видѣть жестокаго своего мужа. Валерія сѣла за столъ . . . и — затрепетала, когда Бомануаръ приказалъ ей

пить. Ей прежде уже описали роковую чашу: она взяла ее съ судорожнымъ дрожанїемъ; но, поднеся къ устамъ, лишилась чувствъ, и ее вынесли изъ залы. Таковъ былъ первый вечеръ! На другой день Валерїя съ новымъ удовольствїемъ увидѣла дочь свою: для нее она страдала. Всѣ сосѣди Боманyаровы неголовали на его жестокосердїе; но тщетно старались отвратить его отъ принятаго намѣренїя. Всѣ Благородныя женщины здѣшней Провинцїи, тронутыя жребїемъ Валерїи и, можетъ быть, устрашенныя такимъ строгимъ примѣромъ, съѣхались въ Замокъ, ходатайствовать въ пользу юной нещастливицы. Сей поступокъ, возобновляемый ими ежегодно, остался безплоднымъ, и съ того времени ни одна Дама сюда не прїѣзжала: онѣ всѣ отказывались отъ Боманyаровыхъ приглашенїй, и даже когда онъ обѣдаетъ у сосѣдей, женщины къ нему не выходятъ и оставляютъ его съ мужьями своими, не желая видѣть такого варвара. Многїя покушались видѣться тайно съ Валерїею, или по крайней мѣрѣ имѣть съ нею переписку; но она не принимала посѣщенїй, а письма, не разпечатывая, отдавала Священнику. Боманyаръ не забылъ украсить уединеннаго ея жилища: садъ ея

былъ наполненъ цвѣтами, и въ немъ находился прекрасной птичникъ; но бѣдственное письмо было положено ею въ цвѣточный ящикъ, а птицы напоминали ей умирающаго ея голубка. „Увы! говорила она сама въ себѣ: сіи кроткіе предметы слишкомъ живо напоминаютъ мнѣ мое преступленіе и страданія, мною претерпѣнныя; я такъ виновна и нещастлива, что впредь никакими забавами не могу наслаждаться; даже самыя невиннѣйшія изъ нихъ возпрещены мнѣ! . . .“ Она отворила птичникъ и возвратила птицамъ свободу; велѣла выдергать всѣ цвѣты и на мѣсто ихъ посадить одни только печальные кипарисы. Между тѣмъ Пасторъ, желая примирить ее съ сею непорочною склонностію, которая могла нѣсколько усладить горестное ея состояніе, усильно просилъ ее, принять трудъ, насадить только двѣ гряды цвѣтовъ, для украшенія въ праздничные дни храма. Сія побудительная причина скоро преодолѣла все ея нехотѣніе. Всякой мѣсяцъ изправно получала она большую денежную сумму на свое содержаніе, но употребляла почти все на милостыню, а остальное отдавала въ церковь, которой всѣ украшенія были ея работы. Сіи благочестивыя упражненія, молитва, чтеніе и разговоры

Священника занимали всѣ ея минуты; лучшїе дни юности ея, помрачаемые ужаснымъ возпоминанїемъ, но озаренные свѣтомъ добродѣтели и разкаянїя, текли по крайней мѣрѣ безъ грозныхъ тучь и безъ скуки въ семъ уединенїи. Она имѣла къ Священнику столько же приверженности, сколько почтенїя: трогательныя наставленїя, отеческїе совѣты достойнаго сего Пастыря, возвратили ей бодрость духа; она познала всю выспренность Евангельской Морали, толико трогательной для чувствительныхъ душъ, только утѣшительной для грѣшниковъ! Но Валерїина ненависть къ Бомануару долго отравляла сладость, въ благочестїи находимую. Дочь моя! говорилъ ей Священникъ: надобно ему простить, надобно любить его! ... — „Ахъ, отецъ мой! онъ такъ жестокосердъ!...“ — Ты перемѣнишь его; старайся только прїобрѣсти совершенно добродѣтель, и ты сообщишь ее своему супругу. Въ глазахъ Религїи нѣтъ несовмѣстныхъ браковъ, потому что съ терпѣнїемъ и благочестїемъ съ одной стороны могутъ изправиться самые противные одинъ другому характеры. Богъ — не сомнѣвайся въ этомъ — предоставляетъ тебѣ славу перемѣнить нравъ твоего мужа; ты возторжествуешь надъ гор-

достїю его, смягчишь ожесточенное его сердце, и побѣда твоя, дѣянїе твое, будутъ тебѣ милы. — Сїя мысль произвела сильное впечатлѣнїе надъ сердцемъ Валерїи, и она скоро перестала ненавидѣть Бомануара, изгнавъ изъ воображенїя своего настоящїя его свойства и представляя себѣ его такимъ, каковымъ будетъ онъ со временемъ, то есть, совершенно изправившимся. Священникъ подкрѣплялъ сїи щастливыя разположенїя, увѣряя Валерїю, что Бомануаръ отчасу болѣе прилѣплялся къ дочери своей. „О! естьли онъ будетъ любить Эмму, сказала она, то безъ сомнѣнїя сдѣлается добрымъ!...“ Пасторъ всячески старался выхвалять Бомануару поведенїе Валерїи. Можетъ быть и удалось бы ему сократить время ея покаянїя, естьли бы не помѣшалъ одинъ неосторожный Рыцарь, которой въ первые мѣсяцы добровольнаго заточенїя Валерїи, увидя сїю нещастную за торжественнымъ ужиномъ Бомануара, вздумалъ, по выходѣ ея, просить объ ней; но, получивъ отказъ, обиднѣйшими словами жестоко оскорбилъ Бомануара, который вызвалъ на поединокъ и опасно ранилъ неискуснаго защитника Валерїи. Въ тотъ же самый годъ выдержалъ онъ за нее еще два сраженїя, что сдѣлало его

совершенно непреклоннымъ въ разсужденіи нещастной его жены; ибо ему вселилось въ голову, что могутъ почесть его снизхожденіе и великодушіе за боязнь подвергнуться новымъ поединкамъ. Такимъ образомъ самое даже сожалѣніе, внушаемое Валеріею, вмѣсто пользы, обратилось ей во вредъ. Сія нѣжная мать тогда только познала всю жестокость наложеннаго на нее покаянія, когда дочь ея достигла того возраста, въ которомъ дѣти начинаютъ чувствовать и говорить. Будучи лишена свободы отвѣтствовать ей, не имѣя дозволенія быть съ нею болѣе двухъ или трехъ минутъ въ сутки, чувствовала она несказанное мученіе. Малютка съ своей стороны, не взирая на молодость и возхитительную красоту матери своей, боялась ея молчанія, чернаго платья и всегдашнихъ слезъ. Сіе впечатлѣніе было такъ сильно въ продолженіе многихъ мѣсяцовъ, что печальная Валерія почитала его отвращеніемъ; но въ послѣдствіи дѣвочка, тронутая выразительною нѣжностію материнской ласки, перестала кричать, и плакала уже отъ одной чувствительности. Часто терзала она сердце бѣдной Валеріи, лаская и какъ будто желая утѣшить ее, и прося неотступно отвѣтствовать ей;

особливо за полгода передъ симъ, эта дѣвочка, имѣя только пять лѣтъ отъ роду, такъ привязалась къ своей таинственной и безмолвной матери, что сдѣлалась задумчивою; и это могло бы имѣть опасныя слѣдствія въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ, естьли бы продолжилось еще нѣсколько времени. Когда приводятъ ее къ матери, она приноситъ и отдаетъ все, что имѣетъ лучшаго, но не говоритъ уже съ нею, а только обнимаетъ, заливаясь слезами — и должно прибѣгать къ насилію, чтобъ изторгнуть ее изъ материнскихъ объятій.

Теперь, продолжалъ Монтобанъ, остается мнѣ сообщить тебѣ только то, что лично до меня касается. Когда пріѣхалъ я въ здѣшнюю Провинцію, Валерія была уже два года въ заточеніи. Бомануаръ въ самое это время вызвалъ на поединокъ Агличанина Брембо. Я немедленно сталъ просить, чтобъ меня помѣстили въ число 30 Рыцарей, которымъ надлежало сражаться съ Агличанами: я получилъ эту лестную милость. Бомануаръ былъ единогласно избранъ нашимъ начальникомъ и показалъ себя достойнымъ такого отличія. Мы посрамили гордость Агличанъ. Бомануаръ пригласилъ къ себѣ на ужинъ многочисленное собраніе: я былъ въ томъ же числѣ. Мнѣ чрезвычайно

хотѣлось видѣть Валерїю, и я твердо рѣшился не говорить ни слова въ ея пользу, чтобъ не увеличить страданїя нещастной. Но когда увидѣлъ ее, то не возможно было мнѣ устоять въ принятомъ намѣренїи. Однакожъ я ждалъ, чтобъ она вышла, и тогда всталъ съ мѣста своего. Чего ты хочешь? спросилъ у меня Бомануаръ. Хочу, отвѣчалъ я, изтребить ненавистный памятникъ безпримѣрнаго варварства. Сказавъ это, схватилъ я чашу. Бомануаръ съ бѣшенствомъ вырвалъ ее изъ рукъ моихъ. Бомануаръ! вскричалъ я: презираю храбрость твою, когда присоединяется она къ такому звѣрству. — Благословляй законы гостепрїимства, сказалъ Бомануаръ: я не наказываю грубїяновъ, которыхъ приглашаю къ столу своему, но завтра мы повидаемся въ другомъ мѣстѣ. Твой столъ, отвѣчалъ я, есть столъ человѣкоядца, лютаго Каннибала; ты для того только зовешь гостей, чтобъ ругаться надъ ними, представляя имъ съ глупою гордостїю самое оскорбительное зрѣлище. Этого уже слишкомъ много! сказалъ Бомануаръ: выдемъ отсюда, и на ближнемъ лугу подтверди мнѣ свою дерзость съ мечемъ въ рукѣ. — Охотно, отвѣчалъ я: но будь увѣренъ, что уваженїе мое къ тебѣ не при-

бавится, естьли ты и побѣдишь меня. Всѣ прочїе Рыцари окружили насъ, представляя, чтобъ по крайней мѣрѣ дождались мы дня. Бомануаръ отвѣчалъ, что для мщенїя всегда довольно свѣтло — и мы вышли. Онъ приказалъ людямъ своимъ идти за нами съ зажженными факелами. Не взирая на труды, понесенные нами въ тотъ день, сражались мы очень долго съ величайшею запальчивостїю. Я не получилъ ни одной раны, и нанесъ толь сильной ударъ Бомануару, что онъ, залившись кровью, упалъ навзничь, и мы почитали уже его мертвымъ. Наши общїе прїятели помирили насъ въ послѣдствїи; но я никакъ не могъ принудить себя ѣздить къ нему, и нынѣ прїѣхалъ только за тѣмъ, чтобъ быть свидѣтелемъ истребленїя ужасной чаши, въ которую бѣдная Валерїя пролила столько слезъ; но не смотря на милосердїе, въ которое облекается теперь неумолимый Бомануаръ, я бы охотно еще разъ вышелъ съ нимъ на поединокъ. Мысль, что завтра станетъ онъ себя почитать великодушнѣйшимъ изъ смертныхъ, мнѣ несносна. Отъ Валерїи тщательно скрываютъ всѣ поединки, за нее произшедшїе. Ангелъ хранитель ея, почтенный Священникъ,

принялъ всѣ нужныя мѣры для утаенія отъ нея оныхъ. —

Здѣсь Монтобанъ кончилъ свою повѣсть. Юный Генрихъ Клермонъ, слушавшій оную съ живѣйшимъ участіемъ, сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ о Валеріи, и съ удовольствіемъ услышалъ, что примиреніе супруговъ будетъ произходить не въ Замкѣ, которой приводилъ ей на память толь горестныя произшествія. Во время покаянія Валеріи, Боманнуаръ построилъ за четверть мили отъ Замка прекрасной и великолѣпной домъ, въ которомъ разполагался впредь жить. Валерія не знала сего обстоятельства; ей готовили пріятное удивленіе: Боманнуаръ вознамѣрился оставить навсегда старой Замокъ, которой съ сей поры долженствовалъ быть только охотничьимъ домомъ. Два Рыцаря, продолжая разговаривать о Валеріи, заснули не задолго до наступленія дня.

Въ слѣдующее утро Валерія, проснувшись, съ возторгомъ вспомнила о своей дочери. „Наконецъ будетъ мнѣ сего дня дозволено, сказала она, говорить съ нею, отвѣчать на ея вопросы, держать ее на колѣняхъ; никто уже теперь не изторгнетъ ее изъ моихъ объятій! . . . .“

Въ восемь часовъ по утру четыре молодыя горничныя вошли къ Валерїи: онѣ принесли богатое платье изъ золотой парчи и ларчикъ съ драгоцѣнными камнями. Валерїя, изъ одного только послушанїя, дозволила нарядить себя великолѣпно; она занималась единственно Эммою и безпрестанно объ ней твердила. Когда она совсѣмъ одѣлась, вошелъ Священникъ. Радость живо изображалась на почтенномъ его челѣ. Валерїя пять лѣтъ уже изправляла долгъ Религїи въ часовнѣ Замка; Священникъ повезъ ее въ приходскую церковь, гдѣ отслушала она Божественную службу за рѣшеткою: потомъ возвратилась съ нимъ въ каретѣ домой. Она примѣтила, что ее везли не въ Замокъ. „Ты никогда болѣе тамъ не будешь, дочь моя! сказалъ Пасторъ: тебѣ приготовили другое жилище.“ При сихъ словахъ Валерїя сложила руки, для изъявленїя своей благодарности, и пролила нѣсколько слезъ. Движенїя радости, которыя могла она чувствовать, не иначе уже возвѣщались, какъ слезами.... „Какъ! вскричала она: я не увижу болѣе этого печальнаго Замка? Ахъ! я оставляю въ немъ всю мою досаду и ненависть; но возпоминанїе моихъ проступковъ всюду за мною послѣдуетъ!....“ Такъ, дочь моя! отвѣчалъ

Священникъ: сохрани это возпоминаніе навсегда; вся жизнь твоя отнынѣ должна быть цѣпью доказательствъ, что ты помнишь заблужденія свои.

Пріѣхали въ новой домъ, которой былъ уже наполненъ Благородными обоего пола Особами. Блистательное собраніе ожидало Валерію въ залѣ съ величайшимъ нетерпѣніемъ и глубочайшимъ умиленіемъ. Генрихъ Клермонъ и Монтобанъ были не менѣе другихъ тронуты. Наконецъ появилась Валерія, опираясь на руку достойнаго Пастора. Красота ея, молодость, скромность, мысль о претерпѣнныхъ ею мученіяхъ, произвели толь сильное чувство удивленія и жалости, что всѣ зрители, пораженные ея присутствіемъ, пребыли нѣсколько времени недвижимы, устремивъ на нее любопытные взоры. Съ почтеніемъ смотрѣли они на прелестную женщину, которая, имѣя еще только двадцать лѣтъ отъ роду, изпытала уже всѣ нещастія. Валерія, потупя глаза, шла медленно съ видомъ робкой застѣнчивости. Наконецъ раздались въ залѣ громкія похвалы и рукоплесканія; всѣ Дамы полетѣли къ ней на встрѣчу и осыпали ее нѣжнѣйшими ласками. Рыцари окружили Священника, Мужа, достойнаго всеобщаго ува-

женія и единственнаго утѣшителя нещастной Валеріи. Вдругъ величественно отворилась большая дверь: Боманyаръ, великолѣпно одѣтый, входитъ со множествомъ оруженосцевъ и пажей; выступка его была совершенно театральная; онъ велъ за руку Эмму. Сдѣлавъ съ важностію нѣсколько шаговъ, онъ остановился и сказалъ торжественнымъ тономъ: Поди, дочь моя! обними мать свою..... При сихъ словахъ Эмма вскричала отъ радости, увидя Валерію, которая летѣла къ ней съ разпростертыми объятіями. — „О дочь моя! милая Эмма!...“ Ахъ! вскричала дѣвочка съ возхищеніемъ: она говоритъ!..... и — бросилась къ ней на шею..... Валерія, прижимая ее крѣпко къ груди своей, какъ будто боясь, чтобъ ее опять у нее не отняли, хотѣла броситься къ ногамъ мужа своего, которой не допустилъ ее до того и обнялъ. Отъ сего поступка всѣ зрители затрепетали... „Валерія! сказалъ Боманyаръ: возвращаю тебѣ всѣ права супруги и матери, всю мою довѣренность; ты властна теперь вести такой родъ жизни, какой пожелаешь; тебѣ одной ввѣряю воспитаніе дочери твоей: дай ей свои добродѣтели, естьли это возможно, и я буду совершенно доволенъ.“ Сіи послѣднія слова за-

служили всеобщее одобренїе. Валерїя осмѣлилась наконецъ поднять глаза на грознаго своего супруга и въ первой разъ во всѣ пять лѣтъ его увидѣла: она поблѣднѣла..... но трогательный образъ покорства и милой кротости сохранился на лицѣ ея. „Когда удостоили вы, сказала она, дать мнѣ полную свободу въ моихъ поступкахъ, то я объявляю вамъ, что отрекаюсь навсегда отъ свѣта; хочу съ сей минуты жить только для васъ и для дочери моей. Вы всегда будете находить во мнѣ послушную супругу; но дозвольте, чтобъ кромѣ васъ я никого болѣе не видала: довольно долго краснѣла я при другихъ, теперь должно мнѣ искать только уединенїя и желать, чтобы свѣтъ забылъ меня.“ Послѣ сего отвѣта, Валерїя низко поклонилась собранїю и, держа дочь свою на рукахъ, вышла изъ залы и удалилась въ свои комнаты, гдѣ поспѣшно сбросила съ себя тяжелое свое парчевое платье и сѣла въ кресла съ Эммою своею, которой невинный разговоръ и нѣжныя ласки заставили ее забыть всѣ страданїя. Намѣренїе, принятое Валерїею, смѣшало нѣсколько Бомануара; сїя непредвидѣнная развязка разстроивала планъ его и принуждала отмѣнить многїя сцены, отъ которыхъ ожидалъ онъ великаго

дѣйствія; но ему было очень лестно, что прекраснѣйшая женщина во всей Провинціи объявила публично, что для него только хочетъ жить; сія мысль, удовлетворивъ гордость, утѣшила его.

Валерія, безпорочнѣйшимъ поведеніемъ и Ангельскими добродѣтелями, пріобрѣла нѣжность и удивленіе своего супруга. Человѣкъ никогда не бываетъ въ самомъ дѣлѣ такъ страненъ, каковымъ желаетъ онъ казаться; всегда нѣкоторая система присоединяется къ постоянной странности. Для изцѣленія сихъ больныхъ умовъ потребно время; ибо ихъ не иначе можно изправить, какъ постепенно и притомъ щадя ихъ самолюбіе. Евангельская любовь къ ближнему сообщила Валеріи то трогательное искуство привлекать, которое образуетъ кротость и снизходительность, ею предписываемыя — то терпѣніе, которое все умѣетъ сносить безъ роптанія, и наконецъ ту скромность, которая никогда не обнаруживаетъ, что мы примѣчаемъ успѣхи свои и одержанную нами побѣду. Валерія искренно прилѣпилась къ тому, котораго нравъ и чувствія перемѣнила. Эмма составляла всегда блаженство ея жизни, и Валерія сдѣлалась столько щастливою, сколько воспоминаніе прошедшаго могло ей то дозволить.

II.

Исторія Перуру,

Или починивальщика раздувальныхъ мѣховъ, имъ самимъ писанная (*).

Исторія моя наполнена страннѣйшими приключеніями: будучи осужденъ низостію породы влачить жизнь въ послѣднемъ розрядѣ черни, обязанъ я моимъ повышеніемъ единственно усиліямъ злобы человѣческой. Сей порокъ, разрушающій въ общежитіи благоденствіе толикаго числа людей, положилъ твердое основаніе моему щастію. Я женатъ, имѣю достатокъ и — блаженствую, отъ того, что согласился быть орудіемъ лютѣйшаго мщенія.

Я родился въ одной маленькой деревенькѣ не подалеку отъ города Монтелимара. Отецъ мой дѣлалъ многократныя,

(*) Увѣряютъ, что эта повѣсть справедлива. Слово *Перуру* означаетъ въ Ліонѣ починивальщиковъ раздувальныхъ мѣховъ, фаянсовой и фарфоровой посуды. Ремесленники сего рода, ходя по улицамъ, кричатъ: вотъ *Перуру*!

но безплодныя покушенія для избавленія себя отъ крайней бѣдности. Послѣднее средство къ пропитанію въ старости его было то, чтобъ прибѣгнуть къ ремеслу починивальщика раздувальныхъ мѣховъ, которому обучился онъ съ малолѣтства. Сей-то, безъ сомнѣнія, весьма неблистательной профессіи посвятили меня, какъ скоро пришелъ я въ такой возрастъ, что могъ кормиться трудами рукъ своихъ. Сначала я работалъ подъ руководствомъ отца моего, но скоро превзошелъ его, и честолюбіе заставило меня возмечтать, что дарованія мои требовали обширнѣйшаго поприща. Нѣкоторыя изъ моихъ путешествій, которыя однакожь не простирались далѣе Монтелимара, были такъ успѣшны, что превзошли мое ожиданіе и побудили меня испытать Фортуну. Денегъ, получаемыхъ мною за работу, было не только довольно на содержаніе престарѣлаго моего отца, но сверхъ того я накопилъ еще небольшую сумму, съ которою могъ сходить въ Ліонъ. Я вошелъ въ сей славный городъ со всѣми нужными для ремесла моего припасами, и на всѣхъ площадяхъ и большихъ улицахъ громогласно кричалъ: *вотъ Перуру, починивальщикъ мѣховъ! кому надобно починивать мѣха?* Я былъ молодъ, хорошъ, про-

воренъ, не имѣлъ недостатка въ работѣ, и скоро сдѣлался любимцемъ всѣхъ горничныхъ дѣвушекъ той части города, гдѣ я жилъ, что совершенно удовлетворило мое любочестїе, котораго не смѣлъ я простирать далѣе.

Возвращаясь однажды довольно поздо въ свой маленькой чуланъ, которой служилъ мнѣ магазиномъ и жилищемъ, встрѣтился я съ четырьмя хорошо одѣтыми молодыми людьми, которые, казалось, прогуливались. Мы находились въ одной изъ самыхъ глухихъ улицъ — Сен - Клерской Части. Весельчаки начали шутить надъ ремесломъ моимъ. Я отвѣчалъ на ихъ шутки такъ замысловато и вѣжливо, что удивилъ ихъ; тогда взглянувъ другъ на друга, сказали они съ весьма значительнымъ видомъ: *его-то намъ и надобно.* Признаюсь, что сїи слова меня устрашили: я былъ одинъ, ночью, безъ всякой защиты и во власти четверыхъ сильныхъ удальцовъ. Что со мною будетъ? подумалъ я. Одинъ изъ нихъ, угадавъ причину моего опасенїя, спѣшилъ меня ободрить, сказавъ ласково: „Перуру! ты вѣрно не ужиналъ, такъ какъ и мы; не хочешь ли быть нашимъ товарищемъ? Послѣ ужина мы поговоримъ съ тобою; поди съ нами: мы хотимъ сдѣлать тебѣ

столько добра, сколько ты не ожидаешь. Будь увѣренъ, что мы честные люди, и естьли согласишься помогать намъ въ нѣкоторомъ намѣренїи — мы только просимъ тебя хранить тайну, которая не подвергнетъ тебя ни малѣйшей опасности."

Голосъ сего человѣка былъ такъ прїятенъ; предложенїе его само по себѣ было такъ привлекательно, что я въ ту же минуту принялъ оное. Новые друзья мои, прошедъ со мною нѣсколько улицъ, привели меня въ домъ, щегольски убранной, гдѣ нашли мы еще шестерыхъ молодыхъ людей, которые, казалось, ожидали пришедшихъ съ нетерпѣливостїю. Послѣ краткаго изъясненїя въ разсужденїи меня, сѣли мы съ веселымъ духомъ за столъ. Я имѣлъ удовольствїе забавлять бесѣдующихъ острыми шутками, и утверждалъ ихъ въ томъ хорошемъ мнѣнїи, которое имъ необходимо надлежало обо мнѣ возъимѣть, для открытїя своей тайны. Слуги вышли, поставивъ десертъ, и собранїе, бывшее до того довольно шумно, умолкло на нѣсколько минутъ. Наконецъ тотъ, которой казался быть хозяиномъ, началъ говорить мнѣ такъ: „Десять человѣкъ, съ которыми ты теперь ужиналъ, всѣ Лїонскїе жители; мы граверы; наше Художество и получаемыя

отъ родственниковъ пособія, доставляютъ намъ пріятную независимость, а таланты наши пріобрѣли намъ всеобщее уваженіе; но любовь и гордость возмущаютъ съ нѣкотораго времени щастіе наше. Въ улицѣ Св. Доминика живетъ купецъ, торгующій эстампами: онъ человѣкъ очень обыкновенный, но дочь у него рѣдкая красавица. Городъ Ліонъ, не смотря на свою обширность и многолюдство, не имѣетъ другой женщины, которую можно было бы сравнять съ этою безподобною дѣвушкою. Природа щедро одарила ее всѣми качествами, всѣми прелестями, какихъ только можно желать; но всѣ ея очаровательныя совершенства помрачаются однимъ недостаткомъ, а именно — несносною гордостію. Видя себя предметомъ всеобщаго удивленія, возмечтала она, что одни только Принцы могутъ осмѣлиться просить ея руки. Отецъ, изрядный знатокъ въ живописи, но впрочемъ весьма ограниченнаго ума человѣкъ, избаловалъ ее безпрестанными ласкательствами, которыя доходятъ почти до боготворенія. Чтеніе романовъ, зеркало ея, безпрестанный ѳиміамъ, куримый въ честь ея всѣми, ее окружающими, превратили самолюбіе въ суетность, суетность въ надменность, а надмен-

ность въ презрѣнїе ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ достатокъ или чинъ не льстятъ ея гордости. Но на что говорить именемъ другаго, когда я разсказываю собственную свою исторїю? Я имѣлъ честь съ нею познакомиться по сношенїямъ моимъ съ отцемъ ея. Иногда удостоивала она меня особливою милостїю, то есть дозволяла мнѣ провожать ее на балъ, или въ Театръ. Такїя маловажныя благосклонности вскружили мнѣ голову: видя оказываемое мнѣ предпочтенїе, почелъ я себя любимымъ и отважился сообщить намѣренїя свои ея отцу, которой обѣщался обо мнѣ стараться. Моя фамилїя, профессїя и достатокъ, давали мнѣ право надѣяться, что свойство со мною будетъ не противно молодой дѣвушкѣ; но посуди о моемъ удивленїи, когда на первое мое предложенїе о бракѣ, она осмѣлилась сказать при мнѣ отцу своему самымъ надменнымъ тономъ: „Не ужь ли, батюшка, вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что гравёръ можетъ быть моимъ мужемъ?“ Признаюсь, что такая наглость истребила въ одну минуту всю мою любовь, и я немедленно ушелъ, съ твердымъ намѣренїемъ отомстить. Друзья! сказалъ я теперешнимъ нашимъ собесѣдникамъ: обида, мнѣ нанесенная, оскорбляетъ всѣхъ

насъ: вступитесь за меня; сдѣлаетъ вмѣстѣ планъ, котораго изполненїе могло бы доказать ей, что она и дѣйствительно не заслуживаетъ чести быть за травёромъ. Вотъ моя исторїя, любезный Перуру! чувствуешь ли ты въ себѣ довольно скромности, надѣешься ли столько самъ на себя, чтобъ удостоиться гораздо лучшаго состоянїя, нежели въ какомъ теперь находишься? Подъ этимъ бѣднымъ рубищемъ скрываешь ты умъ и благородную душу; желаешь ли изпытать щастїе свое и жениться на любезной женщинѣ, которая имѣетъ только нужду въ томъ, чтобъ посрамить ея гордость и наказать суетность? — Понимаю, отвѣчалъ я, какую роль хотите вы мнѣ дать, и могу васъ увѣрить, что сыграю ее такъ, что вы не будете разкаеваться въ сдѣланномъ вами выборѣ.

Въ слѣдующїй день приняли мы всѣ мѣры, по которымъ впредь поступать долженствовали. Цѣлую недѣлю ходилъ я по два раза въ день въ баню, чтобъ хотя нѣсколько сдѣлаться побѣлѣе. Лучшие Лїонскїе перукмахеры причесывали меня въ послѣднемъ вкусѣ; десятеро друзей моихъ снабдили меня превосходнымъ бѣльемъ и самымъ щегольскимъ платьемъ; они такъ привязались къ моей особѣ,

которая становилась ихъ творенїемъ, что мы сдѣлались неразлучными; почти всѣ ихъ минуты были употребляемы на мое воспитанїе. Одинъ училъ меня читать, другой писать и проч.; начальныя правила рисованья, музыки и нѣкоторыя другїя познанїя занимали три мѣсяца умъ мой и время. Я примѣтилъ, что этотъ родъ жизни согласовался съ моими склонностями; я даже ощутилъ желанїе усовершенствовать сїи начала моего новаго воспитанїя; словомъ, я пристрастился къ ученїю. Природа одарила меня такими удивительными способностями и памятью, что молодые мои прїятели съ изумленїемъ взирали на быстрые успѣхи своего воспитанника.

Наконецъ разсудили они, что я уже былъ въ состоянїи приступить къ изполненїю ихъ намѣренїй. Я нанялъ большой домъ въ лучшей Лїонской улицѣ. Починивальщикъ мѣховъ изчезъ и, на его мѣстѣ, явился блистательный Маркизъ *Руперу*, одинъ изъ первыхъ помѣщиковъ Дофинейскихъ, владѣющїй богатѣйшими рудниками сей Провинцїи. Подъ симъ титуломъ прїѣхалъ я къ купцу, торгующему картинами, выдавая себя за охотника, которой мало смотрить на цѣну, лишь бы только полюбился ему товаръ. Будучи

строгимъ подражателемъ моихъ наставниковъ, научился я повертывать свои персіпни, вынимать богатыя часы съ репетиціею, и съ видомъ разсѣянія выставлять щегольской солитеръ, открывать золотую табакерку съ невѣдомо какою рожицею, которую скромно называлъ я портретомъ обожаемой сестры; словомъ, я старался понравиться, въ чемъ и успѣлъ очень удобно. Но не довольно было провести отца: надлежало обмануть дочь, для выполненія видовъ покровителей моихъ. Между тѣмъ, какъ я размышлялъ о средствахъ къ достиженію сего, купецъ увѣдомилъ меня черезъ записку, что онъ получилъ изъ Рима коллекцію славныхъ гравированныхъ картинъ, и просилъ меня заѣхать къ нему въ то же утро, ибо онъ не хотѣлъ пускать ихъ въ продажу, пока не отберу я для себя лучшихъ. Я пріѣхалъ, не предвидя ожидавшей меня судьбы: вмѣсто отца приняла меня въ этотъ разъ дочь, или лучше сказать, сама красота въ видѣ сей любезной дѣвицы.

Часто подъ грубою наружностію скрывается чувствительная душа: я былъ болѣе склоненъ къ честной любви, нежели къ разпутству, и почувствовалъ всю силу прелестей; новая вселенная развернулась

передъ моими глазами; скоро забылъ я, что игралъ роль свою за деньги: одно только чувствїе поглотило мое сердце; одна мысль оковала всѣ мои душевныя способности. Прелестная Аврора замѣтила свою побѣду и, казалось, снизходительно принимала несвязныя слова, которыя невольно вырывались изъ устъ моихъ, для выраженїя раждающейся моей страсти. Сїе первое свиданїе рѣшило навсегда мою участь; всѣ препятствїя изчезли передъ новымъ чувствїемъ, овладѣвшимъ моею душею; одна минута внушила мнѣ твердое намѣренїе посвятить дни и ночи мои ученїю, чтобъ съ помощїю прїобрѣтенныхъ познанїй сдѣлаться меньше недостойнымъ щастїя, котораго я домогался.

Всякое утро находилъ я предлоги посѣщать магазинъ сего купца; всякое утро привозилъ показывать Аврорѣ разныя модныя мѣлочи и совѣтовался съ ея вкусомъ. Тогда была весна; я часто дарилъ Аврору такими цвѣтами, которые больше другихъ были ей къ лицу; друзья мои присовокупляли къ тому иногда сонеты и мадригалы, за которые вся честь относилась ко мнѣ. Не рѣдко милая дѣвушка устремляла на меня взоры съ видомъ нѣжнѣйшаго одобренїя и благодарности.

Такимъ образомъ протекло полгода. Граверы, страстно желая довершить свое мщеніе, боялись однако же, чтобъ отъ излишней поспѣшности не лишиться всѣхъ плодовъ онаго. Каждой вечеръ они требовали отъ меня отчета въ моихъ поступкахъ, и всегда были ими такъ довольны, что давали мнѣ болѣе денегъ, нежели сколько роль моя оныхъ требовала. Въ одинъ день купецъ прислалъ звать меня на праздникъ, которой давалъ онъ за городомъ; я поѣхалъ, думая, что буду героемъ онаго. Гордая красавица приняла меня съ такою вѣжливостію и обходилась со мною такъ ласково, что очарованный ея прелестями, которыя увеличивалъ еще блистательный нарядъ, я въ первую минуту, оставшись съ нею наединѣ, открылъ ей склонность, которой болѣе не могъ обуздывать и, бросясь къ ея ногамъ, предложилъ свою руку. Она слушала меня съ важностію; но слезы, покатившіяся изъ прекрасныхъ ея глазъ, удостовѣрили меня, что гордость была не одно чувствіе, которое волновало ея сердце: я узналъ, что былъ любимъ.

Увѣривъ дочь въ знатности моего рода, оставалось мнѣ еще увѣрить отца, что я владѣю милїонами: это было не трудно; имѣя мало тонкости, онъ тот-

часъ принялъ за правду выдуманную мною сказку. Я увѣрилъ его, что отецъ мой живетъ въ помѣстьяхъ своихъ на границахъ Дофинейской Провинціи; что старость и слабость не дозволяютъ ему пріѣхать ко мнѣ на свадьбу; но что онъ соглашался на мой бракъ тѣмъ удобнѣе, что его богатство весьма увеличилось отъ недавно пріобрѣтенныхъ мною рудниковъ. Я съ тайнымъ удовольствіемъ повторялъ нѣсколько разъ, что не возьму приданаго, будучи и безъ того довольно богатъ. Прежде еще окончанія нашего разговора были мы уже во всемъ согласны, ибо я далъ ему волю дѣлать условія, какія онъ захочетъ; только просилъ его, какъ можно избѣгать безполезнаго великолѣпія при нашей свадьбѣ, которая была отложена только на двѣ недѣли, и я взялся написать рядную.

Оставя Аврору, которая насилу рѣшилась меня отпустить, поскакалъ я увѣдомить друзей моихъ, что піеса скоро кончится, и разсказалъ имъ все, что произходило. Они осыпали меня такими похвалами, что я почелъ бы ихъ за насмѣшки, естьли бы поменьше имѣлъ суетности; однакожь послѣдствіе доказало искренность оныхъ. Алчность отомстить Аврорѣ становилась въ нихъ от-

часу сильнѣе и удивительнѣе. Въ этотъ же самый день, чтобъ довершить ослѣпленіе отца и дочери, послали они моимъ именемъ Аврорѣ великолѣпный букетъ цвѣтовъ, прекрасныя часы, браслеты, богатыя кружева и разныя другія драгоцѣнныя вещи. Въ концѣ недѣли написали свадебный контрактъ; я подписалъ свое справедливое имя и послѣ увидѣлъ, что сія предосторожность была для меня очень полезна. Въ семъ контрактѣ обязывался я доставить будущей моей женѣ такія выгоды, которыхъ и малѣйшей части не думалъ никогда быть въ состояніи выполнить.

Не оспоримо, что я обманывалъ ее; но Богъ мнѣ свидѣтель, что совѣсть жестоко за это меня мучила! Будучи съ Авророю, не могъ я ничѣмъ, кромѣ ея, заняться; съ друзьями же моими не дозволяла мнѣ помыслить о будущемъ и настоящемъ вависимость моя отъ нихъ, заманчивые ихъ разговоры, наставленія, благодѣянія, мною отъ нихъ полученныя; но въ глубокой тишинѣ уединенія, страсть и софизмы изчезли — и тогда видѣлъ я предъ собою ужасную будущность! Когда приходило мнѣ на мысль, что гнусный шерстяной тюфякъ будетъ скоро удѣломъ Авроры; что ея нѣжныя руки станутъ

приготовлять грубую, бѣдную пищу, и что сія несравненная красавица, достойная Царскихъ чертоговъ, принуждена будетъ жить въ хижинѣ моего отца: то содрогался отъ ужаса, и кровь въ жилахъ моихъ замерзала. Тысячу разъ былъ я готовъ упасть къ ногамъ ея, открыть ей мое преступленіе и подвергнуться всему безчестію, которое заслуживалъ я недостойнымъ своимъ поступкомъ; но самолюбіе и страсть спѣшили ко мнѣ на помощь и удерживали меня. Будучи влекомо прелестію настоящаго, воображеніе мое озаряло лучами надежды мракъ будущаго. Нещастіе Авроры, говорилъ я самъ въ себѣ, можетъ быть не продолжится; любовь усладитъ оное, жажда мести ослѣпляетъ ея враговъ; но, вопреки имъ, она должна быть и будетъ щастлива. Они оставятъ мнѣ сколько нибудь денегъ; я въ состояніи достать еще оныхъ съ помощію трудолюбія: я былъ бы извергъ, естьли бы не старался усыпать цвѣтами пути ея. Когда узнаетъ она, кто я таковъ, досада ея, гнѣвъ, будутъ конечно чрезмѣрны; но какъ зло будетъ уже не изправимо, то разсудокъ присовѣтуетъ ей покориться судьбѣ, любовь замѣнитъ богатство, и мы будемъ щастливы.

Таковы были размышленія, занимавшія меня нѣсколько дней до моей женитьбы. Въ то мгновеніе, какъ Аврора произнесла клятву жить и умереть со мною, непреодолимый трепетъ объялъ меня; никогда прежде не разсматривалъ я такъ близко ненавистной роли, мною играемой. Я упалъ бы на мѣстѣ, естьли бы слезы, изобильно полившись изъ глазъ моихъ, не облегчили стѣсненнаго моего сердца. Зрители, насъ окружавшіе, сочли сіе послѣднее усиліе погасающей добродѣтели за избытокъ чувствительности. Сама даже Аврора обманулась: я чувствовалъ по ея нѣжнымъ ласкамъ, что эта гордая женщина не меньше желала казаться моею повелительницею, сколько быть моею женою. Гравёры, въ награду за отмѣнное искуство, съ каковымъ изполнилъ я ихъ намѣренія, дозволили мнѣ продолжить обманъ еще на нѣсколько дней. Сія отсрочка, предавъ меня всему упоенію пламенной страсти, изгнала изъ мыслей моихъ близкую, роковую эпоху страшной развязки. Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ съ непреклонными врагами Авроры, положено готовиться къ отъѣзду въ деревню, гдѣ я родился.

Предлагая женѣ моей путешествіе, котораго жестокія слѣдствія я легко

предусматривалъ, не могъ я удержать глубокаго вздоха, но легковѣрная Аврора не поняла онаго. Ея живое воображенїе возпламенялось еще болѣе мыслїю, что она поѣдетъ со мною въ богатомъ экипажѣ, со многими для услугъ ея женщинами, лакеями, и что гордость ея и нѣжность равно удовлетворены будутъ. Въ ея лѣта слабость такая простительна. Аврора возхищалась приготовленїями къ поѣздкѣ, которой близость повергала меня, напротивъ того, въ неизъяснимое волненїе. Я приступалъ къ друзьямъ своимъ неоднократно, умоляя ихъ сжалиться надъ нами; но они отказывали мнѣ въ сей прозьбѣ, напоминая о моихъ съ ними обязанностяхъ. Наконецъ я принужденъ былъ замолчать.

Двое изъ моихъ покровителей служили намъ вершниками, между тѣмъ, какъ предлагавшїй руку свою Авроръ простеръ безстыдство до того, что захотѣлъ быть нашимъ кучеромъ. Правда, что искусно сдѣланный парикъ и большой пластырь на правомъ глазу такъ перемѣнили видъ его, что даже самые товарищи не могли его узнать. Трое изъ нихъ проворно стали за нашею каретою вмѣсто лакеевъ, а четверо прочїе, оставшись по дѣламъ своимъ въ Лїонѣ, утѣ-

шились тѣмъ, что получили отъ другихъ обѣщанїе писать къ нимъ изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ мы будемъ останавливаться, что не рѣдко случалось, ибо мы ѣхали на перемѣнныхъ лошадяхъ. Дерзкїе наши лакеи едва могли воздерживаться отъ смѣха и скрывать лютую свою радость всякой разъ, когда Аврора говорила съ ними гордымъ и повелительнымъ голосомъ. Обращаясь же ко мнѣ съ уваженїемъ, спрашивала о названїяхъ Замковъ моихъ, о пространствѣ моихъ помѣстьевъ въ Дофинейской Провинцїи; хотѣла знать, есть ли въ дачахъ моихъ звѣриныя и рыбныя ловли, и съ удовольствїемъ обращала разговоръ на мнимые рудники мои, которые воображала по малой мѣрѣ равными съ Перуанскими. Между тѣмъ проѣхали мы уже Монтелимаръ, и своротили съ большой дороги на узкую тропинку, ведущую къ деревнѣ, которой колокольня начала показываться. Увы! сїя бѣдная деревня была мое жилище.

Критическая минута наступала. Мнѣ никогда и во снѣ не мечталось, чтобъ земли, насъ окружающїя, были мои. Наконецъ, послѣ довольно безпокойнаго путешествїя, кучеръ нашъ, твердо знавшїй, гдѣ остановиться, подвезъ карету къ бѣдной хижинѣ.

Старикъ, покрытый рубищемъ нищеты, сидѣлъ на порогѣ. Я подхожу и вижу въ немъ почтеннаго своего отца. Не можно никакими красками описать этой странной сцены. Представьте съ одной стороны трепещущаго Перуру, съ другой надменную Аврору, которую шестеро молодыхъ шалуновъ, подхватя на руки, посадили на худую скамью, съ громкимъ ругательнымъ смѣхомъ и обиднѣйшими насмѣшками, которыя дѣлали мщеніе ихъ и стыдъ жены моей еще несноснѣйшими. Мнимый кучеръ сбросилъ съ себя парикъ, сорвалъ съ глаза пластырь и началъ говорить съ Авророю, какъ съ работницею своею: „Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ ей тономъ величайшаго презрѣнія: ты не такъ рождена, чтобъ быть женою гравёра; такой мужъ слишкомъ много сдѣлалъ бы чести твоему роду, состоянію и выбору; одинъ только починивальщикъ мѣховъ могъ получить твою руку, и вотъ кого избрала благородная твоя гордость!“ Я хотѣлъ отвѣчать, но ложный кучеръ былъ уже на козлахъ; товарищи его побросались стремглавъ въ карету, продолжая смѣяться, и скоро мы потеряли ихъ изъ виду.

Я хотя и предвидѣлъ, что развязка будетъ ужасна; но никогда не воображалъ,

чтобъ она могла быть такъ несносна. Гравёры всегда скрывали отъ меня оную; они увезли съ собою все, что прежде намъ давали, и мы остались, подобно зрителю, которой послѣ плѣнительной сцены видитъ вдругъ опустившїйся занавѣсъ, которой паденїемъ своимъ разрушаетъ въ одинъ мигъ очарованїе. Нещастная Аврора ничего не видала; гравёръ продолжалъ съ нею говорить, когда уже давно была она не въ состоянїи его слышать: они оставили ее въ глубокомъ обморокѣ. Посудите о моемъ состоянїи; вспомните, что ученїе и новый родъ жизни развернули всю чувствительность и нѣжность, которыхъ сѣмена посѣяла въ сердцѣ моемъ Натура. Я трепеталъ отъ одной мысли, чтобъ не лишиться обожаемой супруги, и не меньше боялся минуты, въ которую она опомнится. Я разточалъ ей нѣжнѣйшїя попеченїя и въ то же время желалъ, чтобъ онѣ остались безплодными. Долго былъ я въ томъ мнѣнїи, что мои преступные обѣты услышаны; однакожь все продолжалъ мои о ней старанїя, съ помощїю которыхъ наконецъ пришла она въ чувство, и бросивъ на меня свирѣпый взоръ: „извергъ!“ вскричала она, и — опять упала въ обморокъ. Я возпользовался симъ вторымъ ея безпа-

мятствомъ, чтобъ удалить зрителей, состоявшихъ по большей части изъ женщинъ, которыхъ желтыя, сухія и сморщившіяся лица представляли ихъ колдуньями; я положилъ нещастную жену свою на свѣжую солому, разославъ на оную старой тюфякъ, набитый шерстью, и когда она опомнилась, я одинъ только съ нею остался, не желая, чтобъ кто другой слышалъ жестокое признаніе, которое судьба принуждала меня ей сдѣлать.

Избавясь отъ докучливой толпы, обнялъ я Аврору, прижималъ ее къ своей груди, горячими слезами омывалъ лицо ея: она открыла глаза, и устремила ихъ на меня: я содрогнулся. Подъ предлогомъ успокоенія, въ которомъ оба мы имѣли нужду, просила она меня отложить до слѣдующаго дня ужасныя подробности заговора, котораго сдѣлалась она жертвою. Я повиновался и вышелъ, оставя ее съ Пасторскою племянницею.

Какъ описать ужасную ночь, мною проведенную! Изъ великолѣпныхъ палатъ, изъ пышнаго состоянія, низпалъ я въ бѣдную деревнишку и едва имѣлъ нѣсколько луидоровъ! . . . Супруга моя, несравненная Аврора, въ цвѣтѣ юности и красоты, привыкшая раздѣлять забавы общества, котораго составляла она всю

прелесть, была доведена ухищреніемъ адскимъ до того, чтобъ жить въ хижинѣ бѣднаго старика, старика безъ сомнѣнія почтеннаго, но почти нищаго! Я былъ главною причиною всѣхъ бѣдствій ея, сообщникомъ лютостей, ею претерпѣнныхъ. Чтожъ надлежало мнѣ дѣлать? Какъ умягчить сердце ея справедливо раздраженное? Моя привязанность, нѣжность, могли ли быть достаточны къ ея благополучію? Я не смѣлъ этого думать и почувствовалъ весь ужасъ ея и моей участи. Не изпытывалъ я никогда превратностей щастія, ибо, родясь въ бѣдности, привыкъ къ нуждамъ; но разтерзанное, чувствительное сердце мое вѣщало мнѣ, что, можетъ быть, постигнетъ меня нещастіе, злѣйшее всѣхъ составляющихъ горестный списокъ напастей, которымъ родъ человѣческой подверженъ! Я долженъ былъ сносить не только равнодушіе милой женщины, составлявшей блаженство мое; видѣть изтребившуюся въ сердцѣ ея ко мнѣ любовь, любовь, сію необходимую потребность для жизни моей; читать холодность въ глазахъ, отъ которыхъ зависѣла тишина моей души; я съ горестію помышлялъ, что наказаніе мое не ограничится еще симъ равнодушіемъ, но что ненависть присоеди-

нится ко всему тому, и что наконецъ буду я предметомъ ужаса и отвращенія. Будучи ненавидимъ обожаемою женщиною, не имѣлъ я права жаловаться, и лютыя змѣи порочной совѣсти готовились терзать грудь мою и довершить мои мученія. Сколько мрачныхъ мыслей скопилось вдругъ въ моемъ воображеніи! Не я ли былъ виною всѣхъ ея нещастіи? не я ли покрылъ ясные дни жизни ея мракомъ скорби? не я ли наконецъ былъ злодѣй, вонзившій ножъ въ ея сердце? Можетъ быть, станетъ она искать отъ меня убѣжища во гробѣ; можетъ быть, для того только отсрочила на минуту смерть свою, чтобъ отягчить меня проклятіями; или естьли остатокъ жалости побудитъ ее къ великодушному прощенію, то сія жалость, сіе прощеніе будутъ еще лютѣе, несноснѣе самыхъ проклятій. Таковы были ужасныя картины, содѣлавшія адомъ ложе, на которомъ тщетно искалъ я успокоенія! Къ довершенію моего злополучія, проливный безпрестанный дождь такъ наводнилъ и изпортилъ проселочную дорогу въ Монтелимаръ, что не было возможности по ней ѣздить, и надлежало ждать нѣсколько дней. Сіе препятствіе не дозволило мнѣ послать въ городъ за каретой, чтобъ отвезти Аврору

въ жилище не столько для нее унизительное.

Я поминутно освѣдомлялся о нещастной моей подругѣ; отвѣты были довольно удовлетворительны: мое усердіе было принимаемо съ нѣкоторою благодарностію; мнѣ сказали даже, что въ слѣдующій день могу я съ нею видѣться, что она рѣшилась вооружиться такою твердостію духа, которая въ жестокомъ ея положеніи удивитъ и посрамитъ ея враговъ. Всѣ сіи обстоятельства, которыя нарочно старались пересказывать мнѣ съ видомъ таинственнымъ, не были удобны возвратить мнѣ душевнаго спокойствія; я чувствовалъ неизъяснимый страхъ, помышляя о завтрашнемъ днѣ. Сіе ужасное свиданіе казалось мнѣ несноснѣе смерти; я искалъ разныхъ предлоговъ для отвращенія онаго, какъ вдругъ дверь моя отворилась и показала мнѣ любезную Аврору. Я упалъ къ ногамъ ея; схвативъ ея руку, омывалъ ее слезами. Нѣсколько времени она въ молчаніи на меня смотрѣла; наконецъ поднявъ меня, сказала важнымъ тономъ непобѣдимой гордости: „Ты обманулъ меня; помни, что прощеніе твое зависитъ отъ будущихъ твоихъ поступковъ. Естьли хотя искра великодушія осталась въ твоемъ

сердцѣ, естьли не хочешь предать меня новымъ казнямъ: то не старайся употреблять во зло правъ, тобою похищенныхъ. Эта добродѣтельная дѣвушка — Пасторская племянница — предлагаетъ мнѣ пристойное убѣжище въ домѣ своего дяди. Теперешнее мое состоянїе и должности предписываютъ мнѣ на это согласиться. Ты можешь приходить ко мнѣ, когда тебѣ угодно. Мы станемъ совѣтоваться о средствахъ къ избавленїю отъ ужаснаго нашего положенїя и о томъ, какъ жить впредь."

Кто любитъ, тотъ легковѣренъ. Одного сладкаго изреченїя обожаемой женщины довольно, чтобъ забыть всѣ бѣдствїя, ею причиненныя. Не взирая на холодное пренебреженїе Авроры, я повѣрилъ ея добросердечїю, не разсудивъ, что гораздо было бы естественнѣе, когда бы она осыпала меня выговорами. Нѣсколько дней надѣялся я и ждалъ моего прощенїя; я видѣлъ даже ее улыбающуюся, когда начертывалъ планъ жизни, внушаемый мнѣ самою любовїю. Могъ ли я себѣ представить, что послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ мною горестей, жестокая готовила мнѣ такую, которая превосходила всѣ прежнїя?

Черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда въ деревню, въ одно утро, какъ прелестныя мечты, дѣлая меня щастливымъ, продолжили сонъ мой долѣе обыкновеннаго, вошелъ ко мнѣ мой отецъ и, выговаривая мнѣ за лѣность, подавалъ два письма. Надпись была незнакомой мнѣ руки. Первое письмо было отъ Лїонскихъ моихъ друзей. „Мы тобою очень довольны, писали они и, послѣ толь гласнаго мщенія Аврорѣ за ея высокомѣрїе, справедливость требуетъ, чтобъ мы вспомнили объ искусномъ планѣ, по которому ты поступалъ и начерталъ оной самъ. Ты не такъ созданъ, чтобъ остаться на всю жизнь въ низкомъ состоянїи, въ которомъ родился; и такъ мы съ удовольствїемъ предлагаемъ тебѣ средства, поправить теперешнїя твои обстоятельства. Благодарность твоя будетъ намъ не тягостна, ибо можемъ быть тебѣ полезными, не разстроивъ себя. Тебѣ извѣстно, что безпредѣльная наша досада побудила каждаго изъ насъ пожертвовать тысячью талерами, для произведенїя въ дѣйство мщенія нашего; но ты едва ли издержалъ третью долю сей суммы. Остальныя деньги ввѣрены Гну N., Лїонскому Нотарїусу, который выдастъ тебѣ ихъ, получивъ отъ тебя квитанцїю. Бѣлье,

кружева и всѣ драгоцѣнныя вещи, послужившія къ обману легковѣрнаго отца и гордой дочери, будутъ равномѣрно тебѣ отданы. Съ сего времени пекись, сколько можно болѣе, объ Аврорѣ; не заставь насъ раскаеваться въ томъ, что мы тебя избрали: мы не хотимъ простирать мщенія своего слишкомъ далеко. Естьли же когда вздумаешь завесть какой нибудь торгъ, то полагайся твердо на кредитъ, дружбу и всевозможную помощь Ліонскихъ твоихъ пріятелей." — Боже милосердый! вскричалъ я съ возхищеніемъ: половина бѣдствій моихъ изчезла; я могу теперь предупреждать надобности обожаемой супруги! — Другое письмо было отъ жены моей; вотъ оно: „Остатокъ сожалѣнія, которое я къ тебѣ еще питаю, не взирая на безчестные твои со мною поступки, побуждаетъ меня извѣстить тебя, что когда получишь ты мое письмо, я буду уже въ Ліонѣ. Я намѣрена удалиться въ монастырь и чрезъ то избавиться навсегда отъ ненавистнаго твоего присутствія. Объявляю тебѣ, что ты имѣешь во мнѣ непримиримаго врага, но врага откровеннаго, великодушнаго, которой не станетъ вредить тебѣ тайно, которой предупреждаетъ тебя, чтобъ ты готовился являться въ каж-

дое судилище, пока найду такое, которое отдастъ мнѣ справедливость, разорвавъ узы мои и наказавъ подлыхъ злодѣевъ, меня погубившихъ."

Сіе письмо низвергло меня въ жесточайшее волненіе. Сначала хотѣлъ я слѣдовать за Авророю, чтобъ заставить ее повиноваться человѣку, котораго судьба сдѣлала ея супругомъ; но скоро съ ужасомъ отвергнулъ намѣреніе притѣснять женщину, нѣжно мною любимую; сверхъ того сіе намѣреніе было неудобоизполнительно, ибо нѣсколько уже часовъ прошло, какъ она поѣхала, слѣдовательно не льзя было ее догнать. Я рѣшился однако же оставить мѣсто, гдѣ все представляло мнѣ горестныя воспоминанія. Я имѣлъ довольно денегъ на путешествіе въ Лїонъ. Передъ отъѣздомъ своимъ говорилъ я съ Пасторомъ и съ племянницею его, желая узнать отъ нихъ обстоятельства побѣга жены моей. Тщетно прибѣгалъ я къ прозьбамъ и угрозамъ; и хотя послѣ узналъ, что они были главною причиною принятаго ею намѣренія, но не могъ получить отъ нихъ никакого удовлетворительнаго признанія.

Новыя препятствія встрѣтились со мною въ Лїонѣ. Какъ и откуда начать мои поиски? какимъ образомъ въ такомъ

обширномъ и многолюдномъ городѣ найти убѣжище Авроры? какъ отважусь явиться къ отцу ея въ самомъ пылу жестоочайшаго негодованія противъ ненавистнаго обольстителя его дочери? какъ ходить по всѣмъ монастырямъ и выспрашивать, не сдѣлавшись подозрительнымъ и слѣдовательно не подвергнувшись опасности быть преданнымъ суду за мое важное преступленіе? Въ такомъ недоумѣніи разсудилъ я прибѣгнуть къ своимъ гравёрамъ, которые совѣтовали мнѣ молчать и ожидать спокойно того времени, когда тяжба моя сдѣлается гласною въ Ліонѣ. Я послушался ихъ и началъ стараться неусыпно о приращеніи моего имущества; ибо симъ единственнымъ способомъ могъ я со временемъ примириться съ моею супругою.

Продавъ всѣ ненадобныя мнѣ вещи, увидѣлъ я у себя десять тысячь талеровъ. Слухъ прошелъ, что у насъ скоро откроется война съ нѣкоторыми главными Европейскими Державами. Основываясь на семъ, затѣялъ я съ помощію друзей моихъ одно весьма отважное коммерческое предпріятіе; неудача онаго долженствовала погрузить меня въ прежнюю бѣдность, а успѣхъ увеличить вчетверо капиталъ мой.

Между тѣмъ, какъ торговыя мои дѣла производились въ глубочайшей тайнѣ, исторія моя сдѣлалась предметомъ всеобщихъ толковъ. Изъ монастыря своего Аврора приносила горькія жалобы на меня и на друзей моихъ, что однакожь было мнѣ очень полезно; ибо собственныя выгоды гравёровъ требовали, чтобъ они за меня вступились. Аврора хотѣла непремѣнно, чтобъ нашъ бракъ былъ уничтоженъ. Игуменья того монастыря, въ которой она удалилась, столько же почтенная знатностію рода, сколько благонравіемъ, сильно поддерживала сторону моей жены. Отецъ ея присоединилъ къ тому своихъ покровителей, друзей, и казалось, что все угрожало намъ неудачею, которой весь стыдъ палъ бы на гравёровъ; но я только одинъ понесъ бы горестное и тяжкое бремя оной. Однакожь товарищи мои не унывали, а напротивъ очень веселились, видя, что гордость Авроры обратилась ей въ жесточайшее наказаніе въ разсужденіи гласности, которую сама она придала своему поношенію; но веселонравіе не удобно произвести ясности на пасмурномъ и строгомъ челѣ правосудія. Уже было изпрошено повелѣніе задержать меня; неизполненіемъ онаго единственно обязанъ я

чрезвычайной скрытности, въ которой жилъ.

Аврора во всемъ блескѣ красоты своей, которой стыдливая скромность прибавляла еще болѣе прелестей, явилась въ Судъ, гдѣ бракъ нашъ долженствовалъ быть утвержденъ, или уничтоженъ. Стеченіе народа было удивительное. Защитникъ моей жены говорилъ такъ красноречиво, что слезы слушателей не однократно его останавляли. Умиленіе Судей давало уже предчувствовать рѣшеніе ихъ и всего собранія, равномѣрно и то, съ какимъ возторгомъ примется оное — какъ вдругъ гравёръ, которой предлагалъ руку свою Аврорѣ, видя, что никто за меня не вступается, всталъ и просилъ у Судей позволенія быть вмѣсто меня отвѣтчикомъ и, получивъ оное, разсказалъ въ короткихъ словахъ мою повѣсть, въ которой ничего не увеличилъ, кромѣ того, что относилось къ похвалѣ моей. Онъ признавался, что обстоятельства, сопровождавшія мою женитьбу, даютъ Судіямъ право уничтожить бракъ мой. Тутъ онъ на нѣсколько времени остановился. . . . Глубочайшее молчаніе царствовало въ залѣ. Тогда, обратясь къ Аврорѣ, сказалъ онъ ей твердымъ и важнымъ голосомъ: „Можетъ быть, сударыня, вы и не такъ

рождены, чтобъ быть женою починивальщика мѣховъ, но Природа заставляетъ васъ быть матерью его дитяти! Внемлите сильному гласу того, котораго носите вы теперь подъ сердцемъ; объявите намъ, желаете ли такой свободы, которая покроетъ его безчестїемъ незаконнаго рожденїя?" *Нѣтъ, нѣтъ!* вскричала Аврора, залившись слезами. Зрители, до крайности тронутые, повторили единогласно: *нѣтъ, нѣтъ!*

Вопль материнской любви рѣшилъ тяжбу: Судьи объявили бракъ законнымъ, потому что въ контрактѣ было подписано настоящее мое имя. Они примолвили даже, что состоянїя наши были не такъ не равны, чтобъ можно было оправдать разрывъ нашего союза. Но дабы уменьшить торжество неизвѣстнаго бродяги, они сдѣлали благоразумное опредѣленїе, что женѣ моей оставляется воля жить въ монастырѣ, и что мужу ея строго запрещается требовать ее къ себѣ, или хотя малѣйшимъ чѣмъ ее безпокоить, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанїя; что младенецъ будетъ носить мое имя, но что я не буду имѣть никакого на него права. Послѣ сего Аврора вышла изъ Суда съ торжествующимъ видомъ; народъ проводилъ ее до самаго монастыря, осыпая похвалами

за трогательное пожертвованїе, сдѣланное младенцу, котораго носила она еще въ утробѣ.

Таково было рѣшенїе сей славной тяжбы, въ продолженїе которой былъ я не очень покоенъ. Будучи принужденъ отъ всѣхъ скрываться, возпользовался я неизвѣстностїю своею, чтобъ смѣшаться съ толпою, и никто не представлялъ себѣ, чтобъ Перуру могъ быть одѣтъ пристойно и быть похожимъ на порядочнаго человѣка. Нѣтъ такихъ нелѣпостей, которыхъ бы не говорили тутъ о моей женитьбѣ и отсутствїи. Я старался смѣяться съ прочими, хотя внутренно и было мнѣ очень прискорбно слышать, что самые тѣ, которые наиболѣе забавлялись на щетъ Авроры, были въ числѣ главнѣйшихъ моихъ поносителей и называли меня безчестнѣйшими именами. По совѣтамъ друзей моихъ и по собственному желанїю, рѣшился я оставить Лїонъ и торговать въ такомъ городѣ, гдѣ имя и приключенїя мои былибъ совсѣмъ не извѣстны. Я избралъ Парижъ мѣстомъ своего пребыванїя. Многочисленное населенїе сей столицы не столько подвергало меня злобнымъ примѣчанїямъ празднолюбцевъ, и я могъ съ большею удобностїю и выгодою разполагать моимъ капиталомъ. Тамъ-то

бѣдный починивальщикъ мѣховъ, имѣя сто тысячь ливровъ наличныхъ денегъ и пользуясь кредитомъ Лїонскихъ своихъ прїятелей, завелъ знатный торгъ, которой былъ такъ выгоденъ, что превзошелъ всѣ его надежды. Пять лѣтъ былъ я любимцемъ Фортуны; но призываю совѣсть мою въ свидѣтели, что я поступалъ всегда съ честностїю самою строжайшею.

Я велъ изправную переписку съ Лїономъ. Одна щастливая нечаянность подала мнѣ случай оказать важную услугу первому тамошнему Банкиру. Благодарность побудила его такъ усильно просить меня съ нимъ повидаться, что я не могъ отказать ему, и притомъ чувствовалъ необходимую потребность дышать однимъ воздухомъ съ милою Авророю. Я показался въ Лїонѣ въ самомъ щегольскомъ экипажѣ, и какъ самъ, такъ и слуги мои были одѣты въ послѣднемъ вкусѣ; однакожь въ этотъ разъ блистательность моя была уже не занятая, но плодъ моего трудолюбїя, которое ручалось за прочность оной.

Старинные мои друзья насилу могли меня узнать, и мнѣ не трудно было ускользнуть отъ догадокъ новыхъ моихъ знакомцевъ. Не показывая большаго участїя, разспрашивалъ я о славной тяжбѣ,

которая за пять лѣтъ передъ тѣмъ интересовала весь городъ; говорилъ объ Авророѣ и ея семействѣ съ видомъ равнодушія. Мнѣ сказали, что отецъ ея недавно умеръ, что большіе и частые убытки по торговлѣ, склонность его къ пышности и знатныя издержки, употребленныя имъ на воспитаніе дочери, привели дѣла его въ такой безпорядокъ, что Аврора, оставшись почти безъ пропитанія, зависѣла нѣкоторымъ образомъ отъ благодѣяній добродѣтельной Игуменьи, у которой она все еще находилась. Я узналъ также, что, кромѣ всеобщаго участія, которое внушать она къ себѣ не переставала, ея поведеніе было такъ примѣрно, что всѣ не только ее почитали, но даже удивлялись ей. Замѣтили, что починивальщикъ мѣховъ не возмущалъ ни разу ея спокойствія требованіемъ правъ, которыхъ по суду его лишили.

Я не могъ слушать сихъ подробностей безъ сильнаго внутренняго волненія. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ столицѣ, безпрестанныя заботы о накопленіи такого богатства, которое могло бы мнѣ доставить единственный предметъ моихъ неусыпныхъ трудовъ, поглощали всѣ прочія мои мысли; но пребываніе мое въ Лионѣ и неподозрительное

свидѣтельство всѣхъ тѣхъ, съ которыми говорилъ я объ Аврорѣ, возбудили страсть, таившуюся всегда въ моемъ сердцѣ. Образъ женщины обожаемой и обманутой мною безпрестанно началъ мнѣ мечтаться; кровь моя снова закипѣла; я не придавалъ болѣе никакой цѣны богатствамъ, которыхъ принять она бы не удостоила. А сынъ мой! Не ужели никогда не долженъ я вкусить несравненнаго удовольствія прижать его къ сердцу моему и насладиться нѣжностію бытія, получившаго отъ меня жизнь? Не уже ли не изпытаю никогда сихъ родительскихъ лобызаній, которыхъ сладкимъ предвкушеніемъ былъ я давно уже обязанъ моему сердцу? Не могши болѣе сносить мучительнаго своего состоянія, рѣшился я, во что бы мнѣ ни стало, видѣться съ моею женою и сыномъ.

Одинъ изъ граверовъ собралъ по моей прозьбѣ заимодавцевъ ея отца и заплатилъ имъ всѣ его долги. Я поручилъ также ему выкупить многія вещи, которыя отъ долговременной привычки сдѣлались Аврорѣ драгоцѣнными, что онъ безъ дальняго затрудненія и изполнилъ.

Банкиръ, которой такъ удовлетворительно разсказалъ мнѣ все касающееся до жены моей, былъ весьма честный и почтенный человѣкъ. Я вознамѣрился ввѣ-

рить ему свою тайну, зная, что одно имя его могло уменьшить препятствія, меня остановляющія. У него былъ прекрасный домъ на очаровательныхъ берегахъ Роны. Сказавъ, что хочу сообщить ему нѣчто важное, я просилъ его назначить для сего разговора самое уединенное мѣсто и, получивъ отъ него честное слово хранить тайну, началъ такъ: „До сего времени видѣлъ ты въ другѣ своемъ богатаго Парижскаго купца, которой обязанъ своимъ состояніемъ дарованіямъ и честности своей. Судьба принудила меня скрываться подъ нѣкоторою маскою даже отъ тѣхъ особъ, которыхъ уваженіе цѣню я дороже всего на свѣтѣ. Я обманулъ любовницу: не хочу долѣе обманывать друга. Ты знаешь только половину моей исторіи, выслушай теперь другую. Ты видишь во мнѣ того нещастнаго починивальщика мѣховъ, котораго молодые вѣтреники избрали орудіемъ своего мщенія ....“ При семъ неожидаемомъ открытіи на лицѣ друга моего изобразилось чрезмѣрное удивленіе. „Я обязанъ Природѣ, продолжалъ я, небольшими дарованіями, которыя развернулись отъ воспитанія и ученія. Великодушіе друзей моихъ и опредѣленіе рока докерчили прочее. Ты говорилъ мнѣ объ Аврорѣ съ похвалою; я

скоро оставляю Лїонъ, но клянусь тебѣ, что безъ нее отсюда не поѣду. Другъ мой! ты наслаждаешься здѣсь всеобщимъ уваженїемъ; будь нашимъ посредникомъ, и я буду тебѣ одолженъ щастїемъ жизни моей!"

„Банкиръ, опомнясь отъ своего изумленїя, увѣрялъ меня, что ни мало не сомнѣвается въ примиренїи, котораго желалъ я съ такимъ жаромъ. „Игуменья того монастыря, гдѣ живетъ твоя супруга, сказалъ онъ мнѣ, удостоиваетъ меня своею дружбою; теперь еще рано, городъ близко: поѣдемъ немедленно рѣшить съ самою Авророю остановляющїя тебя затрудненїя. Я съ восторгомъ согласился на сїе предложенїе, и столько же хотѣлъ видѣть жену мою, сколько однажды старался убѣгать отъ нее. Я горѣлъ нетерпѣнїемъ насладиться ея присутствїемъ и обнять сына моего.

Мы прїѣхали въ монастырь и объ насъ немедленно доложили Игуменьѣ. Банкиръ назвалъ меня однимъ изъ богатѣйшихъ Парижскихъ купцовъ. Мы вошли. Какая картина представилась глазамъ моимъ! Аврора, прелестная Аврора, во всемъ блескѣ красоты, сидѣла возлѣ почтенной Игуменьи. Миловидный робенокъ, или лучше сказать, Ангелъ спалъ

на ея колѣнахъ: нѣжная мать столько имъ занималась, что едва насъ примѣтила и поклонилась съ разсѣяннымъ видомъ. Взглянувъ на меня, она содрогнулась, какъ бы вспомнивъ нѣчто непріятное; но какъ я былъ представленъ знакомымъ ей человѣкомъ и названъ богатымъ Парижскимъ купцомъ, сверхъ того начинало уже смеркаться, то все сіе отклонило ея подозрѣнія, и Аврора никакъ не могла узнать мужа своего въ богатомъ Парижанинѣ. Другъ мой началъ разговоръ нѣкоторыми неважными замѣчаніями о близкомъ моемъ отъѣздѣ, потомъ слегка упомянулъ о многочисленныхъ моихъ торговыхъ сношеніяхъ, и спросилъ у Игуменьи, не имѣетъ ли она препоручить мнѣ что нибудь. Между тѣмъ мальчикъ проснулся, и вмѣсто того, чтобъ дичиться незнакомца, смотрѣлъ на меня съ улыбкою. Поглядѣвъ на обоихъ насъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, къ кому подойти, подбѣжалъ онъ наконецъ ко мнѣ. Вообразите, что я чувствовалъ, принимая нѣжныя ласки, сладкіе поцѣлуи милаго сына! Сильное движеніе, котораго обуздать былъ я не состояніи, принудило меня взять его съ восторгомъ на руки и броситься съ нимъ къ ногамъ жены моей, которая поблѣднѣла и запре-

петала. „Аврора! Аврора! вскричалъ я: сынъ твой требуетъ у тебя отца своего. Не уже ли гордость вѣчно будетъ держать въ оковахъ нѣжность?“ Между тѣмъ, какъ я говорилъ сіи слова прерывающимся голосомъ, Аврора, до крайности пораженная толь неожидаемымъ произшествіемъ, была почти внѣ себя; глаза ея обращались то на меня, то на сына, которой обнималъ ея колѣна, какъ бы умоляя простить нещастнаго своего отца. Наконецъ залилась она слезами. Робенокъ, не понимая причины горести матери своей, присоединилъ жалостный крикъ къ воплю моего сердца. „Прости, прости меня!“ повторялъ я, и — Аврора, вмѣсто отвѣта, кинулась въ мои объятія. „Не знаю, не еще ли разъ хочешь ты обмануть меня, сказала она, но сынъ твой такъ сильно за тебя ходатайствуетъ! . . . и съ сей минуты Аврора — твоя. . . .“ Она прижала меня къ трепещущей своей груди, и мы нѣсколько времени пребыли въ безмолвномъ восхищеніи. Наши возторги, ласки невиннаго младенца, слезы друга моего, самое даже мѣсто, гдѣ сцена сія произходила, все стремилось увеличить наше упоеніе. „Дѣти мои! сказала Игуменья со слезами умиленія на глазахъ: вы оба исполнили долгъ свой; супругъ твой, любез-

ная Аврора, оказалъ теперь столько чувствительности, что не способенъ къ обману; а въ тебѣ любовь материнская такъ сильна, что впредь не будешь ты болѣе жертвою несмысленной гордости. Союзъ, которой вы при мнѣ возобновили толь трогательнымъ образомъ, да будетъ несравненно щастливѣе прежняго, и да наслаждаются сердца ваши тѣмъ безпримѣснымъ блаженствомъ, прочность котораго зависитъ единственно отъ добродѣтели!" Сіи слова, произнесенныя голосомъ важнымъ и величественнымъ, утишили волненіе чувствъ нашихъ. Я разсказалъ подробно всѣ свои приключенія, не забывъ ни проступковъ своихъ, ни разкаянія. Съ радостію примѣтилъ я, что рука Авроры часто пожимала мою, когда упоминалъ я о предпріятіяхъ, которыя любовь моя къ ней внушала мнѣ, хотя она и довольно равнодушно слушала, когда говорилъ я о своихъ богатствахъ. Болѣе всего сдѣлало ей удовольствія въ повѣсти моей то обстоятельство, что я заплатилъ долги отца ея и выручилъ ея любимыя вещи.

Другъ мой, по случаю нашего примиренія, далъ великолѣпный праздникъ. Далѣ дому его находился другой, хотя не такъ большой, но мѣстоположеніе

онаго было возхитительно; этотъ домъ продавался. Одно слово, вырвавшееся изъ устъ Авроры, открыло мнѣ, что пріобрѣтеніе онаго было бы ей пріятно. Я немедленно купилъ его на ея имя, и черезъ сутки вручилъ ей купчую.

Я возвратился въ Парижъ съ женою и сыномъ. Аврора не оказала ни малѣйшаго удивленія, вошедъ въ домъ мой, который былъ убранъ великолѣпно; не знаю, отъ чего это произошло, отъ природной ли великости, или отъ того, что ея прежняя гордость еще не истребилась. Я узналъ однако же, что злополучіе имѣло щастливое вліяніе на ея характеръ, и увидѣлъ, что былъ искренно любимъ предметомъ всей нѣжности моей.

Уже протекъ цѣлый годъ, и въ совершенномъ, небесномъ блаженствѣ показался мнѣ секундою. Однажды очень рано Аврора вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ блистающими отъ радости глазами. „Другъ мой! сказала она: я надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ въ прозьбѣ моей. Мнѣ вздумалось угостить тебя въ моемъ Лїонскомъ домѣ. Не дѣлай мнѣ никакихъ отговорокъ. Сей часъ ѣду напередъ съ сыномъ.“ Я немедленно согласился и не преминулъ

въ положенный срокъ пріѣхать. Въ назначенный для пиршества день Аврора увеличила безподобную красоту свою блистательнѣйшимъ нарядомъ. Наконецъ пришли сказать, что столъ готовъ. Посудите о моемъ удивленіи, когда, взявъ меня за руку и приведя въ комнату, украшенную руками самыхъ Грацій, Аврора представила мнѣ гостей, въ числѣ которыхъ увидѣлъ я друзей своихъ, прежнихъ моихъ покровителей, виновниковъ богатства моего, женитьбы — щастія! Я не въ силахъ изобразить чувствій, изпытанныхъ мною въ продолженіе сего несравненнаго обѣда, которому сверхъ того жена моя придавала неизъяснимую прелесть веселонравіемъ своимъ и любезностію.

Послѣ стола Аврора повела насъ въ назначенныя для меня комнаты. Она тронула легкую пружинку, и вдругъ поднялся занавѣсъ, которой скрывалъ двѣ большія картины мастерской работы. Мы подошли, чтобъ разсмотрѣть ихъ вблизи. „Милая, божественная женщина!“ вскричали мы всѣ. . . Одна изъ сихъ картинъ представляла сцену, произходившую въ деревнѣ близь Монтелимара: я былъ изображенъ стоящимъ на колѣняхъ передъ Авророю, которая съ видомъ сильнаго не-

годованія отталкивала меня отъ себя, смотря съ презрѣніемъ на гравёра, которой былъ нашимъ кучеромъ. Внизу было подписано: *любовь, побѣжденная гордостію.* Вторая картина представляла сцену того дня: друзья мои сидѣли за столомъ; Аврора, помѣщенная между щастливымъ своимъ супругомъ и гравёромъ, которой хотѣлъ на ней жениться, нѣжно улыбалась. Внизу была слѣдующая надпись: *гордость, побѣжденная любовію.*

Здѣсь кончится моя исторія, или по крайней мѣрѣ, мои приключенія: мнѣ гораздо легче чувствовать блаженство свое, нежели описывать оное. Теперь я имѣю четверыхъ дѣтей, и Аврора непремѣнно хотѣла, чтобъ перваго родившагося послѣ примиренія нашего сына крестилъ гравёръ, которой просилъ ея руки. Сей почтенный человѣкъ женатъ на весьма любезной женщинѣ, извѣстной въ Лїонѣ по отличнымъ стараніямъ, которыя прилагаетъ она о воспитаніи своей дочери. Аврора увѣряетъ меня, что не можетъ быть совершенно щастливою, естьли со временемъ эта дѣвочка не будетъ называть ее сладкимъ именемъ матери; всего удивительнѣе то, что стар-

шій сынъ нашъ наилучшимъ образомъ соотвѣтствуетъ желанію моей супруги (*).

Съ Французскаго.

III.

Письмо отъ Издателя Твердости духа нѣкоторыхъ Россіянъ къ Г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Барону Ашу.

Ваше Превосходительство!

„Принявъ благосклонно слабые труды мои, побудили и нынѣ сдѣлать себѣ удовольствіе, доставивъ Вамъ, Милостивый Государь, нѣкоторыя краткія изслѣдова-

(*) Нѣкоторые читатели вѣрно спросятъ, куда щастливый Перуру дѣвалъ бѣднаго своего отца; но переводчикъ, право, этого не знаетъ; только думаетъ, что онъ успокоилъ его старость; по крайней мѣрѣ такъ бы надлежало. Естьли же сей недостатокъ произходитъ не отъ забвенія Автора, то тѣмъ болѣе доказываетъ справедливость его повѣсти. . .

Издател. Вѣстника.

нія о несправедливомъ замѣчаніи, напечатанномъ въ *Листахъ Словесности въ Іенѣ*, на мою книжку, подъ заглавіемъ: *Твердость духа нѣкоторыхъ Россіянъ*, въ разсужденіи дѣйствія Графа Головина."

„Меня не удивляемъ, что иноземцы дѣлаютъ подобныя ошибки тогда, когда многіе Россіяне прислали мнѣ сказать и лично повторяли, что я дѣйствіе Князя Долгорукаго приписалъ Графу Головину. Виноватъ ли я, когда и тѣ и другіе, не вникнувъ въ Исторію и не разобравъ Хронологію, вдругъ смѣло пишутъ, выдаютъ въ свѣтъ свои опроверженія и тѣмъ оскорбляютъ молодаго Писателя, а болѣе себя?"

„Анекдотъ, напечатанный мною о Графѣ Головинѣ, случился въ 1710мъ году, по разбитіи ПЕТРОМЪ Великимъ Карла XII подъ Полтавою, когда театръ войны перенесенъ былъ изъ Малороссіи въ Лифляндію. Предметомъ помянутаго анекдота было заготовленіе хлѣба для флота, готоваго плыть изъ Кронштатской верфти къ предѣламъ Швеціи. Въ семъ то случаѣ Головинъ изодралъ, въ присутствіи ПЕТРА Перваго, опредѣленіе, одними только Сенаторами подписанное, которое содержало: чтобъ собрать потребное количество хлѣба для выходу флота

съ крестьянъ Новогородской Губернїи, яко ближайшей, разположа на душу, по чему придетъ. Головинъ, разорвавъ опредѣленїе и примолвивъ: *слышь ты! умныя головы!* сталъ писать на бѣломъ листѣ, не примѣчая, что дѣлается вокругъ его. Сїе напечатано въ *Твердости духа нѣкоторыхъ Россїянъ.*"

„Князя Долгорукаго же патрїотическая ревность совершилась въ 1718мъ году, и слѣдовательно осмью годами позже Головинова дѣйствїя, и состояла: чтобъ владѣльцы деревень Новогородской и Санктпетербургской Губернїй посылали, при первомъ начатїи работы большаго Ладожскаго канала, крестьянъ своихъ на копанїе онаго канала, и ПЕТРЪ Великїй, бывъ въ Сенатѣ, подписалъ Указъ о семъ. Долгорукой не присудствовалъ въ сей день. На другой день, когда уже должно было приступить къ изполненїю онаго Указа, Долгорукой, по обыкновенїю, спросилъ: о чемъ вчера было разсуждаемо въ Сенатѣ? Ему подали подписанный всѣми протоколъ, въ которомъ было записано Монаршее повелѣнїе. Князь Долгорукой, по прочтенїи онаго, началъ съ жаромъ говорить, что такое повелѣнїе противно Государственной пользѣ и что о томъ должно Государю непремѣнно и въ самой скоростпи

доложить, дабы не споспѣшествовать конечному разоренію сихъ и безъ того уже предъ прочими истощенныхъ Губерній. И какъ онъ продолжалъ ревностно оспоривать сіе не довольно обдуманное опредѣленіе: то, дабы убѣдить его, что того уже не льзя перемѣнить, предложили ему подписанное Императоромъ опредѣленіе. Долгорукой, слѣдуя единой ревности своей къ пользѣ общей и славѣ Государя своего, къ изумленію Сената, разорвалъ сіе подписанное Монархомъ опредѣленіе. — Продолженіе сего анекдота можно читать и на Нѣмецкомъ языкѣ, писанное Гм. Штелинымъ."

„Скажите, Ваше Превосходительство! имѣютъ ли сіи два анекдота какое нибудь между собою сходство. Я бы сказалъ Гну. Рецензенту, или Гм. Рецензентамъ, Руску́ю пословицу: *не спросясь броду, не суйся въ воду.*"

„Ежели Вы, Милостивый Государь, найдете за нужное оправдать молодаго Писателя: то можете доставить сіе письмо къ Издателямъ *Листовъ Словесности въ Іенѣ*, или научить меня, какъ доставить имъ прямо отъ Сочинителя. — Обяжете или тѣмъ, или другимъ, и проч."

IV.

Эпиграммы изъ Марціала.

1.

Просилъ я у тебя въ займы, Фебъ! ста монетъ,
Ты обѣщался дать: за чѣмъ же стало дѣло?
Сомнѣніе о томъ — дать деньги, или нѣтъ? —
Дней за десять назадъ тобою овладѣло.
Теперь прошу тебя — рѣшительно скажи:
Дашь деньги, или нѣтъ? — Не дашь — такъ откажи!

2.

Повѣрь, Постумій! мнѣ, что тѣ благодѣянья,
Которы сдѣланы въ надеждѣ воздаянья,
Теряютъ должную въ глазахъ другихъ цѣну.
Благотворя другимъ — ты цѣль имѣешь ту,
Чтобъ добрыя дѣла твои всѣмъ были явны:
Но — съ симъ желаніемъ — они уже безславны.

Брд. . . —

V.

Эпитафія собакѣ.

(Подражаніе Французскому.)

На мѣстѣ рѣдкая собака тутъ лежитъ:
Хозяиномъ, женой, превѣрною щиталась!
Страшна для подбиралъ, мила для волокитъ;
На первыхъ лаяла, къ другимъ всегда ласкалась.

Г — й В — ъ.

VI.

Загадка.

Коль выгладишь меня, то я всего бѣлѣе,
Но въ пепелъ превратя — ты не найдешь чернѣе.

Г — й В — ъ.

VII.

Экспромтъ

Во время стрѣльбы изъ пушекъ въ деревнѣ Лх - лбна.

Хоть страшенъ пушекъ громъ и кажется для насъ,
Однакожъ ничего въ сравненьи *милыхъ глазъ*:
Однѣ, пуская *громъ*, насъ только устрашаютъ;
Другіе въ сердце къ намъ *стрѣлами* пролетаютъ.

Перикса.

К. К — шевъ.

VIII.

На ошейникъ Аглинской собачки.

Ты вѣрность мнѣ изображай —
Люби меня и утѣшай.

К. К — шевъ.

IX.

Парижскія Моды.

Іюня 10.

Нынѣ вышло уже здѣсь изъ Моды одѣваться пышно въ Воскресные дни, въ которые ни одна щеголеватая Дама не покажется въ Парижѣ и покраснѣетъ отъ стыда, когда кто ей скажетъ: „Я видѣлъ васъ въ Воскресенье во Фраскати, на гуляньѣ, или въ спектаклѣ.“ Но деревенскіе праздники и танцовальныя партіи за городомъ посѣщаются всѣмъ моднымъ Свѣтомъ. Деревня Монморанси и Эрменонвильская роща служатъ по Воскресеньямъ мѣстомъ сборища для хорошихъ бесѣдъ. Многія Особы ѣздятъ также въ помянутые дни и въ Версалію *зевать* (faire le badaud), какъ бьютъ тамъ фонтаны.

*

Подъ перкалевою шляпкою по утру, щеголиха не носитъ совсѣмъ серегъ; а ежели и вздѣваетъ оныя, то онѣ должны быть самыя маленькія. Ввечеру, также не для большаго наряда, она носитъ серьги, которыхъ кольцо изображаетъ змѣю, образующую кругъ и держащую во рту яблоко. И такъ видя Парижскую женщи-

ну почти совсѣмъ нагую, съ хорошо обрисованными формами, въ то же самое время видишь женщину, змѣю и яблоко, и не возможно не вскричать: Парижанки суть праматери всѣхъ женщинъ въ Свѣтѣ!!!

*

Соломенныя шляпки, бѣлаго натуральнаго цвѣту, не выходятъ изъ употребленія.

*

Цвѣтокъ *гортензія*, о которомъ не знаютъ, гдѣ находится первоначальное мѣсто его рожденія, растетъ въ Китаѣ и Японіи. Въ Европу привезенъ онъ Лордомъ Макартнеемъ, когда онъ возвращался изъ Пекинскаго Посольства въ Лондонъ. Въ Англіи развелся онъ до того, что купцы начали пересылать гортензію вмѣстѣ съ другими товарами во Францію. Живущій въ Парижѣ садовникъ Одеберъ снабдилъ уже симъ растеніемъ цвѣтники многихъ Любителей садоводства. Гортензія пускаетъ отрасли въ землю, и для нея нуженъ черноземъ; но зимою непремѣнно должно содержать ее въ теплицѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Перечень извѣстій изъ Лондона съ 8го по 19е Іюня.

Г. Питтъ, управлявшій прежде чрезъ цѣлыя 17 лѣтъ съ похвалою и одобреніемъ отъ стороны большой части своихъ соотечественниковъ кормиломъ Государства нашего и, послѣ двугодичнаго самопроизвольнаго удаленія отъ сего важнаго посту, нынѣ соизволеніемъ Королевскимъ избранный опять къ отправленію прежней должности, претерпѣваетъ въ Нижнемъ Парламентѣ весьма сильныя нападенія отъ противной Министерству стороны, къ которой, какъ извѣстно, принадлежатъ Гг. Фоксъ, Шериданъ и другіе. Они всячески стараются опровергнуть предложенный Гм. Питтомъ Парламенту 5го Іюня планъ для защищенія Государства и новую систему для набора рекрутъ, которыя, правду сказать, не нравятся и многимъ изъ друзей его и, подъ предлогомъ симъ, упрекаютъ его, что онъ составилъ новое Министерство изъ 6 прежнихъ, потерявшихъ

довѣренность націи и 4 новыхъ Членовъ. Усилія ихъ, произвести то, чтобы Г. Питтъ лишился въ Парламентѣ большинства голосовъ, были доселѣ тщетны, хотя и Г. Питтъ, съ своей стороны, не можетъ похвалиться, чтобъ онъ нынѣ имѣлъ у себя такое великое число приверженцовъ, какъ въ прежнее свое Министерство. Чѣмъ кончится сей споръ двухъ сильныхъ партій, время вскорѣ окажетъ!

Въ однихъ Вѣдомостяхъ нашихъ пишутъ, что Англія кажется быть теперь совершенно увѣренною, что, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, не можетъ она ожидать отъ твердой земли никакого рѣшительнаго подкрѣпленія, по чему и должна помышлять объ окончаніи великой своей вражды съ Франціею безо всякаго посторонняго вспомоществованія. Сему-то и должно приписано быть рвеніе Гна. Питта, чтобы билъ его объ умноженіи регулярной Британской арміи утвержденъ былъ Парламентомъ, дабы мы тѣмъ съ вящшею уразительностію могли продолжать войну. Вѣроятно также и то, что Г. Питтъ предвидитъ, что война будетъ *продолжительна*, и что скорый и неожиданный миръ, при теперешнихъ об-

стоятельствахъ, не можетъ опять быть прощенъ.

Его Величество, Король, подписываетъ всѣ текущія Государственныя дѣла и имѣетъ теперь пребываніе свое въ увеселительномъ Замкѣ Кевѣ. — Его Величество простилъ на сихъ дняхъ 15 приговоренныхъ къ смерти преступниковъ.

Принцъ Валлійскій давалъ 17 го Іюня Членамъ противной Министерству стороны большой обѣденной столъ, за которымъ пили только за одно Королевское здравіе. Его Высочество изъяснился при семъ случаѣ, что боренія двухъ партій въ Парламентѣ доведутъ наконецъ до прочнѣйшаго и дѣятельнѣйшаго правительства.

Учиненныя съ нашей стороны покушенія, завести нѣкоторыя торговыя связи съ Неграми на островѣ Ст. Домингѣ, оказались безуспѣшны.

Россійско - Императорскій Посолъ, Графъ Воронцовъ, получивъ отъ Двора своего депеши, остался здѣсь опять на неопредѣленное время.

Миръ въ Остъ - Индіи заключенъ, а впрочемъ не получено о военныхъ дѣйствіяхъ никакихъ новѣйшихъ извѣстій.

Перечень извѣстій изъ Парижа съ 12 го по 18 е Іюня.

Десятаго числа сего мѣсяца, въ 4 часа по утру, послѣдовалъ наконецъ слѣдующій приговоръ о заговорщикахъ:

„Уголовное Юстицкое Судилище послѣ совѣтованія, продолжавшагося 20 часовъ, приговорило 1) къ смерти: *Жоржа Кадудаля*, *Армана Полиньяка*, *Лажоле* и еще 17 другихъ; 2) *просидѣть 2 года подъ стражею*: Генералу *Моро*, *Юлію Полиньяку*, *Лериданy*, *Роллану* и дѣвицѣ *Гизей*; 3) *невинными найдены* 21 человѣкъ поименно; 4) *приговорены просидѣть въ смирительномъ домѣ* пятеро, по-именно."

Приговоръ сей отданъ на разсмотрѣніе, по желанію самыхъ подсудимыхъ, изключая Моро, такъ называемому Кассаціонному Судилищу.

Между тѣмъ изъ приговоренныхъ къ смерти — осьмеро прощены уже Императоромъ Наполеономъ, по предстательству женъ, дочерей, или родственницъ ихъ, которыя, отнесшись прозьбами своими къ Императрицѣ Іозефинѣ, или дочери ея, или къ которой-либо изъ сестръ Императорскихъ, были отъ нихъ представлены самому Наполеону, и трогательными своими слезами убѣдили его, дарованіе

осужденнымъ прощенїе. Вѣроятно, что и большая часть прочихъ, приговоренныхъ какъ къ смерти, такъ и двугодичному аресту, равномѣрно прощены будутъ. — Гжа. Моро не просила еще доселѣ о прощенїи мужа своего (вѣроятно, что и просить о томъ не будетъ).

Здѣсь обнародованъ слѣдующїй Императорскїй *милостивый Манифестъ*, подписанный въ Ст. Клудскомъ Дворцѣ 2 го Іюня:

„Поелику Наполеонъ, Божїею милостїю и по конституцїи Республики Императоръ Французовъ, желаетъ ознаменовать эпоху вступленїя своего на Престолъ дѣянїями милости и благотворительности; то, по выслушанїи мнѣнїя Государственнаго Совѣта на донесенїе Министровъ, опредѣляетъ:

„1. Всѣ, содержимые подъ стражею за несостоянїе заплатить денежную пеню, освобождаются. 2 и 3. Министры общественной казны и финансовъ должны подать рапорты о каждомъ колодникѣ, сидящемъ въ тюрьмѣ за долги, дабы Его Величество могъ судить, которые изъ нихъ освобождены быть могутъ. 4 - 6. Ассигнуются 150 тысячь франковъ на заплату кормилицамъ за бѣднѣйшихъ отцовъ и матерей. 7 - 6. Города Парижъ,

Марсель, Аїонъ и Бордо, и даже каждая округа Имперїи, получатъ по 600 франковъ на приданое одной дѣвушкѣ добраго поведенїя. 10 и 11. Всѣ унтеръ-офицеры и солдаты сухопутной и морской армїи, кои за побѣгъ приговорены къ общественнымъ работамъ, прощаются. 12. Таковое же прощенїе даруется всѣмъ Офицерамъ и солдатамъ, не явившимся изъ отпусковъ къ постамъ своимъ. 13. Упрямые конскрипты (рекруты) равномѣрно прощаются; но они, въ теченїе одного мѣсяца, должны явиться къ своимъ знаменамъ." — Сверьхъ того повышены чинами разные морскїе Офицеры, отличившїеся храбростїю въ послѣднїя сраженїя на Французско-Батавской флотилїи. Многїе изъ нихъ приняты будутъ въ Почетный Легїонъ. Да и нѣкоторымъ матросамъ прибавлено будетъ жалованье. — Далѣе, Военный Министръ долженъ представить Императору списки Офицеровъ и солдатъ сухопутной армїи, принимавшихъ участїе въ сраженїяхъ, или достославнымъ образомъ жизнь свою кончившихъ, и послѣ которыхъ остались жены, дѣти, или престарѣлые родители, дабы они могли возпользоваться Имцераторскою милостїю.

Убійства на островѣ Сп. Домингѣ, гдѣ до 5 тысячь Бѣлыхъ жителей предано смерти (такъ пишутъ въ однихъ здѣшнихъ публичныхъ листахъ), вопіютъ о мщеніи, и можно утвердительно сказать, что мщеніе сіе рано, или поздно, послѣдуетъ: оно не избѣжно!

Въ Монитёрѣ отъ 15 го Іюня помѣщена слѣдующая статья:

„Купечество не должно вѣрить ложнымъ слухамъ, разпространяемымъ Лондонскими Журналами."

„Нѣтъ ни малѣйшей опасности въ разсужденіи нарушенія спокойствія на твердой землѣ. Всѣ идеи о союзѣ Державъ противъ Франціи суть химеры."

„Ни въ одну войну съ Англіею не находились мы въ лучшемъ положеніи, какъ въ нынѣшнюю, и никогда непріятели наши не были въ такихъ замѣшанныхъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ."

„Наконецъ всѣ слухи, разпространяемые ажіотерами и безмозглыми головами о нашемъ внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи, суть совершенно ложны и неосновательны."

Императоръ предпринималъ 16 го числа сего мѣсяца путешествіе въ Компіень,

и оттуда возвратился опять въ Ст. Клу. Въ скоромъ времени отправится онъ къ берегамъ, и именно въ Гавръ, Булонь, Антверпенъ и проч. — Увѣряютъ, что коронованіе Императора отложено до 18 го Брюмера (9 го Ноября) и что оное произходить будетъ въ Парижѣ.

Хотя многіе изъ пребывающихъ здѣсь иностранныхъ Посланниковъ получили уже новыя для себя увѣрительныя грамоты: однакожь оныя вручены будутъ не прежде, какъ въ день, который Императоръ назначитъ для сего.

Славный здѣшній Астрономъ *Ланландъ* приводитъ на память особамъ, которыя по вечерамъ удивляются блестящей ясности Планеты Венеры, которая видна бываетъ даже и днемъ, что сія Планета показалась въ самый полдень 9 го Декабря 1797 году, когда торжествующій Бонапарте представленъ былъ Директоріи; что тогда назвали ее кометою Бонапартевою, и присовокупляетъ, что теперешній ея блескъ имѣетъ какъ кажется, нѣкоторую связь съ новымъ тріумфомъ Императора.

Парижъ Іюня 25. Генералъ *Моро*, приговоренный просидѣть два года подъ арестомъ, просилъ позволенія у Императора, отправиться въ *Сѣверную Америку*. Онъ получилъ оное, и выпущенъ уже изъ Тампля, чтобъ предпріять путь свой въ помянутую часть Свѣта. — Приговоренные же къ смертной казни преступники, числомъ 12 человѣкъ, и въ томъ числѣ *Жоржъ*, казнены сего дня, въ 11½ часовъ по утру, на Гревской площади, въ присутствіи множества зрителей, гильйотиною.

Перечень извѣстій изъ Италіи по 12е Іюня.

Здѣсь носятся слухи, что Его Святѣйшество, Папа, за слабостію своего здоровья, сложитъ съ себя свой санъ, и что преемникомъ Его будетъ Кардиналъ Фешь, дядя нынѣшняго Императора Французовъ.

Государственная Консульта Италіанской Республики опредѣлила соорудить памятникъ Его Величеству, Наполеону Бонапартію, Императору Французовъ, Основателю Италіанской Республики, и достиженіе его до Императорскаго

достоинства праздновать 16 го Августа, какъ въ день тезоименитства его.

II.

Открытія и изобрѣтенія.

Новоизобрѣтенный способъ, гораздо удобнѣйшій всѣхъ донынѣ извѣстныхъ, хранить чрезъ долгое время матерію коровьей оспы во всей ея силѣ.

Докторъ де Карро сообщилъ недавно Издателямъ *Британской Библіотеки* слѣдующее полезное открытіе:

„Врачи долго были въ томъ мнѣніи, что струпья коровьей оспы не имѣютъ способности производить оной, и многіе оспо-прививатели, въ числѣ которыхъ находился и я, извлекли изъ сего обстоятельства главное различіе между коровьею и настоящею оспою. Эдимбургскій Хирургъ, Г. Брисъ, дѣлалъ множество опытовъ, доказывающихъ, что сіи струпья, изтертыя въ порошокъ и смоченныя водою, также удобно производятъ коровью оспу, какъ и самая прозрачнѣйшая матерія. Вѣнскій Докторъ Иберла-

херъ съ величайшимъ успѣхомъ повторялъ сіи опыты при моихъ глазахъ. Сіе открытіе, по мнѣнію моему, весьма важно для упражняющихся въ прививаніи сей спасительной оспы, доставляя великую удобность хранить чрезъ долгое время матерію коровьей оспы въ видѣ струпьевъ, и пересылать ее въ отдаленнѣйшія мѣста, не опасаясь, чтобъ она потеряла силу. — Совѣтуемъ каждому оспо-прививателю съ сего времени держать всегда въ запасѣ по нѣкоторому количеству сихъ струпьевъ какъ для себя, такъ и для другихъ.“

Конецъ XV Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

МАЙ. No 9.

Стран.

I. Россіянинъ въ Лондонѣ, или письма къ друзьямъ моимъ. 3

II. Тюльпанное дерево, Восточная повѣсть. - - 23

III. Нѣчто о Графѣ Беньйовскомъ и Аглинскомъ Историкѣ Джиббонѣ. - - - 56

IV. Отрывокъ изъ сочиненій Гжи. Жанлисъ. - - 60

V. Нѣчто о воспитаніи. - 62

VI. Парижскія моды. - - 68

VII. Перечень извѣстій изъ Лондона съ 8го по 22 Мая. - 73

Перечень извѣстій изъ Парижа, съ 11го по 22е Мая. 79

Письмо Е. И. В. къ Консуламъ Камбасересу и Лебрюню. 84

Императорское опредѣленіе (Décret Imperial). - —

МАЙ. No 10.

Стран.

I. Валерія. - - 87
II. Иванъ-озеро. - - 114
III. О причинѣ числа умирающихъ, превосходящаго рождающихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. - 124
IV. Отрывки, содержащіе нѣкоторыя любопытныя подробности о Турціи и Египтѣ. - 131
V. О вкусѣ. - - 145
VI. Весна. - - - 147
VII. Сонетъ. - - 151
VIII. Парижскія моды. - 152
IX. Перечень извѣстій изъ Лондона съ 22го Мая по 1е Іюня. 156
Перечень извѣстій изъ Парижа съ 22го Мая по 1е Іюня. 159
Перечень извѣстій изъ Германіи Мая по 30е. - 168

ІЮНЬ. No 11.

I. Жена, сумазбродная по наружности. (Новѣйшая повѣсть Г-жи. Жанлисъ.) - - 171
II. Розпись, сколько выполъзовано въ Голицынской больницѣ съ начала заведенія ея, то есть съ 22го Іюля 1802 по 1е Марта 1804 года. - 214 и 215
Операціи, сдѣланныя въ Голицынской публичной боль-

Стран.

ницѣ Докторомъ-Операторомъ Ефремомъ Мухинымъ. - - 216
III. Царицыно. - - 219
IV. Эпитафія Княгинѣ Евгеніи Сергеевнѣ Долгорукой. - 230
V. Романсъ. - - - 231
VI. Стихи на праздникъ, данный К* М* Д* Ц-мъ на Прѣсненскихъ прудахъ 24 Іюня, 1804. 232
VII. Парижскія моды. - 233
VIII. Перечень извѣстій изъ Лондона, съ 1го по 8е Іюня. - 235
Перечень извѣстій изъ Парижа, съ 1 го по 12е Іюня: - 238
IX. Новыя изобрѣтенія. - 251
Растительной составъ для поливанія зимою въ комнатахъ луковыхъ цвѣтовъ, чтобъ принудить ихъ цвѣсть гораздо ранѣе обыкновеннаго. - - —
Простое и весьма легкое средство превращать въ однѣ сутки всякія негодныя травы въ добрый навозъ. - 252
Дешевый способъ дѣлать свинцовыя бѣлила, превосходящія добротою обыкновенныя. - - 253
Новѣйшее и дѣйствительнѣйшее лѣкарство отъ плоскихъ глистовъ. - - 254

ІЮНЬ. № 12.

Стран.

I. Валерія. (Окончаніе.) - - 255
II. Исторія Перуру. - - 284
III. Письмо отъ Издателя Твердости духа нѣкоторыхъ Россіянъ къ Г. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Барону Ашу. 327
IV. Эпиграммы изъ Марціала. - 331
V. Эпитафія собакѣ. - 332
VI. Загадка. - - —
VII. Экспромтъ. - - 333
VIII. На ошейникъ Аглинской собачки. —
IX. Парижскія моды. - 334
X. Перечень извѣстій изъ Лондона съ 8го по 19е Іюня. - 336
Перечень извѣстій изъ Парижа съ 12го по 18е Іюня. - 339
Перечень извѣстій изъ Италіи по 12е Іюня. - 344
XI. Открытія и изобрѣтенія. -
Новоизобрѣтенный способъ хранить матерію коровьей оспы. - - 345